

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

220-летие КФУ

Том 166

Книга 4

2024

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки

рецензируемый научный журнал

2024

Т. 166,
кн. 4

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционный совет

- Д.А. Таюрский* (председатель редакционного совета, главный редактор) – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- А.И. Алиев* – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
- Й. Баберовски* – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия
- Б.А. Байтанаев* – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан
- Б.М. Гонгало* – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
- Л.П. Грамова* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
- А. Квятковская* – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша
- В.М. Мокиенко* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия
- М.М. Мюллер* – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия
- Л.П. Репина* – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
- Л. Росси* – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
- А.Г. Ситдинов* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- И.А. Тарханов* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Д.В. Ушаков* – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
- Т.Я. Хабриева* – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
- А.Н. Чумаков* – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- М.Д. Щелкунов* – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

- Е.А. Горобец* (зам. гл. редактора) – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Л.Р. Ахмерова* (секретарь) – канд. филол. наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Е.М. Абайдельдинов* – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан
- Н.Ф. Алефиренко* – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
- Б.С. Алишев* – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Н. Вайс* – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия
- Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Г.А. Волков* – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- Г.Х. Гилязетдинова* – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
- С.Ю. Головина* – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия
- О.Ф. Жолобов* – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.М. Лушников – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
Н.Л. Лютлов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
Г.П. Мязгов – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.О. Прохоров – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Рарог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Й. Сипко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
Й. Эккенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястшембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Научный редактор *Г.П. Мязгов* – д-р. ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редактор *Л.Р. Ахмерова*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 15.11.2024.
Формат 70х 108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,76. Уч.-изд. л. 14,70.
Тираж 300 экз. Заказ 66/11.

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

Seriya Gumanitarnye Nauki

(Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series)

Peer - Reviewed Scientific Journal

2024

Vol. 166,

no. 4

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Council

- D.A. Tayurskii* (Chairman of the Editorial Council, Editor-in-Chief) – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- A.I. Aliev* – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
- J. Baberowski* – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany
- B.A. Baitanaev* – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan
- B.M. Gongalo* – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
- L.P. Gromova* – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- A. Kwiatkowska* – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
- V.M. Mokienko* – Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; University of Greifswald, Greifswald, Germany
- M.M. Muller* – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany
- L.P. Repina* – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia
- L. Rossi* – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy
- A.G. Sitdikov* – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- I.A. Tarkhanov* – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- D.V. Ushakov* – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia
- T.Ya. Khabrieva* – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- A.N. Chumakov* – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
- M.D. Schelkunov* – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editorial Board of Humanities Sciences

- E.A. Gorobets* (Deputy Editor-in-Chief) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- L.R. Akhmerova* (Secretary) – PhD in Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- E.M. Abaidel'dinov* – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
- N.F. Alefirenko* – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
- B.S. Alishev* – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- N. Weiß* – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany
- D.Kh. Valeev* – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- G.A. Volkov* – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
- G.Kh. Gilazetdinova* – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
- S.Yu. Golovina* – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia
- O.F. Zholobov* – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- A.M. Lushnikov* – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
- N.L. Lyutov* – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
- D.E. Martynov* – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- O.M. Mel'nikova* – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.O. Prokhorov – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia
M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China
J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany
R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Science Editor: *G.P. Myagkov* – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova*
English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat.

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008 Russia
Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: November 15, 2024.
Page size: 70*108/16. Offset printing. Conventional
printing sheet: 17,76. Publisher's signature: 14,70.
Circulation: 300 copies. Order: 66/11.

Printed in KFU Publishing House
ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, Republic of Tatarstan,
420008 Russia

СОДЕРЖАНИЕ

К 220-летию КФУ

<i>Серебряков Ф.Ф.</i> Как судьба философии в России нашла выражение в творчестве представителей казанской университетской философии	7
<i>Щелкунов М.Д.</i> Философская компонента университетского образования (10-е – середина 20-х годов XXI века)	28
<i>Шадрина Н.А.</i> Казанское дореволюционное востоковедение как поле для формирования диалогической модели изучения исламо-христианского взаимодействия	40
<i>Сыченкова Л.А.</i> Мир университетской культуры XIX века в воспоминаниях дочери декана Д.Ф. Беляева	52
<i>Бушуева Л.А.</i> Проекты реформ высших учебных заведений Казани в 1918–1920 годах.....	67
<i>Руденко К.А.</i> Достижения археологов Казанского университета в контексте западноевропейской и североамериканской археологии	77
<i>Бушуев А.С.</i> Личность и судьба профессора И.М. Ионенко в контексте его времени [Рец. на кн.: Кабытов П.С., Федорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024. 224 с.]	94

Отечественная история

<i>Кузнецов А.А.</i> Гробница Кузьмы Минина в историографии XVIII столетия.....	105
<i>Хасанов Т.Н.</i> Формирование инфраструктуры квартирования российской армии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов	121
<i>Литвинов В.П.</i> Льготы и преимущества, которые давала полицейская служба в царской России: Средняя Азия	131
<i>Лейман И.И.</i> Купечество и научно-технический прогресс (на примере Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века)	142
<i>Трегубов А.А.</i> Николай Федорович Грауэрт – гласный Казанской городской думы.....	153

Всеобщая история

<i>Юрдакал О.</i> Сефевидский шехзаде Алкас Мирза и его деятельность в Османской империи	168
<i>Калимонов И.К., Кулаева Е.К.</i> Сингапурская система образования в контексте исторического развития	178

Этнография

<i>Махмудов А.Р.</i> Одежда как составляющая часть калыма башкир.....	192
---	-----

CONTENTS

Celebrating the 220th Anniversary of Kazan University

<i>Serebryakov F.F.</i> The Fate of Philosophy in Russia as Reflected in the Works of Kazan University Philosophers.....	7
<i>Shchelkunov M.D.</i> The Philosophical Component of University Education (2010s–mid 2020s).....	28
<i>Shadrina N.A.</i> Pre-Revolutionary Oriental Studies in Kazan as a Foundation for Developing a Dialogic Approach to Studying the Interaction between Islam and Christianity	40
<i>Sychenkova L.A.</i> University Culture in the 19th Century through the Memoirs of Dean D.F. Belyaev's Daughter.....	52
<i>Bushueva L.A.</i> Higher Education Reform Projects in Kazan during 1918–1920	67
<i>Rudenko K.A.</i> Archaeological Research at Kazan University in the Context of Western European and North American Archaeology	77
<i>Bushuev A.S.</i> Professor I.M. Ionenko's Personality and Destiny in the Context of His Times	94

History of Russia

<i>Kuznetsov A.A.</i> Kuzma Minin's Tomb in the Historiography of the 18th Century.....	105
<i>Khasanov T.N.</i> The Development of Housing Infrastructure for the Russian Army during the Russo-Turkish War of 1877–1878	121
<i>Litvinov V.P.</i> Benefits and Privileges of Police Service in Imperial Russia: Central Asia.....	131
<i>Leyman I.I.</i> Merchants and Technological Progress (A Case Study of the Vologda Governorate during the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries)	142
<i>Tregubov A.A.</i> Nikolai Fedorovich Grauert – a Councilor of the Kazan City Duma	153

World History

<i>Yurdakal O.</i> Safavid Shehzade Alkas Mirza and His Role in the Ottoman Empire.....	168
<i>Kalimonov I.K., Kulaeva E.K.</i> Singapore's Education System Through the Lens of Historical Development	178

Ethnography

<i>Makhmudov A.R.</i> Clothing as an Integral Part of the Bashkir Kalym	192
---	-----

К 220-ЛЕТИЮ КФУ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 101.141

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.7-27

КАК СУДЬБА ФИЛОСОФИИ В РОССИИ НАШЛА ВЫРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАЗАНСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Серебряков Ф.Ф.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена казанской университетской философии в контексте истории философии в России, особенностей и основных тенденций развития последней. Рассмотрен вопрос об эквивалентности понятий «история философии в России» и «история русской философии» (в качестве примера при этом берутся «истории» и «очерки» по отечественной философии известных в этой области исследования авторов: А.И. Введенского, М.Н. Ершова, Б.В. Яковенко, Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского и других). Установлено, что названные понятия могут рассматриваться как тождественные и взаимозаменяемые, и в этом случае «история русской философии» понимается в широком смысле. Однако между ними можно увидеть и смысловые различия. При рассмотрении в узком смысле содержанию понятия «русская философия» приписываются некие коренные специфические черты, характеризующие ее как видовой признак на всем протяжении ее истории и образующие ее единство. Некоторые авторы в последнем случае склонны трактовать определенные течения философии, возникшие в России, как инородное тело, как образования, чуждые «духу русской философии». Рассматривается вопрос об особенностях русской философии, в том числе и о правомерности обозначенных попыток обструкции некоторых ее проявлений. Особо отмечается важная роль, которую играла в ее истории (прежде всего в культивировании философского интереса и созидании почвы для чисто философской работы) университетская философия. В указанном ключе рассмотрена и казанская университетская философия.

Ключевые слова: казанская университетская философия, история философии в России, русская философия, история русской философии, национальные особенности философии, университетское преподавание философии, религиозная философия, чистая философия, традиции философского мышления

Сделаем некоторые предварительные замечания относительно понятий, которые используются в настоящей статье, и самого предмета нижеследующих суждений. Пояснения требует уже ключевое здесь понятие «философия в России».

Если сформулировать название статьи иначе, то оно могло бы выглядеть так: «Казанская дореволюционная университетская философия в контексте истории русской философии». Одинаковое ли значение имеют эти два выражения? Тожественны ли понятия «*русская философия*» и «*философия в России*»? Для нас это важно, потому что в зависимости от ответа на эти вопросы мы либо можем, либо не можем рассматривать творчество некоторых представителей казанской университетской философии как выражение тенденций, имевших место в истории «*русской философии*» (или относить некоторые работы преподавателей по кафедре философии к сочинениям по *русской философии*).

В нашей историко-философской литературе встречается употребление как одного, так и другого понятия в качестве названий для изложений и исследований отечественной истории философии. Так, работа (доклад) известного русского неокантианца А.И. Введенского называется «Судьбы философии в России», также и очерк М.Н. Ершова, бывшего профессора по кафедре истории философии Казанской духовной академии, написанный уже в бытность его (после революции) профессором Дальневосточного университета, – «Пути развития философии в России»; сочинения Э.Л. Радлова, Г.Г. Шпета, Н.О. Лосского, Б.В. Яковенко носят названия соответственно «Очерк истории русской философии», «Очерк развития русской философии» и «История русской философии» (сочинение последних двух авторов). Наиболее известная (но не значит – лучшая) работа с таким названием принадлежит религиозному философу, богослову профессору В.В. Зеньковскому – «История русской философии»¹. И, например, книга по истории отечественной философии, написанная уже современным автором – А.Ф. Замалеевым, профессором СПбГУ, также называется «Курс истории русской философии»².

Что имеется в виду под «философией в России», кажется, ясно – все философские учения, течения, школы и направления, имевшие место в истории России (в послереволюционных публикациях некоторых эмигрантских авторов и в современных российских изданиях с таким названием, включая и советский период). Иначе говоря, подразумевается просто территориально-исторический аспект распространения (бытия) философии (географический фактор). В этом смысле характерна работа Е.А. Боброва, профессора Казанского университета (потом Варшавского и – в советское время – Северо-Кавказского), «Философия в России. Материалы, исследования и заметки», вышедшая шестью выпусками в Казани с 1899 по 1902 г.; она включала в себя «материалы и исследования», касающиеся самых разных философов и течений мысли: и А.Н. Радищева, и славянофилов, и П.Я. Чаадаева, и русских шеллингианцев, и А.А. Козлова (киевского философа, совершившего «первый на Руси опыт чисто философского журнала», представителя «неолейбницианства» у нас), и Г. Тейхмюллера

¹ В этом ряду можно было бы назвать и более поздние, вышедшие уже во второй половине прошлого столетия «Очерки по истории русской философии» философа русского зарубежья С.А. Левицкого, ученика Н. Лосского, – «популярные очерки», как определяет сам автор.

² Разумеется, в современной литературе есть и другие «курсы», «лекции», «истории», «очерки». В числе современных сочинений по русской философии следовало бы назвать и труд С.С. Хоружего со столь говорящим о мировоззрении автора названием «После перерыва. Пути русской философии», но это не систематическое (с разной степенью полноты) изложение истории русской философии, как названные выше работы, а очерки о некоторых темах и представителях ее.

(возглавлявшего кафедру философии Дерптского университета, зачинателя персонализма в России), который, согласно Е.А. Боброву, есть «представитель критицизма в чистом его виде, чуть ли не единственный метафизик из современных мыслителей» [1, с. 4], и преподавателей духовных академий³.

Тот же смысл (территориально-исторический) может вкладываться в термин «*русская философия*» – философия и философии (течения, учения, направления), когда-либо существовавшие «на русских землях», на российской территории (как древней, так и современной). Так, в историях «русской философии» представлены учения и философские воззрения, очень разные по своим мировоззренческим основаниям, даже противоположные с точки зрения отношения к основному вопросу философии. Это мы находим, разумеется, у А.Ф. Замалеева⁴, но также и у старых авторов: Э.Л. Радлова (его работа очень характерна в этом отношении, то есть в смысле представленности в ней широкой картины учений и философских позиций, кардинально различных по своим мировоззренческим основаниям), Г. Шпета, Н.О. Лосского, даже у В.В. Зеньковского – он говорит в числе прочего и о «философских взглядах» Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, В.И. Ленина, о «так называемой “советской философии”» (как и Н.О. Лосский в 24-й главе своей книги – о «диалектическом материализме в СССР»). Так что мы можем считать, видимо, что в данном случае термин «*русская философия*» используется в широком смысле слова, тождественном вышеописанному значению понятия «философия в России». Один из названных ранее историков «русской философии» Б.В. Яковенко (его «История русской философии» вышла впервые на чешском языке в Праге в 1938 г. и только в 2003 г. на русском языке у нас), по словам современного исследователя русской философии А.А. Ермичева, редактора посвященного ему сборника статей, так и считал (см. [2, с. 7]). Впрочем, вот слова самого автора «Истории русской философии»: «Русская философия в точном смысле слова есть не что иное, как совокупность многообразных философских и вообще идейных проявлений, размышлений и построений, возникших на территории русского государства в национальной среде» [3, с. 7]. И далее следует содержательная характеристика ее как «совокупности философских и вообще идейных проявлений»: «И поныне здесь господствует множественность идей, тенденций и течений, *которые не образуют ничего единого и не могут быть связаны в единое целое* (выделено мною. – Ф.С.)» [3, с. 8].

Таким образом, по всей видимости, авторы, использующие обозначенные названия, в данном случае не придают выбору одного из них какого-то принципиального значения, не приписывают им другого смысла, кроме того, что речь идет о совокупности многообразных философских и вообще идейных проявлений и построений, возникших на территории русского государства, и полагают эти понятия тождественными и взаимозаменяемыми.

³ Подробнее см.: *Серебряков Ф.Ф.* Е.А. Бобров как историк философии и просвещения в России. Казань: Казан. ун-т, 2013. 143 с.

⁴ То же самое и у другого современного автора учебного пособия по «истории русской философии» – Л.Н. Столовича (см.: *Столович Л.Н.* История русской философии. Очерки. М.: Республика, 2005. 495 с.). Вот названия некоторых глав пособия: «Западники и славянофилы», «Антропологический принцип в философии и социальный радикализм», «Русское неокантианство», «Эстетическая философия М.М. Бахтина», «Феноменологические искания», «Из истории марксизма в России», «Экзистенциальный персонализм».

Однако смысловые различия все же есть, они чувствуются в этих понятиях, и это очевидно: первое из них – «философия в России» – действительно, непосредственно выражает ту мысль, что подразумевается при этом вся совокупность философских идей, существовавших в России на протяжении ее истории, второе – «русская философия» – содержит скрытую или открытую претензию на то, чтобы предполагать наличие в истории философских идей, возникших на территории русского государства, чего-то «единого», которое может быть «связано в единое целое». И в таком случае при знакомстве с некоторыми «историями (очерками) русской философии» возникает чувство, что включение в них иных учений, не соответствующих «русской философии», как ее трактуют авторы этих «историй», рассматривается ими как присутствие в ее организме инородных тел (это касается преимущественно дореволюционной и эмигрантской литературы, прежде всего той ее части, в которой русская философия понимается как «примирение знания и веры», говоря словами Н.А. Бердяева, или вообще как религиозная философия по преимуществу⁵).

Вероятно, по этой причине у некоторых «старых» авторов в их «историях русской философии» объем материала, посвященный отдельным мыслителям, даже значительным, не одинаков: «своим», то есть относимым ими к «русским философам» в последнем, узком, смысле этого понятия, уделяется внимания заметно больше; а порой, как у С.А. Левицкого, например, даже сведения о целых течениях и вовсе не включаются под предлогом того, что «не претендуют на полноту» – автор честно признает, что «пропущен ряд немаловажных звеньев (...некоторые русские материалисты и позитивисты и др.)» [4, с. 531]. Только вот непонятно, почему можно считать, что в книге нашли отражение «главные исторические вехи русской мысли», как пишет С.А. Левицкий, если исключенные из нее материалы о целом ряде философов являются, по его собственному признанию, «немаловажными звеньями» этой самой «русской мысли», и почему эта «неполнота» (то есть экономия места) является результатом исключения одних философов (именно тех самых «материалистов и позитивистов»), а не некоторых других, близких автору по мировоззрению, хотя их личные взгляды ничего существенного не прибавляют к уяснению читателем «главных исторических вех русской мысли», ее главнейшей, по мнению автора, тенденции, характера, поскольку последние подробно представлены кардинальными идеями рассмотренных в книге мыслителей, так сказать, одного философского ряда.

Но, собственно, о чем идет речь, когда в содержание понятия «история русской философии» включаются смыслы более узкие, нежели те, которые подразумевают изложение всей совокупности философских идей, имевших место в России на протяжении ее истории?

Уже названный автор очерка «Пути развития философии в России» (а это произведение – извлечения из читанных им в университете лекций – небольшое по объему, но, как выразился, сопоставляя его с работами Г. Шпета и Б.В. Яковенко, один итальянский писатель, специалист по русской филосо-

⁵ Об этом прямо пишет Б.В. Яковенко в своей «Истории русской философии»: «Такие утверждения часто можно обнаружить у русских приверженцев религиозной философии, например, у Н.А. Бердяева» [3, с. 9–10].

фии, «наверное, самое любопытное» [5, с. 44]]⁶ заявляет, что, говоря о русской философии, следует принимать во внимание ее «национальный элемент», «национальный склад». «Влияние национального начала на самый строй нашего ума, на самый склад нашей мысли, – писал он, – не может подлежать сомнению: наша мысль так же своеобразна, как своеобразен и наш язык» [6, с. 104], что представляется бесспорным (если только не понимать «национальный» слишком узко). Этот «национальный элемент» М.Н. Ершов даже рассматривает в качестве «конституитивного признака каждой философской системы». Положим, о национальном характере философии, о необходимости создания отечественной оригинальной философии говорил еще В.Н. Карпов, профессор по кафедре философии Санкт-Петербургской духовной академии, известный переводчик сочинений Платона и автор «Введения в философию» (1840 г.), одного из первых в России. Человек, как писал он, высказывая довольно тривиальное соображение, конечно, везде остается человеком, но это «всесветное» существо является философу «не иначе, как под бесконечно различными типами национального быта» (см. [7, с. 115]).

Вопрос, однако, в том, как понимать это утверждение. Что имеется в виду в обозначенном смысле под *русской* философией, ее своеобразием и что это вообще значит – национальная русская философия? Или хотя бы – национальные (оригинальные) черты русской философии?

Сочетание «русская философия» с давних пор стало в некоторых отечественных кругах едва ли не предметом, возбуждающим национальное самолюбие, оборачивающимся даже раздражителем национального самомнения, а порой и кодом национального чванства⁷, так что оно переставало, кажется, иной раз быть предметом трезвой, объективно-беспристрастной научной работы по выявлению специфики означенных философских идей (что было, кстати, также с давних пор подмечено и иностранцами). Как писал уже упомянутый итальянский автор, «когда говорится о “русской философии”, обычно придается очень сильное значение прилагательному “русской”. Слово “русская” обозначает не просто философию обработанную и/или выраженную в определенном лингвистическом или культурном контексте. В разные времена “русская” философия толковалась как выражение “русской души”, как национальный дух, даже как инструмент спасительной миссии России» [5, с. 42].

Подобную тенденцию мы находим уже у В.Н. Карпова, то есть в то время, когда о русской философии еще нельзя было и говорить, а только мечтать о «философии отечественной, оригинальной» (что В.Н. Карпов и делает). «Недостает истинной и здравой философии, – пишет он, – которая бы беспристрастно исследовала человеческую природу... которая бы нашла, что для нас действительно необходима небесная помощь откровенной религии и что внешняя жизнь наша должна быть ограничиваема законами» [7, с. 110]; «...истинная философия действует между внушениями религии и политики и, открыв существенные

⁶ М.Н. Ершов, действительно, представляется по своим историко-философским наблюдениям и заключениям проницательнее и интереснее иных известных столпов «русской философии», своих современников.

⁷ Итальянский исследователь философии в России Даниэла Стейла выразилась дипломатичнее – «элемент коллективной идентичности».

требования человеческой природы, соглашает их с законами веры и условиями отечественной жизни. Философию... называя истинною, мы представляем ее развитие только в мире христианском» [7, с. 114]. Такое понимание «отечественной оригинальной философии» предопределяет и своеобразие «нашей науки»: «Наши науки, – какие бы элементы познания ни входили в их развитие, – только тогда могут сделаться науками собственно нашими, когда будут проявляться в оригинально-русской теории; а теория, – какой бы ни был предмет ее исследований, – только тогда получит у нас характер истинно русский, когда будет проистекать из оригинально-русской философии» [7, с. 120]. Существенное из того, что много позднее будет вкладываться в содержание понятия «русская религиозная философия», здесь уже есть.

Но и для цели нашего исследования все же важно выяснить, чем наполнено это прилагательное «русская» в сочетании «русская философия», как ясно из того соображения, которое было высказано нами в самом начале статьи.

В обозначенном выше комплексе вопросов – что имеется в виду под русской философией, под своеобразием ее; что это значит – национальная русская философия, национальные (оригинальные) черты русской философии? – проблема заключается не в том, что авторы стремятся выявить это своеобразие (что как раз понятно и нормально и что составляет важную часть исследовательской работы историка философии), а в том, что, выявив некоторые ее действительные черты и особенности, проявившиеся в истории, они абсолютизируют их, пытаются свести к ним *ее всю* (в самом великодушном допущении – *par excellence*), хотя они являются особенностями лишь определенного направления, пусть и мощного. Причем всякому, кто знаком с «историями русской философии» или просто с ее характеристиками, которые сегодня «на слуху», ясно, о каких чертах, каком своеобразии идет речь *par excellence*.

И, таким образом, «история русской философии» приобретает уже другой, узкий, отличный от приведенного выше значения понятия «история философии в России» смысл⁸, что, в свою очередь, позволяет рассматривать некоторые отечественные философские тенденции и учения, даже целые направления как «инородные», чуждые русской национальной жизни и традициям, что, конечно, в отечественной литературе было, как отмечено выше.

Поскольку выявление подразумеваемых особенностей не является непосредственной задачей настоящей работы, то ограничимся в этом вопросе указанием на существующие в литературе оценки. Их обобщенным выражением можно считать, вероятно, некоторые определения, которые мы находим в работе современного исследователя Е.П. Борзовой «Николай Онуфриевич Лосский: философские искания» [8]. Она отмечает, что своеобразие русской философии сами русские мыслители видели по-разному. Так, *В.В. Зеньковский* считает, что главной ее характеристикой является устремленность к человеку, его моральности, что русская философия не теоцентрична (хотя у значительной части своих представителей глубоко религиозна) и не космоцентрична, но преимущественно занята темой о человеке, его судьбе, смысле истории. *Н.А. Бердяев* же,

⁸ Это хорошо просматривается в работах С.С. Хоружего.

продолжает Е.П. Борзова, в своей «Русской идее», напротив, утверждает, что русским свойственны как раз религиозность и догматизм, что все философские темы рассматриваются ими через эту религиозность⁹, а Н.О. Лосский одну из последних глав «Истории русской философии» так и назвал: «Характерные черты русской философии», к ним он относил и устремленность к человеку, и религиозность, и моральность, и способность к высокой интеллектуальности. Особо следует сказать о Б.В. Яковенко, который вообще не находит в русской философии никакого своеобразия: он полагает, что все, что Россия дала в области философии, родилось либо из прямого подражания, либо из бессознательного подчинения себя чужим влияниям или же из эклектического стремления слепить воедино несколько чужих мыслей (см. [8, с. 78–79])¹⁰.

Скажем еще о подходе к обозначенному вопросу Б.П. Вышеславцева, представляющего в нем несколько иные акценты, на первый взгляд отличающие его подход от подхода Н.А. Бердяева, например, но, в сущности, незначительно, ибо те черты «русского подхода» к «основным проблемам мировой философии», к нам «перешедшие от византийского христианства», о которых говорит Б.П. Вышеславцев, выступают у него родовыми признаками «русской философии», как и у Н.А. Бердяева. В своей работе «Вечное в русской философии» Б.П. Вышеславцев пишет: «Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. В этом смысле не существует никакой специально русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. <...> Характерной чертой русской философии является ее связь с эллинизмом, с сократическим методом, с античной диалектикой платонизма. Эту традицию она получила вместе с византийским христианством... <...> Другой основной чертой... является ее интерес к проблеме Абсолютного. Изречение Гегеля: “Объект философии тот же, что и объект религии” – глубоко родственно русской душе...» [10, с. 7–8].

Е.П. Борзова справедливо отмечает, что единства в обозначенном вопросе нет и спор о своеобразии русской философии продолжается до сегодняшнего дня. Вероятно, резоннее будет, размышляя о человеке и истории, отталкиваться от того продуктивного, что есть в отечественной философии, и оставить «препирательства» по этому поводу, не цепляясь за ее, русской мысли, уже обветшалые формы, – позволю в последнем случае, для точности, сослаться на слова известного современного русского православного мыслителя

⁹ Ясно и категорично Н.А. Бердяев писал об этом еще в «Вехах»: «Русская философия таит в себе религиозный интерес и примиряет знание и веру», хотя и признавал, что в ней, «конечно, есть много оттенков» [9, с. 39].

¹⁰ Заметим, что Б.В. Яковенко вовсе не был одинок в таком мнении о русской философии. Еще в 1905 г. экстраординарный профессор по кафедре истории философии Московской духовной академии, впоследствии приват-доцент по кафедре философии университета Св. Владимира (Киевского университета), богослов и известный историк философии П.В. Тихомиров писал: «...что же мы дали ценного и самостоятельного в философии? – немногим более, чем ничего. <...> ...далее чисто-исторических, критических, компилятивных, подражательных и продолжительных работ по философии мы почти не пошли. Вполне оригинальных систем, так сказать, первого ранга у нас нет. <...> Почти все наши философы без труда распределяются по рубрикам западноевропейских направлений, – к кому-либо “примыкают”, кого-либо “перерабатывают”, “продолжают” и т. д.» (Тихомиров П.В. Академическая свобода и развитие философии в Германии: [Лекция студента Московской Духовной Академии 17 сентября 1904 года] // Богословский вестн. 1905. Т. 2. № 5. С. 81–82). Как видим, спустя 30 с лишним лет Б.В. Яковенко сочтет справедливым сказать, по существу, то же самое.

С.С. Хоружего, сказанные им в одном интервью: «Вместо движения вперед мы видим, что эта область [“русская религиозная философия”] практически сводится к изучению феноменов прошлого. Когда сегодняшних молодых людей начинает интересовать русская религиозная мысль, они организуют семинары по софиологии, имяславию – по очень старым явлениям, прекратившим существование более века назад» [11, с. 178]. Быть может, не следует очень уж строго вменять это в вину «сегодняшним молодым людям»: С.С. Хоружий и сам, отвечая на вопрос о том, как приняли читатели публикацию полного корпуса сочинений русских мыслителей, сокрушается, что тексты эти оказались «не очень-то и нужны». И добавляет, сглаживая впечатление: «Точнее, я бы сказал, что восприятие всех главных фигур оказалось совершенно различным» [11, с.178]. Может ведь так статься, что многие из идейных, мировоззренческих позиций этих «религиозных философов» сейчас еще менее актуальны, чем были даже в советское время. Совсем не являются русофобским оскорблением слова одного западного исследователя русской философии, которые с пониманием приводит Д. Стейла: «В конце концов, “Россия сегодня – это не Россия Бердяева и Булгакова”» [5, с. 47].

Что касается приведенных утверждений, «глубоко родственных русской душе», которые часто рассматриваются как основная отличительная черта именно русской философии на протяжении всей ее истории, то немалая их часть все же спорна и неопределенна. Так, Н.О. Лосский к характерным чертам русской философии относил, как было уже отмечено, и устремленность к человеку, и религиозность, и моральность, и способность к высокой интеллектуальности. Но упомянутые черты – и по отдельности, и даже все вместе – можно отнести к «характерным» и для других «национальных» философий или течений в них, а поэтому говорить, что они являются видовым признаком именно русской философии, тем самым как бы выделяя ее в этом отношении среди других «национальных» философий и противопоставляя им, не верно (вероятно, понимая это, Н.О. Лосский, по замечанию названного выше автора монографии о нем, и не давал однозначной оценки своеобразию русской философии). Что касается утверждения В.В. Зеньковского: русская философия преимущественно занята темой о человеке, о его судьбе, о смысле и целях истории, то с ним, поскольку оно сделано в самой общей форме, не приходится спорить (хотя русская философия занималась и другим), однако все дело в том, *в чем именно* мыслителями видятся человек, его судьба, смысл и пути истории.

Размышления об этих вопросах мы действительно находим у отечественных мыслителей *очень разных мировоззрений*, но и ответы они дают *очень разные*. Ответ же В.В. Зеньковского, который просматривается в уже упомянутом утверждении о том, что русская философия в значительной части своих представителей глубоко религиозна, есть *credo* только того направления, которое называется «русской религиозной философией», и один из существенных ее признаков представлен в приведенных определениях Н.А. Бердяева. Что касается правомерности самого понятия «религиозная философия», то, хотя оно часто использовалось прежде и употребляется и ныне, существуют взгляды, оспаривающие эту правомерность, так же как ведутся споры и относительно уместно-

сти понятия «русский религиозно-философский ренессанс»¹¹. Говорить об этом здесь подробно нет ни возможности, ни надобности. Отметим только, что обозначенные противоречия мы встречаем и у тех мыслителей, которых принято относить к этому направлению.

Лев Шестов, быть может, самый интересный и глубокий из них. В работе американского исследователя русской философии Джудит Дойч Корнблатт «Вечный жид: Лев Шестов и русская религиозная мысль» мы находим следующие любопытные замечания: «Н. Бердяев обвинил своего друга в неприятии идеи Боговоплощения и, таким образом, в неспособности понять христианскую философию. Шестов же неоднократно парировал, что философия, христианская или любая другая, не приемлет бога, воплощенного или любого другого» [16, с. 49]. А в другом месте она пишет о Л. Шестове: «Греческий разум и библейская вера, говорит он, не примирятся; термин “религиозная философия” сам является оксюмороном» [16, с. 55]. Далее здесь можно было бы и прямо сослаться на сочинение философа «Афины и Иерусалим» – на то место в нем, где он говорит о различии между философией и теологией: они, подчеркивает Л. Шестов, «не имеют, не хотят и не могут иметь ничего общего»¹². Это должны признать равно и философ, и теолог, если у них найдется достаточно мужества...» [17, с. 143]. Но в этой же книге он сам называет свою философию религиозной и – более того – заявляет: эти «выражения почти равнозначные и покрывающие друг друга» [17, с. 3], что, впрочем, свидетельствует лишь о непоследовательности Л. Шестова.

¹¹ См. об этом [12]. Автор заканчивает статью так: «Конечно, сам термин “религиозно-философское” возрождение не совсем точно отражает процессы, происходившие в идейной жизни России в начале XX в. Но возрождение интереса к религиозным проблемам, к решению философских проблем вряд ли можно подвергать сомнению. Поэтому говорить о том, что ни религиозного, ни философского ренессанса в России в начале XX в. не было, значит неверно оценивать имевшие место быть факты. А скорее всего за этим стоит просто неприятие термина “религиозно-философское”, и точнее, как мне представляется, говорить о религиозном и философском возрождении» [12, с. 168]. Однако возрождение всегда есть возрождение чего-то; в привычном нам смысле – древности, причем, как разъяснял еще известный советский востоковед, академик Н.И. Конрад, автор концепции «эпохи Ренессанса» в Китае (см. его статью «Об эпохе Возрождения»), классической древности, лучезарной, замечательной своими культурными достижениями (хотя, конечно, о буквальном возрождении древности речь не идет, а только об условном). Было возрождение ее в самосознании людей эпохи Возрождения, якобы возрождение в виде расцвета и подъема культуры; но тогда эта классическая, развитая древность как минимум должна была быть, иметь место.

Напомню, что в случае с философией же большинство из перечисленных ранее авторов «историй русской философии» относят начало развития ее у нас только к XIX в., то есть, по словам Н.О. Лосского, ко времени, когда «русское государство уже имело тысячелетнюю историю» [13, с. 5]. А.И. Введенский говорит (в 1898 г.): «...постоянно приходится слышать, что у нас нет своей философии... Приходилось встречаться и с таким мнением... будто бы русский ум не способен ...к философским мудрованиям...», [14, с. 26], сам же он полагал, что временем появления философии можно считать год открытия Московского университета, но потом она была подвергнута такому разгрому, что во второй половине века была вынуждена начать свое развитие заново. Э.Л. Радлов тоже полагал (в 1912 г.), что «к русской философии нельзя пока предъявлять слишком больших требований» [14, с. 100], но это еще не самый пессимистичный взгляд: Г. Шпет убежденно заявлял (еще и в 1922 г.): «Философское сознание как общественное сознание, философская культура, сама чистая философия как чистое знание и свободное искусство в России – дело будущего» [14, с. 239]. Примерно в это же время В.Н. Ивановский, бывший приват-доцент Казанского университета по кафедре философии, отмечает: «В России философия, начавшая прививаться с конца XVIII века (Сковорода), дальше жила, в сущности говоря, от “погрома до погрома”» [15, с. XXXIX].

Скорее всего, те, кто употребляет в подобных случаях слова «возрождение», «ренессанс», имеют в виду просто бурное развитие, расцвет некоторого явления, в данном случае – философии в России, но тогда неправильно использовать эти выражения, обозначающие единственно лучезарный, замечательный своими достижениями новый расцвет, «возрождение» классической для данной культуры древности, столь же лучезарной.

¹² Здесь вспоминается мысль Этьена Жильсона, французского неомиста, из его книги «Философ и теология» о средневековых схоластах: они лишь в той мере являются философами, в которой не являются теологами. Они, пишет Э. Жильсон, «считают себя философами, и являются таковыми на деле... Но в первую очередь они теологи... став философами, они не становятся до конца философами. Теолог выносит приговор... <...>... Философ не выносит приговор, а... опровергает при помощи разума» [19, с. 42–43]. Очень полезная книга, надо сказать, даже для тех, кто не является поклонником св. Фомы.

Исследователь его творчества Л.М. Морев в одной из первых в постсоветский период работ о Л. Шестове, приведя процитированные выше слова о различиях между философией и теологией, замечает: «Как же тогда, спросим мы, возможна “религиозная философия”?». И продолжает: «Шестов, пожалуй, промолчит... Но пока он говорил, можно было услышать, что во всякой философии есть внутреннее стремление быть религиозной, то есть соприкасаться с тайной последних истин, а всякая религия содержит в себе импульс, порождающий философские размышления» [18, с. 67–68]. Конечно, последняя мысль справедлива, однако это не что *совсем другое*, вовсе не дающее оснований для приведенных отождествлений, и, кстати, если при подобной аргументации названное стремление все же обнаружится, оно вполне может быть истолковано как софизм.

Можно возразить и на тот ряд обоснований специфики русской философии, который приводит Б.П. Вышеславцев. Вполне, думаю, можно согласиться с его мыслью, изложенной выше, а именно с тем, что не существует никакой специально русской философии, но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. Можно согласиться и с тем, что характерной чертой русской философии является ее связь с эллинизмом, с сократическим методом, с античной диалектикой платонизма. Вполне допустимо и то, что обозначенный подход предполагает и названные философом интересы, то есть тягу к указанным им темам. Но почему надо полагать, что только в этом и состоит «русский подход», почему необходимо непременно приговаривать «русскую душу» к такой связи философии и религии? Почему этот подход не обнаруживать, например, в том, в чем его находил такой интересный русский мыслитель, как В.В. Лесевич, который полагал, что настоящая философия может быть именно научной¹³, обрушиваясь с критикой на тех, кого он называет «наши мистики, метафизики и просто праздноболтающие о философских материях» (в указанной работе досталось и А.А. Козлову, и Л.М. Лопатину, и Н.Я. Гроту). В.В. Лесевич вовсе не был бездумным последователем О. Конта, а напротив, сильно критиковал как его, так и тех, кто слепо ему следует, обосновывая собственное понимание позитивной философии. И, если, имея в виду «русский подход», Б.П. Вышеславцев говорит: «В этом смысле существует русский Платон, русский Плотин, русский Декарт, русский Паскаль...», почему бы не сказать, что – и «русский позитивизм»? При этом можно вовсе не разделять положений позитивизма, но признавать и эту страницу в истории русской философии важнейшей тенденцией ее развития, исключая которую мы просто искажаем лик этой философии¹⁴.

¹³ См. его работу «Что такое научная философия?» (URL: <http://www.e-heritage.ru/Book/10077313>, свободный), а также его статьи «Позитивизм после Конта» и «Первые провозвестники позитивизма» в сборнике: Русский позитивизм. СПб.: Наука, 1995. 361 с.

¹⁴ Более широко и не догматически, но критически и оригинально в методологическом отношении к русской философии подходит мыслитель и разносторонний ученый-гуманитарий Т.И. Райнов (1888–1958) в очень интересной работе, которая была написана, видимо, незадолго до революции, но опубликована только в последнее время (*Райнов Т.И. Очерки по истории русской философии 50–60 годов. Части первая и вторая // Соловьёвские исследования (Solov'evskie issledovaniya).* 2020. Вып. 2 (66). С. 59–68; Часть третья. 2020. Вып. 3 (67). С. 39–47; Части четвертая и пятая. 2020. Вып. 4 (68). С. 52–74). Здесь он, между прочим, говорит о несамостоятельности – в разной степени – почти всех известных русских мыслителей рассматриваемого периода, писавших по философским вопросам (профессоров философии, большинства славянофилов, но не только их), – писали «по поводу» (книг, учений), пытаясь «дополнить, исправить или разукрасить», но не мыслили «прямо от себя», «прямо о философских предметах»; а также отмечает, что философия в России как заметная функция общественного сознания начинается, по существу, только с этого времени.

Кстати, в предисловии к опубликованной у нас лет десять назад работе Д. Стейлы «Наука и революция: рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.)» известный отечественный философ В.А. Лекторский пишет: «Сегодня интерес исследователей истории русской философии сместился в сторону изучения русского религиозного идеализма. Многим кажется, что ничего более интересного в русской дореволюционной философии и не было. Между тем это не так. На самом деле были любопытные русские неокантианцы и феноменологи. И о них в последнее время стали появляться работы наших исследователей. Но, как показывает профессор Д. Стейла, влияние кантианства и феноменологии в русской дореволюционной философии несопоставимо с мощным влиянием эмпириокритицизма» [20, с. 2].

Так что, как мне представляется, говоря о характеристике русской философии, следует признать справедливость заключений Б.В. Яковенко о том, что имевшие место до сих пор попытки выявить индивидуальное своеобразие ее нельзя признать ни совершенно правильными, ни хотя бы удовлетворительными именно по причине их теоретической односторонности, противоречащей фактической многосторонности и многообразию исторической действительности самого русского философствования (см. [3, с. 9]). Говоря об односторонности, философ имеет в виду прежде всего отмеченное выше стремление свести русскую философию к ее религиозно-идеалистическому течению. Далее предоставим слово самому Б.В. Яковенко: «Русское философствование столь же нерелигиозно, сколь и религиозно. <...> ...В ее русле с самого начала и с еще большей силой проявляло себя также и нерелигиозное течение. Оно проявляло себя отчетливо выраженным и преобладающим интересом к науке, но в еще большей степени – интересом к проблемам общественно-политической жизни; порой оно принимало даже атеистическую направленность. <...> ...Эти идеи [Белинского, Герцена, Бакунина, Чернышевского, Михайловского, Кропоткина, Ленина и др.] завоевали русское общество, русскую культуру... русское сознание, как и русская мысль, пережили их, творя при этом свою собственную историю и свою собственную русскую культуру. Например, *ленинский большевизм (революционно-диалектический материализм)* как идейное явление имеет столь же русское происхождение, как и *религиозно-философские концепции П. Флоренского или Н. Бердяева*. Мало того, можно без особого труда... показать иноземные истоки этих обоих религиозных мыслителей» [3, с. 10].

Здесь следует подчеркнуть, что Б.В. Яковенко тоже отмечает повышенный интерес русской философии к этической проблематике (и шире – к проблемам социальной практики и жизни, философии истории, социально-политическими проблемам), – особо подчеркнуть потому, что этим характеризуется не только религиозно-идеалистическое направление в ней, но и другие, противоположные ему, направления – *почти все*. Можно отметить у Б.В. Яковенко еще один момент: по его словам, возрастает интерес к ключевым теоретическим проблемам философии, научным методам.

На эти два обстоятельства как на важнейшие обращал внимание и М.Н. Ершов, работа которого появилась задолго до сочинения Б.В. Яковенко. Очень интересным является то место в его произведении, где он указывает (со ссылкой на

Н.К. Михайловского), что «у русских писателей вообще и представителей русской философской мысли в частности концепция истины весьма часто имеет двойной смысл: и теоретический, и практический. Эту характерную черту, являющуюся, несомненно, *живым отражением нашего общественного и государственного быта* (выделено мной. – Ф.С.), весьма удачно подметил... Н.К. Михайловский... <...> Мне кажется, говорит он, ни в одном европейском языке нет подобного слова: лишь в русском языке истина и справедливость обозначаются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [21, с. 114]. Указанную черту М.Н. Ершов даже называет «основной чертой русской национальной духовной культуры». Одним из последствий такого внимания для философии, согласно М.Н. Ершову, является стремление, проявившееся в разных направлениях отечественной мысли, к соединению философской точки зрения с той или другой общественно-политической. Русский мыслитель отметил и второй момент, о котором упоминалось выше: «Критико-гносеологическая устремленность есть общая, доминирующая тенденция русской философской мысли последних десятилетий» [21, с. 117]. Но особо следует оговорить, что М.Н. Ершов настойчиво указывает в своей работе на то фундаментальное, прямо-таки решающее значение, которое в созревании философии в России имела университетская философия, – на это обстоятельство до него, кажется, никто не указывал с такой определенностью и решительностью¹⁵. «Главным положительным результатом университетского преподавания философии» он называет постепенное освобождение «русских мыслящих умов» от соединения философской точки зрения с подходом сугубо общественно-политическим или религиозным, что наблюдалось почти на протяжении всего XIX столетия. «Реальные результаты университетского преподавания философии обнаружили очень скоро и в одном определенном направлении – в поднятии и культивировании чисто философского интереса, в постепенном созидании почвы для чисто философской работы и чисто философского творчества, имеющего в себе самом собственную цель и собственное оправдание... <...> Университетское преподавание философии последовательно создало такую именно атмосферу, в которой явилась возможность работать и мыслить философски в строгом смысле этого слова. Таким путем в университетах явилась возможность для одних учить, а для других – учиться философствовать, явилась возможность учить и учиться методам философского мышления» [21, с. 116]¹⁶.

¹⁵ Э.Л. Радлов, правда, указал в своем сочинении на значение университетов в истории русской философии: «Им, конечно, – пишет он, – а также и Академии наук, главным образом Россия обязана развитием научного и философского знания» [14, с. 98], но этим и ограничился; кроме того, он, по-видимому, более имеет в виду развитие в России образования вообще. А.И. Введенский в своей речи говорит тоже о философии в русских университетах, но больше о том, как она там была разгромлена при Николае I. Достаточно много писал об университетской философии в России в ряде своих произведений Е.А. Бобров, особенно в сборниках «Философия в России» (см. об этом гл. «Университетская философия в России» в кн. *Серебряков Ф.Ф. Е.А. Бобров как историк философии и просвещения в России*. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 85–107).

¹⁶ Из современных авторов на значение университетской философии указывает, например, А.Т. Павлов в статье «Университетская философия как предпосылка религиозно-философского возрождения в России начала XX века» (София. Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2005. С. 97–104), но здесь оно рассматривается в некотором ограниченном историко-философском аспекте. У М.Н. Ершова же речь идет о другом: о методологическом значении университетского преподавания философии в деле формирования навыков самой философской работы, умения вырабатывать именно философскую точку зрения на вещи, отчетливо отличая ее от других, о формовке и закреплении аналитических способностей в области философского мышления.

Б.В. Яковенко, представляя философскую картину России, изображает ее как мозаику из самых разных течений; здесь есть спиритуализм, материализм, идеализм, реализм, критицизм, позитивизм, интуитивизм; в картине Н.О. Лосского находим такие «мазки», как иррационализм, неогегельянство, неокантианство, логическое направление, интуитивизм, естественнонаучное направление и др.

Какое выражение в контексте обозначенных выше судьбы философии в России и тенденций ее исторического развития находит творчество представителей казанской университетской философии?

Нельзя не признать, что казанская университетская философия, знавшая на протяжении своей истории как очень тяжелые времена, так и годы сравнительно благополучного существования, не в полной мере отражает названные тенденции и являет лишь некоторые течения из тех, что перечислены выше (это, вероятно, мы можем сказать и о философии в других российских университетах). Но философские склонности ее представителей, насколько мы можем судить по их трудам, вполне «законно» в эти тенденции укладываются. Однако, во-первых, они представлены преимущественно не в их основных (по профилю преподаваемых дисциплин – логики, психологии и истории философии, например, хотя две последние давали больше таких возможностей) работах, а в других сочинениях, которые, как выразился один преподаватель, были «вызваны внешними обстоятельствами»¹⁷. Во-вторых, в казанской университетской философии не были обозначены сколько-нибудь отчетливо (скажем, как заметная страница в ее истории) такие характерные для русской философии направления, как славянофильство и западничество, а также не было и представителей «религиозной философии», хотя преподаватели, мыслившие философию в обозначенном выше духе профессора В.Н. Карпова, были (это мы найдем в суждениях и А.С. Лубкина, и архимандрита Гавриила). В-третьих, в ее истории не наблюдается господства на протяжении длительного времени какого-нибудь одного направления, к которому были бы деятельно причастны многие университетские философы, как это было в истории московской кафедры философии после того, как на долгие годы ей дал идейное направление П.Д. Юркевич (направление – идеализм, – которое сложилось в результате его полемики с Н.Г. Чернышевским)¹⁸.

¹⁷ Это Ф.А. Зеленогорский, профессор Харьковского университета, начинавший свою карьеру в Казанском университете. Перечислив в своей автобиографии работы по логике, психологии и истории философии, он добавляет: «...другие же литературно-философские труды Зеленогорского не состоят в связи с предыдущими и вызваны внешними обстоятельствами» [22, с. 15], как бы формально не включая их в традиционный курс университетской философии. Для примера: В.А. Снегирев, как мне представляется, вполне определенно изложил свое философское кредо уже в работе «Метафизика и философия» (его ученик В.И. Несмелов как на его «последнюю точку зрения» ссылается на другую работу – «Сон и сновидение»); о философских позициях А.Д. Гуляева, В.Н. Ивановского, И.И. Ягодинского, А.О. Маковельского, К.И. Сотонина можно судить не только по их университетским курсам, но и в значительной мере по их журнальным публикациям и «посторонним» сочинениям.

¹⁸ Очень спорным является вопрос о том, рассматривать ли это как преимущество университетской кафедры философии или нет. П.Д. Юркевич, судя по всему, считал это преимуществом (в чем, кстати, выразилась, по-видимому, и его нетерпимость к другим идейным течениям и философиям). Другие по указанному поводу думали иначе, например Н.В. Бугаев (отец Андрея Белого), известный по Московскому университету представитель физико-математических наук, активно занимавшийся и проблемами философии науки. Когда после смерти П.Д. Юркевича позитивисту и стороннику английского эмпиризма М.М. Троицкому Советом факультета было отказано в вакансии по кафедре, а предпочтение было отдано В.С. Соловьеву, он с этим не согласился, заявив, что принцип замещения университетских кафедр профессорами одинакового направления неправилен – они должны быть заняты преподавателями, принадлежащими к разным философским школам.

Были в истории казанской университетской философии, как и повсеместно в образованной России, увлечение Г. Гегелем, неоднозначное отношение к И. Канту, весьма отрицательное, например, у В.А. Снегирева, профессора Казанской духовной академии, долгое время работавшего по приглашению на университетской кафедре философии (но такое отношение было широко распространено в духовных академиях вообще, хотя исключения были и там). Однако, как писал А.И. Введенский, «в Казанском университете... до его разгрома сильнее всего интересовались как раз философией Канта» [14, с. 51], а А.С. Лубкин – замечает далее этот русский кантианец – «первый у нас изложил главные основания философии Канта», напечатав «Письма о критической философии», в которых привел (с позиций эмпиризма) свои возражения против кантовского понимания пространства и времени, но в результате «более всех привлёк внимание русских к Канту» (см. [14, с. 51]). Он же (уже будучи профессором университета) в своей речи «Рассуждение о том, возможно ли нравочению дать твердое основание независимо от религии» выступает с резкой критикой кантовского понимания отношения между религией и нравственностью как подрывающего и нравственность, и религию. Но его преемник по кафедре, О.Е. Срезневский, напротив, выступает сторонником кантовского решения проблемы нравственности, защищая «нравственную систему» кенигсбергского мыслителя от несправедливых, по его мнению, нападков. И уже в следующем столетии приват-доцент по кафедре философии В.Н. Ивановский на заседании Физико-математического общества произнес напечатанную потом большую речь «Памяти И. Канта», посвященную 100-летию со дня его кончины.

Среди преподавателей по кафедре философии мы найдем последователей – в той или иной степени – разных из вышеназванных направлений, обнаружившихся в истории русской философии (нам уже приходилось писать по этой теме)¹⁹. Был представитель русского персонализма (близкого к «панпсихизму» А. Козлова; ученик Г. Тейхмюллера) – Е.А. Бобров; еще до него долгое время работал на кафедре В.А. Снегирев, который был переменчив в своих философских пристрастиях («искал новую, живую философию», по словам В.И. Несмелова), но закончил мистицизмом; одновременно с ним преподавал А.И. Смирнов, человек с очень широкими философскими интересами, тяготевший, как В.А. Снегирев и некоторые другие его коллеги, к британскому эмпиризму, один из пионеров в России в области разработки философии науки. О позитивисте М.М. Троицком говорить не будем – он пробыл на кафедре всего два года и более известен в истории отечественного университетского философского образования в связи с Московским университетом. Но его ученик (по Московскому университету) В.Н. Ивановский активно публиковался в «Вопросах философии и психологии», единственном в России

¹⁹ См.: *Серебряков Ф.Ф. Дела и люди: казанская университетская философия. Очерки и записки.* Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 312 с. (в этой монографии достаточно подробно изложено творчество большинства представителей казанской университетской философии дореволюционного периода). См. также, например: *Ибрагимов А.З., Серебряков Ф.Ф. Философская мысль в Казанском университете // Философское образование: вестн. Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 2 (Методические записки, вып. 6). М.; СПб., 2011. С. 61–82; Серебряков Ф.Ф. «Ученые записки Казанского университета» как отражение становления казанской университетской философии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. Т. 156, кн. 1. С. 7–15; Серебряков Ф.Ф. Е.А. Бобров как историк философии и просвещения в России. Казань: Казан. ун-т, 2013. 143 с.*

«толстом» философском журнале; основательно занимался проблемами методологии и философии науки; был убежденным сторонником, как он писал в своей замечательной работе 1923 г. «Методологическое введение в науку и философию» (значительно расширенном и дополненном издании его дореволюционного «Введения в философию»), «философии научной», отвергая и «неосновательное» мнение О. Конта о философии, сводящее ее к «систематизации данных и выводов отдельных, специальных наук», и стремление превратить философию «из науки в смесь поэзии с пророческими вещаниями» (см. [15, с. XXXV, XLII]). Он критиковал «онтологические попытки правоверного кантианства» вроде «царства свободы и целей» и «умопостигаемого характера»; материализм в изложении «большинства его представителей»; религиозную философию, которая «вращается, скорее, в стихии поэзии», питается «мечтами и упованиями», а у светских мыслителей «мало... дала для научной стороны философии», ибо «задачей философии может и должно быть только познание истины и действительности», но «имела влияние (например, у Достоевского, Толстого) на постановку интересных этико-общественных проблем, у многих же (например у Мережковского) она выродилась в невыносимую "схоластику"» (см. [15, с. XXXVII, XXXVIII]). В.Н. Ивановский написал интересную работу об А.И. Герцене, в которой выражал большую симпатию к русскому социалисту и разоблачал фальсификацию и недобросовестное изложение, прямо переходящее в искажения, взглядов и общественной позиции «великого русского революционера» (имеются в виду С.Н. Булгаков, превращавший А.И. Герцена в религиозного искателя, и Н.Н. Страхов, делавший из него ярого сторонника «борьбы с Западом» (см. [23])²⁰).

А.Д. Гуляев, занимавший кафедру философии еще до прихода на нее В.Н. Ивановского, полагал, наоборот, что тот, кто «живет лишь познанием, еще не философствует», что процесс философствования есть процесс раскрытия жизненного самосознания субъекта: в чем же состоит цель жизни? благо ее? в чем смысл ее? в чем истинное назначение человек и как его достигнуть? – «философия долга», «философия самосознания» (в этом духе он толкует и греческую философию в своих «Лекциях по истории древней философии»). Еще один университетский философ, К.И. Сотонин, работавший на кафедре уже на стыке двух периодов российской истории – дореволюционной и советской, испытал влияние неокантианца А.И. Введенского, которое отразилось на некоторых его ранних работах; человек разносторонний, буквально фонтанировавший идеями, позже он будет экспериментировать и в области философии, то разрабатывая идею философской клиники, то увлекаясь современными ему веяниями в области психологии и эстетики.

Разумеется, получают на кафедре философии развитие (прежде всего в работах И.И. Ягодинского, Н.А. Васильева) и традиции логических исследований, складывающиеся преимущественно в российских высших учебных заведениях.

Даже самое общее рассмотрение темы позволяет сказать, что кафедра философии Казанского университета дореволюционного периода характеризовалась

²⁰ Сравнивая К. Маркса и А.И. Герцена, В.Н. Ивановский пишет: «У одного [Маркса] мы учимся общественному анализу, другой захватывает и потрясает наше чувство» [23, с. 112].

присутствием на ней мыслителей с несовпадающим, даже резко отличавшимся друг от друга пониманием философии, ее задач и предмета. Но мне представляется, что в первую очередь казанская университетская философия отличалась как раз тем, в чем значение русских университетов для истории отечественной философии вообще видел М.Н. Ершов (я уже писал выше о его позиции).

Поясняя вышеприведенную мысль, хочу упомянуть здесь о взглядах А. Шопенгауэра на преподавание философии в университете, к которому он относился в целом отрицательно²¹, но в одном немецкий философ видел от этого безусловную пользу. Благодаря преподаванию философии в университете «она получает гражданские права, и ее знамя водружается перед глазами людей, – что постоянно приводит на память и делает заметным ее существование. Но главная выгода отсюда та, что с ней знакомятся и получают импульс к ее изучению молодые и способные головы» [24, с. 123]. Это именно то, что имеет в виду М.Н. Ершов, когда пишет: «Реальные результаты университетского преподавания философии обнаружились... в поднятии и культивировании чисто философского интереса, в постепенном созидании почвы для чисто философской работы и чисто философского творчества, имеющего в себе самом собственную цель и собственное оправдание...» [21, с. 116].

Дело в том, что в первые десятилетия XIX в. (да и много позже) философская мысль выражалась преимущественно в форме публицистики, литературной критики и имела отношение не столько к собственно истории философии, сколько к истории идей, идеологий, истории идейных противоборств. Философия же как отдельная предметная область со своими определенными и ограниченными задачами, со своим понятийно-категориальным аппаратом, отличная от религии, политики, литературной критики, была во всем этом представлена, так сказать, в «химически связанном» виде, ее надо было в буквальном смысле из этого «выуживать», «отсеивать». Здесь мы как раз наблюдаем соединение философского подхода с точкой зрения сугубо общественно-политической или с религиозной позицией (это, заметим, не то же самое, что рассматривать проблемы человека и общества с философской точки зрения и что называется у нас социальной философией). Об подобном писал и В.Н. Ивановский: «Общественное влияние» философии Герцена, Чернышевского, Михайловского и др. писателей «было очень велико и благотворно», но она «не ставила всех вопросов философии в ее целом... не была школой... теоретического изучения философских проблем, как таковых... Не создавала... ни истории философии, ни логики, ни гносеологии... Философии как систематической науки... это влиятельное движение не создало» [15, с. XL–XLI].

Единственная сфера, где была представлена – воспользуемся выражением Г. Шпета – «чистая философия как чистое знание», являлась долгое время сфера университетского преподавания философии. Согласно М.Н. Ершову, для формирования национальной философии необходимы, конечно, оригинальные умы, но в области философии они могут появиться только при наличии традиции фило-

²¹ См. подробнее: *Серебряков Ф.Ф. А. Шопенгауэр об университетской философии: Pro et contra* // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. Т. 161, кн. 5–6. С. 183–197.

софского мышления, культуры сугубо философского дискурса, а не вообще идеологического (в отличие от науки, скажем мы, где оригинальный ум, «заимствовавший» научные знания, может создать многое и при отсутствии традиций). И труд по созданию такой традиции, такой атмосферы выполняли у нас именно университеты.

Что такое университетская философия? Это, во-первых, ее преподавание; во-вторых, складывавшийся постепенно (часто под влиянием германской философии) «канон» дисциплин, составляющий университетский курс философии как учебного предмета; в-третьих, философская мысль, представленная трудами преподавателей философских наук в университете (университетская философия в узком смысле). Все три аспекта в содержании понятия «университетская философия» связаны и образуют единство. Первый аспект предполагает обучение философии как учебной дисциплине, то есть это значит не только передавать систематические знания по философии, но и прививать навыки философской работы, философского анализа; иначе говоря, это умение пользоваться методологией и методикой такой работы в соответствии с предметом философии, ее языком и инструментарием. Второй аспект подразумевает логику (включая и теорию познания), психологию (которую понимали достаточно широко), историю философии (позднее и введение в философию), что позволяет охватить основные части философии как дисциплины. Третий аспект, обусловленный первыми двумя, «принуждал» профессоров и приват-доцентов профессионально разрабатывать обозначенные предметные области, их проблематику – логику, психологию и историю философии. Таким образом университетское преподавание философии создало атмосферу, в которой «явилась возможность работать и мыслить философски в строгом смысле этого слова».

Многие из казанских университетских философов достигли замечательных результатов, некоторые имена получили общероссийскую и даже мировую известность (в логике – Н.А. Васильев, например). Их «логики» и «психологии», исследования по истории философии большей частью не «обветшали» и до сих пор, в отличие от иных, некогда нашумевших произведений даже и «идолов» русской философии. По приведенной причине вряд ли можно считать полным и адекватным изложение «истории русской философии», не останавливаясь специально на обозначенных вопросах. Образцовым в этом отношении является «Очерк истории русской философии» Э.Л. Радлова, в котором, в отличие от работ В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского и Б.В. Яковенко, где история философии представлена преимущественно направлениями и именами, отмечаются достижения и результаты философской работы в разных областях философии: логике, психологии, антропологии, истории философии и т. д. Именно такое изображение дает более полную картину и позволяет вернее судить о степени зрелости философской работы.

Творчество части казанских университетских философов (Н.А. Васильева, Е.А. Боброва, К.И. Сотонина, В.Н. Ивановского, А.С. Лубкина, архимандрита Гавриила, В.А. Снегирева и др.) получило уже в той или иной степени освещение в историко-философской литературе. Об одних написано довольно много, о других – немного, есть и такие, которые иногда упоминаются, но совсем мало

известны. Это несправедливо – они достойны того, чтобы мы знали о них больше, поэтому и нужны подобные исследования. Это их, представителей университетской философии, совместным самозабвенным трудом, их общим творчеством слагалась история философского образования в Казанском университете.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Бобров Е.А.* О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А.А. Козлова. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1898. 76 с.
2. Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичёва. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 550 с.
3. *Яковенко Б.В.* История русской философии / Пер. с чеш. М.Ф. Солодухиной. М.: Республика, 2003. 509 с.
4. *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии // Левицкий С.А. Трагедия свободы: избранные произведения. М.: Астрель, 2008. С. 529–842.
5. *Стейла Д.* Идея «русской философии» как элемент коллективной идентичности. Исторический очерк // Соловьёвские исследования (Solov'evskie issledovaniya). 2011. Вып. 4 (32). С. 41–55.
6. *Ершов М.Н.* Влияние личности философа на философское построение (из книги «Введение в философию») // На переломе: Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. С. 103–106.
7. *Карпов В.Н.* Введение в философию. СПб.: Тип. И. Глазунова и К^о, 1840. VIII, 136 с.
8. *Борзова Е.П.* Николай Онуфриевич Лосский: философские искания. СПб.: СПбКО, 2008. 130 с.
9. *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России / Сост., коммент. Н. Казаковой. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 24–42.
10. *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова. 1955. 296 с.
11. *Михайловский А.В., Штёкль К., Хоружий С.С.* Интервью с Сергеем Хоружим об истории и современном состоянии отечественной религиозной мысли // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 1. С. 169–181. <https://doi.org/10.17323/10.17323/2587-8719-2021-1-169-181>.
12. *Павлов А.Т.* Было ли в России в начале XX века религиозно-философское возрождение? // Вопросы философии. 2004. № 9. С. 163–168.
13. *Лосский Н.О.* История русской философии. Пер. с англ. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.
14. *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.* Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 591 с.
15. *Ивановский В.Н.* Методологическое введение в науку и философию. Минск: Белтрестпечат, 1923. Т. 1. XLII, [2], 239 с.
16. *Корнблатт Д.Д.* Вечный жид: Лев Шестов и русская религиозная мысль // Русская литература XX века: исслед. амер. ученых / Ред. Б. Аверин, Э. Нитраур. СПб.: Петро-РИФ: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1993. С. 46–57.
17. *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. М.: РИПОЛ классик, 2017. 414 с.
18. *Морева Л.М.* Лев Шестов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 85 с.
19. *Жильсон Э.* Философ и теология. М.: Гнозис, 1995. 189 с.

20. *Стейла Д.* Наука и революция: рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / Пер. с итал. М.: Акад. Проект, 2013. 363 с.
21. *Ершов М.Н.* Философское будущее России (из книги «Пути развития философии в России») // На переломе: Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. С. 112–119.
22. *Зеленогорский Ф.А.* О методах исследования и доказательства. М.: РОССПЭН, 1998. 318 с.
23. *Ивановский В.Н.* Герцен как социалист // Образование. Журнал литературный и общественно-политический. 1907. № 2. С. 37–57.
24. *Шопенгауэр А.* Об университетской философии // Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений Артура Шопенгауэра: в 4 т. / В пер. и под ред. Ю.И. Айхенвальда. М.: Изд. Д.П. Ефимова: Тип. Вильде, 1903. Т. 3. С. 123–173.

Поступила в редакцию 10.06.2024

Принята к публикации 15.08.2024

Серебряков Фаниль Фагимович, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: fanserebr@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 7–27

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.7-27

The Fate of Philosophy in Russia as Reflected in the Works of Kazan University Philosophers

F.F. Serebryakov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: fanserebr@yandex.ru

Received June 10, 2024; Accepted August 15, 2024

Abstract

In this article, Kazan University philosophy, its characteristics and development trends, are analyzed from the perspective of the history of philosophy in Russia. The equivalence of the concepts “history of philosophy in Russia” and “history of Russian philosophy” is questioned and explored using the examples from the “stories” and “essays” written by prominent Russian philosophers such as A.I. Vvedensky, M.N. Ershov, B.V. Yakovenko, N.O. Lossky, and V.V. Zenkovsky. It is shown that they are likely to be equivalent and interchangeable, with the concept “history of Russian philosophy” approached in a broader sense. However, some important distinctions are still observed. When considered in a narrow sense, “Russian philosophy” appears to have certain fundamental, specific characteristics that define it as a specific type throughout its history and determine its unity. The results obtained reveal that some scholars view certain philosophical trends that developed in Russia as foreign or alien to the “spirit of Russian philosophy.” The peculiarities of Russian philosophy are singled out and summarized, and the validity of attempts to obstruct some of its manifestations is discussed. The critical role of university

philosophy in the overall history of Russian philosophy is emphasized: it fostered philosophical interest and paved the way for purely philosophical work. Within this framework, Kazan University philosophy is examined.

Keywords: Kazan University philosophy, history of philosophy in Russia, Russian philosophy, history of Russian philosophy, national characteristics of philosophy, university teaching of philosophy, religious philosophy, pure philosophy, traditions of philosophical thinking

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Bobrov E.A. *O ponyatii bytiya. Uchenie G. Teikhmyullera i A.A. Kozlova* [On the Concept of Being. The Philosophies of G. Teichmüller and A.A. Kozlov]. Kazan: Typo-Litogr. Imp. Univ., 1898. 76 p. (In Russian)
2. Boris Valentinovich Yakovenko [Boris Valentinovich Yakovenko]. Ermichev A.A. (Ed.). Moscow, Ross. Polit. Entsikl. (ROSSPEN), 2012. 550 p.
3. Yakovenko B.V. *Istoriya russkoi filosofii* [A History of Russian Philosophy]. Solodukhina M.F. (Trans.). Moscow, Respublika, 2003. 509 p. (In Russian)
4. Levitsky S.A. Essays on the history of Russian philosophy. In: Levitsky S.A. *Tragediya svobody: izbrannye proizvedeniya* [The Tragedy of Freedom: Selected Works]. Moscow, Astrel', 2008, pp. 529–842. (In Russian)
5. Steila D. Idea of “Russian philosophy” as element of collective identity. Historical essay. *Solov'evskie Issledovaniya*, 2011, vol. 4 (32), pp. 41–55. (In Russian)
6. Ershov M.N. The influence of the philosopher's personality on philosophical reasoning (from the book “Introduction to Philosophy”). In: *Na perelome: Filosofskie diskussi 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie* [At a Turning Point. Philosophical Debates in the 1920s: Philosophy and Worldview]. Moscow, Politizdat, 1990, pp. 103–106. (In Russian)
7. Karpov V.N. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. St. Petersburg, Tip. I. Glazunova i K^o, 1840. viii, 136 p. (In Russian)
8. Borzova E.P. *Nikolai Onufrievich Losskii: filosofskie iskaniya* [Nikolai Onufrievich Lossky: Philosophical Pursuits]. St. Petersburg, SPbKO, 2008. 130 p. (In Russian)
9. Berdyaev N. Philosophical truth and intellectual truth. In: Kazakova N. *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii* [Milestones. Intelligentsia in Russia]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 1991, pp. 24–42. (In Russian)
10. Vyacheslavzeff B.P. *Vechnoe v russkoi filosofii* [The Permanent in Russian Philosophy]. New York, NY, Chekhov Publ. House, 1955. 301 p. (In Russian)
11. Mikhailovsky A.V., Stoeckl K., Khoruzhiy S.S. Interview with Sergei Khoruzhiy on the history and current state of Russian religious thought. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 169–181. <https://doi.org/10.17323/10.17323/2587-8719-2021-1-169-181>. (In Russian)
12. Pavlov A.T. Did Russia experience a religious and philosophical revival in the early 20th century? *Voprosy Filosofii*, 2004, no. 9, pp. 163–168. (In Russian)
13. Lossky N.O. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Sov. Pisatel', 1991. 480 p. (In Russian)
14. *Vvedenskii A.I., Losev A.F., Radlov E.L., Shpet G.G. Ocherki istorii russkoi filosofii* [Vvedensky A.I., Losev A.F., Radlov E.L., Shpet G.G. Essays on the History of Russian Philosophy]. Sverdlovsk, Izd. Ural. Univ., 1991. 591 p. (In Russian)
15. Ivanovsky V.N. *Metodologicheskoe vvedenie v nauku i filosofiyu* [A Methodological Introduction to Science and Philosophy]. Vol. 1. Minsk, Beltrestpechat', 1923. xlii, [2], 239 p. (In Russian)
16. Kornblatt D.D. The eternal Jew: Lev Shestov and Russian religious thought. In: Averin B., Nitraur E. (Eds.) *Russkaya literatura XX veka: issled. amer. uchenykh* [Russian Literature of the 20th Century: A Study by American Scholars]. St. Petersburg, Petro-RIF, 1993, pp. 46–57. (In Russian)
17. Shestov L. *Afiny i Ierusalim* [Athens and Jerusalem]. Moscow, RIPOL Classic, 2017. 414 p. (In Russian)
18. Moreva L.M. *Lev Shestov* [Lev Shestov]. Leningrad, Izd. LGU, 1991. 85 p. (In Russian)

19. Gilson E. *Filosof i teologiya* [The Philosopher and Theology]. Moscow, Gnosis, 1995. 189 p. (In Russian)
20. Steila D. *Nauka i revolyutsiya: retseptsiya empiriokrititsizma v russkoi kul'ture (1877–1910)* [Science and Revolution: The Reception of Empiriocriticism in Russian Culture (1877–1910)]. Moscow, Akad. Proekt, 2013. 363 p. (In Russian)
21. Ershov M.N. The philosophical future of Russia (from the book “The Paths of Philosophy Development in Russia”). In: *Na perelome: Filosofskie diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie* [At a Turning Point. Philosophical Debates in the 1920s: Philosophy and Worldview]. Moscow, Politizdat, 1990, pp. 112–119. (In Russian)
22. Zelenogorsky F.A. *O metodakh issledovaniya i dokazatel'stva* [On Methods of Research and Proof]. Moscow, ROSSPEN, 1998. 318 p. (In Russian)
23. Ivanovsky V.N. Herzen as a socialist. *Obrazovanie. Zhurnal Literaturnyi i Obshchestvenno-Politicheskii*, 1907, no. 2, pp. 37–57. (In Russian)
24. Schopenhauer A. On university philosophy. In: Aikhenvald Yu.I. (Trans., Ed.) *Polnoe sobranie sochinenii Artura Shopenhauera* [The Complete Works of Arthur Schopenhauer]. Vol. 3. Moscow, Izd. D.P. Efimova, Tip. Vil'de, 1903, pp. 123–173. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Серебряков Ф.Ф. Как судьба философии в России нашла выражение в творчестве представителей казанской университетской философии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 7–27. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.7-27>. ⟩

⟨ **For citation:** Serebryakov F.F. The fate of philosophy in Russia as reflected in the works of Kazan University philosophers. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 7–27. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.7-27>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.147

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.28-39

ФИЛОСОФСКАЯ КОМПОНЕНТА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (10-е – СЕРЕДИНА 20-х ГОДОВ XXI ВЕКА)

М.Д. Щелкунов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена состоянию и развитию философского образования в Казанском федеральном университете за последние 15 лет. В кратком историческом экскурсе отмечены особенности философской компоненты образования в Казанском университете на дореволюционном, советском и постсоветском этапах истории. Прослежена модернизация общеуниверситетской философской подготовки студентов-бакалавров на основе компетентностного подхода по модульному принципу в 20-х годах XXI в., обозначена роль университетских философов в деле реализации дисциплины «Основы российской государственности». Представлена картина развития профессионального философского образования по направлениям «философия» и «религиоведение», а также подготовки по близкому к ним направлению «теология». В завершение автор акцентирует внимание на задачах философского сообщества в деле актуализации дисциплин социально-гуманитарной подготовки студентов, восстановления и упрочения отечественной духовно-нравственной компоненты университетской философии.

Ключевые слова: гуманитарный суверенитет, компетенция, общеуниверситетская философская подготовка, религиоведение, теология, университет, философия, ценности

1. «Душа» университетского образования

Философию неслучайно принято называть душой новоевропейского (классического) университета. Во-первых, она выступала универсальной мировоззренческой основой всего многообразия учебных дисциплин и научных отраслей, представленных в университете. Во-вторых, философский факультет оставался одним из ключевых институтов производства философской и, шире, гуманитарной элиты общества.

Развитие философской мысли в стенах Казанского университета в дореволюционное время происходило драматически. С одной стороны, оно было отмечено ее стремлением быть научной, находиться в русле общеевропейских светских тенденций понимания философии и ее направлений. С другой – на этом пути ей пришлось противостоять чиновно-бюрократическому давлению «сверху», сопротивляться попыткам клерикальных кругов подчинить ее развитие формуле «Православие, самодержавие, народность» в качестве единственной идеологиче-

ской основы и даже пережить период временного (с 1850 по 1852 г.) запрета [1]. И менее всего университетская философия участвовала в производстве российской гуманитарной элиты.

На протяжении советского периода преподавание философии, как, впрочем, и всех обществоведческих дисциплин, было идеологизировано и подчинено формированию коммунистического мировоззрения студенчества [2]. Марксистско-ленинская философия относилась к обязательным дисциплинам университетского образования.

Постсоветское время открыло возможности для неидеологизированного преподавания философских дисциплин как в процессе обязательной общеуниверситетской подготовки, так и в рамках профессионального философского образования. Последнее исторически впервые появилось в альма-матер в 2000 г., когда была получена лицензия Министерства образования РФ на подготовку кадров по специальности «философия». Выпускающей стала кафедра философии, входившая в состав экономического факультета. В 2007 г. был образован философский факультет. Спустя семь лет, в 2014 г., после учреждения в структуре КФУ Института социально-философских наук и массовых коммуникаций (далее – ИСФНиМК, Институт) философский факультет вошел в его состав на правах отделения философии и религиоведения (далее – ОФР). Именно ОФР отныне отвечало за состояние философской компоненты университетского образования в обоих – общеобязательном (неспециализированном) и профессиональном (специализированном) – ее аспектах.

2. Общеуниверситетская подготовка

Общеуниверситетская философская подготовка охватывала все направления и уровни высшего образования: общеобязательный курс философии для бакалавров, дисциплины философско-методологической направленности для магистров, курс «История и философия науки» для аспирантов и соискателей. Помимо этого, она включала поствузовскую ступень – повышение квалификации преподавателей по дисциплине «История и философия науки».

Целью общефилософской подготовки на бакалаврской ступени ставилось ознакомление обучающихся с богатым идейным наследием мировой философской мысли на предмет поиска ответов на «вечные» мировоззренческие вопросы: что есть мир, истина, человек, общество, история, добро, красота, справедливость и т. д.

К концу 10-х годов XXI в. стал остро ощущаться запрос со стороны студенческой аудитории на обновление контента дисциплины «Философия»: ее традиционное содержание перестало удовлетворять интересы обучающихся. Запрос был услышан. Разработка и реализация обновленного варианта дисциплины были осуществлены сотрудниками ОФР на основе компетентностного подхода.

Компетентностный подход, с 2013 г. положенный в основу действующих ФГОС¹, ориентировал участников образовательной деятельности на передачу/приобретение умений и навыков, а не только знаний, как это было принято

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт.

в условиях прежнего, «знаниевого» подхода. Таким образом, освоение навыков становилось целью, а философский контент – средством ее достижения. При этом допускалось варьировать контент в пределах задаваемых ФГОСом компетенций.

В частности, указанные стандарты предписывали формирование у студентов универсальной компетенции «Системное и критическое мышление» – способности «осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач» (ФГОС). Эта компетенция была непосредственно связана с освоением философии. Поэтому в 2020 г. традиционный «знаниевый» вариант ее реализации был существенно модернизирован. Контент обновленной дисциплины соединил в себе теорию критического мышления с рассмотрением актуальных философских проблем (человек и природа, человек и общество, человек и техника, человек в цифровом обществе, перспективы человечества и т. п.) в критико-рефлексивном курсе. Модернизированный вариант получил название «Философия: стратегии мышления». Практика его реализации продемонстрировала существенный рост интереса обучающихся к обновленному курсу, повышение привлекательности и значимости общефилософской подготовки в сознании студентов [3].

Следующим шагом в развитии компетентностного подхода стало участие преподавателей философии в пилотном университетском проекте «Открытая модель образования». Проект был направлен на диверсификацию традиционного контента дисциплины «Философия» по модульному принципу. Каждый из разработанных модулей: «Великие философы», «Человек в зеркале философии», «Русская философия», «Человек в цифровом обществе» – отвечал универсальной компетенции «Межкультурное взаимодействие». Последняя выражалась в способности «воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» (ФГОС) и формировалась, как видно из приведенного определения, в ходе общефилософской подготовки. Студентам предоставлялось право самостоятельного выбора для изучения одного из модулей. Начиная с 2020/2021 учебного года проект успешно реализуется в нескольких институтах КФУ.

Что касается дисциплины «История и философия науки», то она преподавалась на паритетной основе с коллегами нефилософских подразделений КФУ, а именно: философы отвечали за первую часть дисциплины – «Общие проблемы философии науки», тогда как ответственность за остальные две части: «Философские проблемы отдельных областей знания» и «История отдельных областей знания» – возлагалась на специалистов кафедр по профилю аспирантуры², которые сами нуждались в приобретении и обновлении соответствующих компетенций в области философии науки. С учетом этого в университетском Центре корпоративного обучения удалось организовать регулярную систему повышения квалификации преподавателей нефилософских кафедр по дисциплине «История и философия науки». Система способствовала постоянному обновлению контента дисциплины как в свете новых философских воззрений на науку,

² Единственное исключение было сделано для аспирантов социогуманитарных институтов: они осваивали вторую часть курса – «Философские проблемы общественных и гуманитарных наук» – под руководством преподавателей-философов.

так и в контексте изменений в современной научной картине мира, требовавших философского анализа. Плюсы были очевидны и для философов, и для специалистов-предметников.

С сентября 2023 г. Институт стал главным университетским подразделением по реализации новой общеобязательной дисциплины «Основы российской государственности» для студентов всех направлений подготовки. Будучи по содержанию междисциплинарным, новый курс фундировался главным образом на духовно-нравственном, ценностном компоненте, освоение которого требовало использования инструментов философской рефлексии. Кроме того, силами Института совместно с РАНХиГС³ было организовано обучение свыше 400 преподавателей вузов Татарстана и Приволжского федерального округа по программе повышения квалификации «Методика преподавания основ российской государственности».

Наконец, к началу 2023/2024 учебного года двумя творческими группами преимущественно молодых преподавателей Института в кратчайшие сроки были подготовлены полноценные цифровые образовательные ресурсы по дисциплинам «Философия» и «Основы российской государственности» на английском языке для студентов филиала КФУ в Арабской Республике Египет, начавшего работу осенью 2023 г. В этой связи следует отметить, что омоложение преподавательского состава, привлечение к педагогической работе способных молодых людей из числа выпускников – магистров и аспирантов ОФР – оказало благоприятное влияние на образовательный процесс в целом. По показателю численности преподавателей в возрасте до 39 лет Институт занимает сегодня лидирующие позиции в университете.

3. Профессиональное философское образование

К профессиональному философскому образованию принято относить все направления подготовки, входящие в ныне действующую УГСН⁴ 47.00.00 «Философия, этика, религиоведение» (Приказ). В университете было представлено два из них – «философия» и «религиоведение».

Начну с направления «философия». Практика показывала, что интерес к философскому образованию у определенной части молодежи был стабилен и неиссякаем. Философия привлекала нестандартно мыслящих, интеллектуально пытливых, культурно эрудированных молодых людей, «заболевших» ею, как правило, еще на школьной скамье. Таковые всегда находились в каждой молодежной генерации. Они и составляли основной контингент студентов ОФР.

Подготовка по направлению «философия» осуществлялась по полному циклу, включающему три ступени: бакалавриат (с 2011 г.), магистратуру и аспирантуру⁵ (обе с 2013 г.). Общая численность обучающихся в 2024 г. была 161 человек.

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

⁴ Укрупненная группа специальностей и направлений подготовки высшего образования.

⁵ Существовавшая до 2013 г. аспирантура по философии имела статус формы подготовки научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования и не являлась ступенью высшего образования. С 2013 г. аспирантура была отнесена к третьему уровню высшего образования – подготовка кадров высшей квалификации (273-ФЗ, ст. 69).

Набор студентов на первый курс бакалавриата в последние годы варьировался в пределах от 30 до 45 человек. В сравнении с другими российскими вузами, готовившими профессиональных философов, это весьма достойная цифра. При этом около 75 % зачисленных заполняли бюджетные места, а около 25 % становились студентами контрактной формы обучения. Неуклонно росло качество приема: начиная с 2020 г. средний балл по ЕГЭ у поступивших не опускался ниже 250 единиц.

В бакалавриате обучение проводилось по программе «Философия (социально-аксиологический профиль)»⁶, нацеленной на философское изучение многообразных общественных феноменов (культуры, ценностей, коммуникации, политики, образования, морали, искусства), а также личности человека. Если упоминать магистратуру, то в конце 10-х годов XXI в., помимо действующей с 2013 г. программы «Философия», в учебный процесс были введены программы «Философия цифрового общества» и «Философия: искусство жить», причем последняя реализовывалась в заочной, исключительно контрактной форме. Первая («цифровая») программа была востребована по большей части у молодежи, вторая пользовалась спросом у людей среднего возраста.

Что касается аспирантуры как третьей ступени высшего образования, то показателем ее завершения стала выпускная научно-квалификационная работа, а не кандидатская диссертация, как это практиковалось ранее. Тем не менее окончание аспирантуры с представлением текста кандидатской диссертации приветствовалось. К тому же все условия для ее последующей защиты, в первую очередь наличие диссертационного совета по философским наукам, в КФУ имелись.

Диссовет по философским наукам, входящий в систему ВАК Минобрнауки РФ⁷, функционировал при Казанском университете по специальности «социальная философия» с 2001 г. В 2015 г. диссертационный совет получил право приема диссертаций еще по двум специальностям: «онтология и теория познания» и «философия религии, религиоведение». В конце 10-х годов XXI в. российское правительство в порядке эксперимента разрешило ведущим вузам, в том числе КФУ, учреждать собственную систему диссоветов. Летом 2019 г. завершилась деятельность диссертационного совета при КФУ по философским наукам по системе ВАК, в котором начиная с 2001 г. были успешно защищены 19 докторских и 129 кандидатских диссертаций. С сентября 2019 г. диссовет продолжил работу в составе собственной университетской системы аттестации научных кадров.

Согласно авторитетным агентствам (QS World University Rankings, SCImago Institutions Rankings), КФУ с 2018 г. входил в первую восьмерку российских вузов по академическому рейтингу предметной области «философия». Думается, это был достойный показатель для Казанского университета с учетом того, что направление подготовки «философия» представлено в 23 вузах страны.

Университетское образование немыслимо без привлечения обучающихся к научно-исследовательской деятельности. Для этого по их инициативе были соз-

⁶ С 2021 г. программа стала именоваться «Философия», сохранив при этом свою социально-философскую направленность.

⁷ Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

даны студенческие научные объединения «Логос» и «Эйдос», участники которых под руководством опытных наставников овладевали навыками исследовательской работы, делились первыми полученными на этом поприще результатами.

Немало было сделано для популяризации философского знания. С этой целью в начале 20-х годов XXI в. стартовала реализация программы дополнительного образования «Философия кино» для всех желающих «со стороны». Она ежегодно находила свою – пусть немногочисленную – стабильную мотивированную аудиторию. Неизменным успехом сопровождались выступления сотрудников ОФР перед слушателями «Университета третьего возраста» – известного образовательного проекта, инициированного Татарстанскими республиканскими отделениями Пенсионного фонда России и Союза пенсионеров России еще в 2007 г. Пожилой возраст – лучшая пора для раздумий над вечными смысложизненными вопросами, и без философии здесь не обойтись. Традиционным становился ежегодный фестиваль «Казань философская», посвященный Всемирному дню философии. Его участники – как правило, молодые преподаватели ОФР – с успехом выступали перед массовой аудиторией жителей Казани на городских публичных площадках с лекциями, посвященными актуальным вопросам современного философского познания.

Теперь о религиоведении. Оно зиждется на результатах философской рефлексии религии и изучает закономерности ее возникновения, развития и функционирования, строение и различные компоненты, многообразные религиозные феномены, взаимодействие религии с другими областями культуры, обществом, государством. При этом основной, философский дискурс дополняется историческими, антропологическими, социологическими, психологическими подходами.

Прием студентов на специальность «религиоведение» начался в Казанском государственном университете в 2005 г. С введением в 2007 г. двух-, а с 2013 – трехуровневой системы подготовки направление «религиоведение» уже в КФУ было доведено до полного цикла с включением всех ступеней высшего образования – бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Общая численность обучающихся на направлении в 2014 г. составила 62 человека.

Образовательный процесс строился в соответствии с принципами веротерпимости и конфессиональной нейтральности, которые предполагали равноправную представленность изучаемых религий в образовательных программах. Обучение было сориентировано на подготовку специалистов в области государственно-конфессиональных отношений, способных решать любые задачи в сфере межконфессионального взаимодействия, актуального и для такого поликонфессионального региона, как Татарстан, и для России в целом. Поэтому одной из ключевых составляющих религиоведческого направления стали компетенции, связанные с этноконфессиональной сферой (идентичность, толерантность, межконфессиональное согласие).

Изначально подготовка велась по историко-религиоведческому профилю в бакалавриате и по программе «Религии России» в магистратуре. В 2014 г. была открыта магистерская программа «Юридическое религиоведение», самостоятельно разработанная кафедрой религиоведения. Не имеющая аналогов в России, она была ориентирована на подготовку специалистов в области проведения

государственной и судебной религиозно-экспертных, весьма востребованных в настоящее время.

Особый интерес у работодателей вызывал опыт работы кафедры религиоведения по противодействию угрозам национальной безопасности России и Татарстана. На основе этого опыта были разработаны и включены в образовательные программы такие дисциплины, как «Религиоведческий анализ экстремизма и терроризма», «Доктринально-мотивированное насилие в религиях мира», «Религия и политика», «Моделирование и прогнозирование государственно-конфессиональных отношений» и т. п.

С 2023 г. была открыта еще одна уникальная магистерская программа «Религиозные организации в социальной политике государства», нацеленная на подготовку специалистов в области организации и осуществления партнерства религиозных и благотворительных организаций в социально ориентированных проектах, а также религиоведов-исследователей социального служения в религиозных организациях.

Для повышения качества подготовки религиоведов в 2023 г. была запущена совместная с кафедрой философии религии и религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова ежегодная программа академической мобильности студентов, в рамках которой бакалавры-религиоведы КФУ и МГУ в течение семестра обучались по обмену в вузе-партнере. Спустя год была открыта сетевая программа по подготовке бакалавров-религиоведов совместно с Уфимским университетом науки и технологий.

Значительное внимание уделялось ознакомлению учащихся с современными исследовательскими практиками. С этой целью ежегодно проводились международные научно-образовательные школы по актуальным проблемам религии, религиозной ситуации и государственно-конфессиональным отношениям: «Новые религии и современный мир», «География религии: мир между христианством и исламом», «Религиоведческая экспертиза: состояние и перспективы развития», «Стратегии полевого исследования религии», «Религия и образование» и др.

Важным фактором, повысившим качество подготовки религиоведов, стало упомянутое ранее открытие в 2015 г. специальности «философия религии, религиоведение» в диссертационном совете при КФУ по философским наукам. Тем самым процесс подготовки кадров для религиоведческой отрасли обрел свою полноту и завершенность.

Для популяризации религиоведения, привлечения талантливых абитуриентов с 2023 г. стал проводиться ежегодный фестиваль «Стружки из религиоведческой мастерской», в рамках которого преподаватели знакомили массовую аудиторию с историей и современным состоянием религиозных организаций и движений.

Выпускники-религиоведы были востребованы в органах государственной власти, силовых структурах, научно-исследовательских и аналитических центрах, в СМИ и общественных организациях; занимались экспертно-аналитической деятельностью, проводили мониторинги состояния межконфессиональных отношений в Татарстане, осуществляли посредничество между конфессиональными структурами и органами государственной администрации.

По мере развития в КФУ профессионального религиоведческого образования становилось очевидным, что компетенциями в области религиоведения должны были обладать выпускники и других, нерелигиоведческих, направлений, реализуемых в ИСФНиМК. Большинству из них предстояло трудиться в условиях поликонфессионального региона – Республики Татарстан. По этой причине был инициирован процесс включения религиоведческой тематики в программы подготовки этих направлений. В первую очередь в учебные планы были введены дисциплины, связанные с изучением этноконфессиональных отношений: «Национальная идентичность» (философия), «Политическая регионалистика и этнополитика» (политология), «Этноконфессиональные конфликты» (конфликтология), «Социология религии» и «Этническая социология» (социология), «Этноконфессиональные отношения в медиасфере» (журналистика).

Помимо этого, в 2023/2024 учебном году религиоведы Института вошли в пилотный проект Минобрнауки РФ по реализации дисциплины «История религий России», которая в ближайшем будущем будет введена в программу общегуманитарной подготовки студентов российских вузов. В этой связи весной 2024 г. на площадке КФУ сотрудниками Российской академии образования была реализована программа повышения квалификации по указанной дисциплине для более 200 преподавателей, представляющих ведущие вузы Приволжского федерального округа.

4. Смежные с философией направления подготовки

Расширение горизонтов мировоззренческой рефлексии учащихся создало возможность обращения к идейному, этическому и культурному наследию мировых религий не только с позиций светской философии, но и в теологическом дискурсе.

Теология – имеющая многовековую историю и стабильно востребованная в мире область знаний. Деятельность теолога направлена на философский анализ развития и функционирования религии в обществе. Она включает в себя систематическое изложение и рациональное толкование религиозных догм, ритуалов и священных текстов, источников теологического знания, основ верования и религиозных обрядов, исторических форм практической деятельности религиозной организации, ее служения, религиозного культурного наследия в различных контекстах. Теологическое познание направлено на выявление, анализ и интерпретацию значимых аспектов религиозной жизни, их соотнесение с нормами конкретной религиозной традиции. Важной областью предметного поля теологии является изучение истории и современного состояния отношений религиозной организации с другими конфессиональными организациями, а также с государством и обществом.

УГСН 48.00.00 «Теология» была внесена в Перечень специальностей и направлений подготовки высшего образования в РФ в 2000 г. (Приказ). Это решение соответствовало принятой в современной социогуманитаристике парадигме мультигносеологизма: признанию эпистемологического равноправия всех типов знания о человеке и обществе, включая научное, философское и религиозное познание.

В социальном плане усиливающийся у молодежи интерес к теологии отвечал объективно обусловленному возрастанию роли религии и церкви в жизни общества. В аксиологическом – отражал нарастающую тягу общественного сознания к социально-исторической реабилитации и защите многих незаслуженно дискредитированных традиционных ценностных устоев социума.

В отличие от религиоведения, теология не может существовать на основе принципа конфессиональной нейтральности, она всегда моноконфессиональна, то есть атрибутирована одной определенной конфессии. С учетом этого обстоятельства направление «теология», открытое в КФУ в 2013 г., включало в себя в обязательном порядке два профиля – христианский и исламский, каждый из которых отвечал за подготовку теологов для одной из двух основных конфессий, действующих на территории Татарстана.

Образовательная подготовка делилась на два бакалаврских профиля: «Церковно-государственные отношения: христианская теология» и «Государственно-конфессиональные отношения: исламская теология», а также включала в себя две магистерские программы: «Наука и религия (христианская теология)» и «История и теология ислама (исламская теология)». В бакалавриате обучались выпускники государственных школ, а в магистратуре, помимо тех, кто избрал путь в науку, учились служители конфессий, сотрудники религиозных организаций, государственных и муниципальных органов управления. Основное внимание уделялось всестороннему изучению источников конфессионального богословия, религиозной философии, истории конфессии, отечественного и зарубежного опыта государственно-конфессиональных отношений, государственной вероисповедной политики, основ экспертно-консультативной деятельности по религиозным вопросам. В общегуманитарной подготовке значительное место отводилось овладению языками – латинским, древнегреческим, арабским. Практику обучающиеся проходили как в религиозных организациях – Казанской епархии Русской православной церкви, Духовном управлении мусульман Республики Татарстан, так и в органах государственной и муниципальной власти – Администрации Раиса РТ, Исполкоме г. Казани и пр. Контингент обучающихся на направлении «теология» в 2024 г. составил 153 человека.

Все образовательные программы в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (273-ФЗ, ст. 87, подп. 4) были согласованы с представителями конфессий, действующих в Татарстане. В состав преподавателей вошли христианские и мусульманские ученые-богословы. Качество квалификационных работ выпускников оценивала государственная аттестационная комиссия с участием ученых-теологов из крупнейших духовно-образовательных центров – Свято-Тихоновского университета и Свято-Филаретовского института Русской православной церкви, Российского и Московского исламских институтов.

Знаковым событием стало открытие в структуре Института в 2020 г. научно-образовательного Центра «Теология». Помимо решения чисто образовательных задач, Центр стал площадкой для совместных научных, общественных, культурно-просветительных мероприятий с духовно-образовательными религиозными заведениями.

* * *

Таким образом, на протяжении последних 15 лет философская компонента университетского обучения получила свое поступательное развитие как в аспекте обязательной общеуниверситетской подготовки, так и в рамках профессионального философского образования.

Вместе с тем немалая работа предстоит университетским философам в ближайшем будущем. Дело в том, что в 2024 г. Министерство науки и высшего образования РФ запустило федеральный проект актуализации всей линейки социально-гуманитарных дисциплин, включая философию и религиоведение, для студентов непрофильных направлений подготовки. Поставлена задача выстроить процесс реализации указанных дисциплин на единой «сквозной» ценностной основе – в первую очередь путем приобщения студенческой молодежи к традиционным российским духовно-нравственным ценностям⁸, образующим своего рода «духовный каркас» личности россиянина.

В обозначенной связи становится очевидной необходимость существенного обновления содержания общеуниверситетской философской подготовки. Действительно, прививать указанные ценности современному поколению молодежи, используя возможности ныне реализуемой дисциплины «Философия», представляется малопродуктивным делом. Она, как, впрочем, и большинство сегодняшних общеуниверситетских дисциплин, несет на себе печать «болонского наследия»⁹. Последнее проявляется в западническом характере образовательного контента, европоцентризме, маргинализации отечественной философской традиции, тиражировании ряда чуждых российскому обществу ценностей и идеалов ультралибералистского типа. Без коренного изменения контента дисциплины «Философия», способов ее реализации и форм аттестации преодолеть «болонское наследие» вряд ли получится. Но иного пути восстановления и упрочения отечественного духовно-нравственного начала университетской философской подготовки просто не существует. Это означает, что философское сообщество альма-матер ожидает непростая, кропотливая и весьма ответственная деятельность по формированию ценностного сознания обучающихся.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

273-ФЗ – Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70291362/?ysclid=lvxotktylu132732071>, свободный.

Приказ – Приказ Минобрнауки России от 12 сент. 2013 г. № 1061 (ред. от 13 дек. 2021 г.) «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки

⁸ К основным традиционным российским духовно-нравственным ценностям отнесены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (Стратегия, ст. 91).

⁹ Имеется в виду двадцатилетний (2003–2023 гг.) период участия России в Болонском процессе, направленном на реформирование российской высшей школы по европейским стандартам с целью ее интеграции в европейское и в перспективе в глобальное образовательное пространство.

высшего образования». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-12092013-n-1061/#100669>, свободный.

ФГОС – ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24>, свободный.

Стратегия – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/401425792/#block_1000, свободный.

Литература

1. *Серебряков Ф.Ф.* Дела и люди. Казанская университетская философия: очерки и записки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 310 с.
2. *Щелкунов М.Д., Ибрагимова З.З., Иванов Ю.Н.* Философия в Татарстане: советский и постсоветский периоды. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. 72 с.
3. *Щелкунов М.Д.* Вузовская философия: требуется перезагрузка // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 10. С. 99–107. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-10-99-107>.

Поступила в редакцию 10.06.2024

Принята к публикации 15.08.2024

Щелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: Mikhail.schelkunov@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 28–39

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.28-39

The Philosophical Component of University Education (2010s–mid 2020s)

M.D. Shchelkunov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: Mikhail.schelkunov@kpfu.ru

Received June 10, 2024; Accepted August 15, 2024

Abstract

This article explores the state and progress of philosophical education at Kazan Federal University over the last 15 years. In a brief historical overview, the distinct features of the philosophical curriculum at Kazan University during the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods are identified. The modernization of the university-wide philosophy course for bachelor's students in the 2020s, focusing on the competency-based approach, is traced. The role of university philosophers in designing and delivering the course "Foundations of the Russian Statehood" is emphasized. The evolution of professional education in the fields of philosophy and religious studies, along with theology related to them, is analyzed. In conclusion, the main challenges faced by the philosophical community in maintaining the relevance

of social and humanitarian training for students, as well as in restoring and strengthening the spiritual and moral foundations of university-level philosophy in Russia, are discussed.

Keywords: humanities sovereignty, competence, university-wide philosophy course, religious studies, theology, university, philosophy, values

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Serebryakov F.F. *Dela i lyudi. Kazanskaya universitetskaya filosofiya: ocherki i zapiski* [Work and People. Kazan University Philosophy: Essays and Notes]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2019. 310 p. (In Russian)
2. Shchelkunov M.D., Ibragimova Z.Z., Ivanov Yu.N. *Filosofiya v Tatastane: sovetskii i postsovetskii periody* [Philosophy in Tatarstan: Soviet and Post-Soviet Periods]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2012. 72 p. (In Russian)
3. Shchelkunov M.D. University philosophy course: Reboot is required. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*, 2021, vol. 30, no. 10, pp. 99–107. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-10-99-107>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Щелкунов М.Д. Философская компонента университетского образования (10-е – середина 20-х годов XXI века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.28-39>. ⟩

⟨ **For citation:** Shchelkunov M.D. The philosophical component of university education (2010s–mid 2020s). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 28–39. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.28-39>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.40-51

КАЗАНСКОЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ КАК ПОЛЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.А. Шадрина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики казанского дореволюционного востоковедения, которое в XIX в. формировалось здесь в контексте как академического, так и миссионерского дискурсов. Предпринята попытка определить методологические подходы, использованные представителями обоих упомянутых направлений для изучения истории и культуры «Другого», в качестве которого в настоящей статье выступают ислам и мусульманская культура. Выявлены истоки обозначенных подходов, а также описано, как в процессе становления востоковедения осуществлялось взаимодействие между представителями академической (сформировавшейся при Казанском университете) и миссионерской (существовавшей в рамках Казанской духовной академии) школ. Сделан вывод о том, что во второй половине XIX в. диалогическое изучение ислама и исламской культуры в России было возможно преимущественно в рамках сложного переплетения академического, миссионерского и социального дискурсов.

Ключевые слова: исламоведение, казанское миссионерское исламоведение, казанское востоковедение, Казанский университет, Казанская духовная академия, диалог культур, исламо-христианский диалог

В современном мире проблемы, связанные с ситуациями межкультурного, межконфессионального, межкультурного взаимодействия, не только не теряют актуальности, но, напротив, обретают особую остроту. Развитие науки и системы общественных отношений в целом уже привело исследователей (а в отдельных аспектах – еще приводит) к осознанию необходимости непредвзятых подходов к изучению истории и культуры так называемого «Другого», то есть представителя другой нации, другой религии и, по сути, даже другого исторического периода. Мы всё больше стали признавать тот факт, что любое гуманитарное исследование – это в определенном смысле построение некоего «Образа Другого», и то, на каких основаниях и исходя из каких посылок выстраивается этот образ, является важнейшей составляющей любого гуманитарного знания. При этом одной из самых, если можно так выразиться, напряженных линий культурного разлома, на которой существуют глубоко укоренившиеся и вновь «расцветающие» стереотипы, порой крайне негативные, формирующие отталкивающие образы и препятствующие развитию конструктивного взаимодействия, по-прежнему

остается граница, проходящая между мусульманским миром и миром европейским (еще с эпохи Средневековья видящим себя христианским) [1, с. 7–8].

В обозначенной связи огромный интерес представляет исследование истоков формирования научных и так или иначе связанных с ними походов к изучению, в частности, культуры ислама в России – стране, которая была и по сей день остается в высшей степени мультикультурной, полиэтнической и поликонфессиональной. Так, например, известный отечественный ученый Яков Георгиевич Шемякин относит Россию, наряду с Латинской Америкой (исследованием ее специфики он специально занимается), к цивилизациям «пограничного» типа, в пространстве которых принцип многообразия превалирует над принципом единства, лежащим в основе классических цивилизаций Запада и Востока. Для «пограничных» цивилизаций не существует какого-то единого культурного кода, и любой «Чужой» или «Другой» может постепенно стать здесь «Своим», что практически невозможно для цивилизаций с превалирующим принципом единства [2, с. 161].

Именно по изложенным соображениям столь интересен опыт становления и развития именно в России научных направлений, так или иначе касающихся изучения и конструирования того самого «Образа Другого».

Научное востоковедение в Российской империи начинает делать первые шаги уже в конце XVIII в., о чем, в частности, детально повествует в своих многочисленных работах казанский исследователь Рамиль Миргасимович Валеев [3–5], причем центром развития востоковедения становится именно Казань, что, безусловно, неслучайно и неудивительно. Поволжье всегда было для России своеобразной мусульманской окраиной, где в целом существовало объективно огромное поле для работы по изучению специфики мусульманской культуры. А уже в середине XIX в. в связи с завоеванием Средней Азии Российская империя вышла к рубежам «внешнего» мусульманского мира и ислам для российского общества превратился из проблемы культурологической и религиозно-метафизической в проблему социально-политическую [6, с. 67]. Центр по решению обозначенной проблемы в плане изучения и формирования образа ислама и стратегий работы с мусульманским населением изначально был логично сосредоточен именно в Казани. При этом здесь сформировалось как бы два параллельно существовавших центра, занимавшихся данной проблематикой (заметим, что, несмотря на их кажущуюся противоположность, они всегда так или иначе находились в разной степени творческом взаимодействии). Один из них – это центр научный, стоявший на принципах развития рационального, доказательного знания (Разряд восточной словесности Императорского Казанского университета [7]), а второй – противомусульманское отделение Казанской духовной академии, которое стало центром изучения ислама с целью ведения миссионерской деятельности среди мусульман [8–10].

В пределах Российской империи именно перед Казанью была поставлена задача выработки стратегии интеграции инокультурных и инорелигиозных элементов в пространство культуры страны, воспринимавшейся тогда властью как преимущественно православной, стремящейся к формированию единой культуры. И именно казанские ученые и миссионеры в конечном итоге пришли к тем принципам исследования культуры «Другого», которые до определенной степени и сегодня рассматриваются как наиболее эффективные, даже несмотря на то,

что перед миссионерским направлением в целом стояла задача по выявлению ложности мусульманского учения и «переманиванию» мусульман в христианство.

Таким образом, в рамках настоящей статьи казанское востоковедение необходимо понимать не только как академическое направление, формировавшееся в стенах одного из старейших российских университетов, но и как некую систему социально значимых практик, тоже связанных с исследованиями, центром которых была Казанская духовная академия (причем не только для Поволжья, но и для всей России) [6; 9].

Казанское университетское востоковедение развивалось в XIX в. в рамках Восточного разряда, наличие которого предусматривалось еще указом 1804 г. и который был образован в 1807 г.; официальное название Разряд восточной словесности Казанского императорского университета получил в 1837 г., однако уже в 1855 г. подразделение было переведено в Санкт-Петербург, где вошло в состав факультета восточных языков [11]. Казанский восточный разряд был по-настоящему уникальным явлением науки того времени во многих отношениях. В рамках настоящей статьи особый интерес для нас представляет то, какие методологические основания, методы и принципы были положены в основу изучения здесь культуры «Другого», в частности ислама, а также различных народов и стран, которые его исповедовали. Крайне важным и интересным видится вопрос о том, есть ли в подходах казанских востоковедов тот самый элемент диалога, то есть попытки всмотреться, ощутить, по-настоящему понять основания иной культуры, либо же мы наблюдаем здесь некий европоцентричный монолог, целью которого является доказательство превосходства христианского (если говорить широко) мира над миром мусульманским.

В целом можно, на наш взгляд, выделить два измерения в исследовании ислама и исламо-христианского межкультурного диалога в рамках казанского (как академического, так и миссионерского) исламоведения. С одной стороны, исламо-христианский межкультурный диалог сам по себе является специфическим объектом исследования. В подобного рода публикациях рассматривается то, как исторически складывались взаимоотношения христианского и исламского миров, как они влияли друг на друга. Такие работы в большинстве своем отмечены, как ни странно, именно в рамках миссионерского исламоведения (хотя, по сути, они не являются подлинно научными исследованиями, поскольку преследуют вполне конкретную цель – продемонстрировать агрессивную позицию ислама по отношению к христианству). Необходимо указать, что истории становления и развития казанского миссионерского исламоведения специально посвящен ряд публикаций, в частности статья Марса Забировича Хабибуллина, который занимается вопросами изучения истории и культуры татар в синодальных учебных заведениях Казани. Исследователь отмечает, что в 1855 г. при Казанской духовной академии было открыто единственное в России миссионерское отделение. Его противомусульманский сектор должен был стать центром подготовки специалистов для ведения миссионерской деятельности среди мусульман, новообращенных христиан и язычников, проживавших в основном на территории Поволжья и Приуралья [8, с. 226–227].

И именно пером выходцев из казанской миссионерской школы были написаны работы, специально посвященные взаимодействию ислама и христианства.

Например, это труд русского ученого-ориенталиста, одного из первых исследователей Туркестана, проходившего обучение в Казанской духовной академии с 1866 по 1870 гг., ученика Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова [12] Николай Петровича Остроумова под названием «Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством» [13], который он издает в 1888 г. в Санкт-Петербурге.

Центральный тезис исследования был, что неудивительно, идеологически обусловлен: «Взаимные отношения христианства и мусульманства никогда не были мирными, да и не могли быть такими, потому что обе названные религии взаимно исключают друг друга в самых существенных пунктах своего учения» [13, с. 1]. Здесь следует обратить внимание на то, что в данном утверждении присутствует своеобразная логика эпохи Просвещения, а позднее и колониализма, противопоставляющая два культурно-религиозных мира – мир христианский и мир мусульманский.

После подобного введения автор излагает основные этапы исламо-христианского взаимодействия, ссылаясь в основном на два источника: «Историю средних веков» М.М. Стасюлевича и «Всемирную историю» Ф.К. Шлосера. Причем, когда речь идет не об идеологической подоплеке или широких обобщениях, а касается конкретных исторических фактов, Н.П. Остроумов, пытаясь делать постоянный акцент на жестокости арабов и их нетерпимом отношении к христианам, все-таки не может согрешить против исторической правды и замолчать факты религиозной веротерпимости мусульман [13, с. 24–27]. Однако ученый, опять-таки придерживаясь основной установки своего сочинения, подчеркивает, что впоследствии мусульманское господство превращается на завоеванных территориях из мягкого в деспотическое (цитируя при этом отрывок из сочинения Р. Дози «Очерк истории ислама», приведенный в учебнике М.М. Стасюлевича) [13, с. 23].

Таким образом, становятся очевидными противоречивость и многоаспектность формирования поля исследований исламо-христианского взаимодействия, в рамках которого историческая действительность переплетается с глубоко укоренившимися идеологическими установками прошлого (причем прошлого в первую очередь Западной Европы, поскольку именно на работы западных авторов ссылаются казанские миссионеры) и требованиями актуальных реалий.

Тем не менее взаимовлияние христианского и мусульманского культурных миров, особенно в религиозной сфере (точнее, если мы говорим о миссионерском исламоведении, речь идет о влиянии христианской доктрины на доктрину ислама), становится одним из ключевых направлений исследований представителей противомусульманского отделения Казанской духовной академии [14–16].

При этом, несмотря на всю идеологическую направленность подобного рода работ, в их основе лежат те самые принципы диалогического изучения культуры и религии «Другого», эффективность которых отмечали еще средневековые миссионеры. Особенно в эпоху Крестовых походов и сразу после них перед европейскими миссионерами стояли задачи по христианскому просвещению среди мусульман. В этот период в Европе распространяются идеи о том, что насильственные методы обращения иноверцев в христианство, как правило,

не работают и в целях распространения христианства необходимо изучать культуру «Другого», чтобы разговаривать с ним на одном языке [1, с. 61–62, 68–69]. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что важнейшим методом в рамках подобного подхода как для средневековых миссионеров, так и для миссионерского и даже академического исламоведения в России XIX в. стал перевод ключевых религиозных текстов того самого «Другого» [17, с. 280–333].

Так, Гордием Семеновичем Саблуковым, одним из выдающихся представителей казанского миссионерского исламоведения, был осуществлен первый в России перевод Корана на русский язык непосредственно с арабского. Особенностью его подхода была опора на мусульманскую экзегетическую традицию в соединении с рассмотрением Корана как культурно-исторического памятника. Именно поэтому Г.С. Саблукова можно считать одним из основоположников научного корановедения в России [4]. Даже несмотря на негативную в целом оценку деятельности казанской миссионерской школы, исключительное значение труда Г.С. Саблукова подчеркивает один из ведущих специалистов по коранистике в России Ефим Анатольевич Резван, который отмечает, что казанскому ученому удалось создать оригинальное исследование; помимо перевода Корана в 1879 г. он выпустил «Приложения» – в то время лучший указатель к Корану в Европе, а уже после смерти автора в 1884 г. был опубликован и его обзорный труд о Коране [18, с. 279].

Очевидно, что для появления подобного рода работ было необходимо наладить процесс изучения языков иной культуры и составления библиотек, содержащих подлинные тексты этой культуры, которые и нужно было анализировать. И здесь отчетливо прослеживается тесная связь между университетским (академическим) и миссионерским исламоведением (и, шире, востоковедением). Так, особо следует подчеркнуть, что первым учителем-лингвистом, преподававшим в Казанской духовной академии татарский, турецкий и арабский языки, стал выдающийся ученый из Казанского университета Александр Касимович Казем-Бек [8, с. 224]. В дальнейшем подготовка миссионеров происходила согласно плану выпускника Казанской духовной семинарии, ученика А.К. Казем-Бека, одного из талантливейших представителей казанского миссионерского исламоведения Николая Ивановича Ильминского, который стал автором проекта «лучшего устройства» подготовки миссионерских кадров. Согласно плану, предложенному Н.И. Ильминским, на трех этапах обучения – духовное училище, семинария и академия – будущие миссионеры должны были пройти всестороннюю подготовку, которая включала изучение восточных языков, в том числе и арабского, религиозных текстов мусульман, их истории и культуры. С точки зрения автора проекта, которая, как уже отмечалось выше, идеологически восходила к позиции времен Крестовых походов в Европе, уже тогда демонстрировавшей пусть не миссионерскую эффективность, но эффективность в деле выстраивания конструктивных взаимоотношений, насильственные методы христианизации инородцев, практиковавшиеся ранее, не могли принести успеха. Необходимо было проникнуть во внутренний мир человека, чтобы обратить его изнутри. А для этого надо было адаптировать христианскую проповедь к народному миропониманию [6, с. 68–76].

И вот в этом стремлении проникнуть в глубинную сущность культуры «Другого» (и не столь важно в данном контексте, с какими целями) мы можем увидеть подлинно диалогическую исследовательскую парадигму, которая, в частности, роднит академическое и миссионерское исламоведение в дореволюционной Казани. Так, например, академик Санкт-Петербургской Академии наук, профессор арабской словесности Санкт-Петербургского университета Виктор Романович Розен публиковал критико-библиографические статьи, посвященные сочинениям казанских исламоведов, в «Записках Восточного отделения русского археологического общества». В них автор, несмотря на критику основных выводов миссионеров-исламоведов, подчеркивает разносторонность их источниковой базы [19; 20]. Растянувшаяся на десятилетия, данная полемика способствовала самоопределению академического исламоведения и накоплению объективно-научных знаний об истории ислама [5, с. 198–231]. И все тот же В.Р. Розен в 1881 г. даже приглашает Н.И. Ильминского в Санкт-Петербургский университет преподавать «мусульманские» языки письмом, в котором содержались следующие слова: «Глубокоуважаемый Николай Иванович! В мае текущего года Академия Наук лишилась в лице Б.А. Дорна своего ординарного академика по кафедре мусульманских языков... Ныне же я позволил себе, в беседах об этом предмете, упомянуть Ваше имя, как имя достойнейшего кандидата, и встретил, как и следовало ожидать, горячее сочувствие всех сторон» [Цит. по: 21, с. 32]. Подобного рода уважение, выказанное одним из важнейших российских востоковедов того времени, безусловно, свидетельствует о тесном переплетении миссионерского и академического дискурсов в вопросах изучения восточных народов и их культур.

И действительно, востоковедение, становление которого происходило на тот период в Казанском университете, в первую очередь, согласно логике развития любой науки, накапливало сведения о предмете изучения, причем здесь предпосылки и цели исследований отличались непредвзятостью и стремлением к научной объективности, даже несмотря на эпизоды неприятия подобного рода подходов со стороны государственной власти. Так, например, в официальной инструкции, составленной печально знаменитым попечителем Казанского учебного округа Михаилом Леонтьевичем Магницким в 1820–1821 гг., преподавателям восточной словесности Казанского университета вменялось в обязанность следующее: не «вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к... преданиям Магомета и первых учеников его... Не нужно равномерно ему входить во все то, что писано об Алкоране, в отношении его к судопроизводству. Он (профессор) покажет в истории их, из древнейших стихотворцев заимствованной, те баснословные предания, на коих она основана. Покажет в поэзии их, сколько она поверхностна, и как отличается одним блеском мыслей и смелостью выражений... Все сие представит профессор с тем намерением, чтобы открыть слушателям своим, что в арабской мудрости нет ничего особенного, что она почерпнута от греков и есть ни что иное, как философия Аристотеля, пламенным их воображением искаженная. Он вообще ограничится преподаванием языков арабского и персидского в том единственном отношении, в котором они торговым и политическим связям для России могут быть полезны» [Цит. по: 7, с. 30–31]. Из этой обширной цитаты мы видим, что М.Л. Магницкий фактически

предлагает превратить академическое востоковедение в миссионерское и поставить перед казанскими учеными совершенно практические задачи, схожие по сути своей с теми, которые до той поры стояли перед миссионерами.

Однако, как уже отмечалось выше, университетское востоковедение не пошло по данному пути, а продолжило накапливать знания и опыт преподавания в сфере восточных языков, а также формировать библиотеки восточных рукописей самого разного характера (причем не с целью развенчания идей, содержащихся в них, а с целью их глубокого и всестороннего изучения). Самые разнообразные факты, об этом свидетельствующие, содержатся на страницах публикаций уже упомянутого выше профессора Казанского федерального университета Рамиля Миргасимовича Валеева и его учеников, которые проводят огромную работу по изучению казанских и петербургских архивов, так или иначе связанных с развитием казанского востоковедения в XIX и начале XX в. Так, например, говоря о творческом пути Мирзы Казем-Бека, стоявшего у самых истоков изучения Востока в Казани, Р.М. Валеев и его соавторы приводят сведения о том, что в 1843 г. в восточном отделе университетской библиотеки насчитывалась 61 книга (в том числе рукописи) на арабском языке, 62 – на персидском, 23 – на турецком, 3 – на еврейском и 1 – на коптском языке, а в 1853 г. в библиотеке уже было 206 книг и рукописей на арабском, 157 – на персидском, 43 – на турецком, 11 – на татарском и 1 – на зендском языке [22].

Важно заметить, что доступ к упомянутым источникам могли иметь и ученики Казанской духовной академии, поскольку, как сообщает Р.М. Валеев в одной из своих публикаций, в середине 40-х годов XIX в. развитие преподавания восточных языков в академии было связано с именами профессоров восточного разряда университета А.К. Казем-Бека (об этом уже шла речь выше) и А.В. Попова. Студенты духовной академии имели право слушать в Казанском университете лекции по восточным языкам – татарскому, монгольскому и калмыцкому [23, с. 31]. И, как уже отмечалось в случае с Н.И. Ильминским, выпускников академии в дальнейшем даже приглашали вести занятия по восточным языкам в академических учебных заведениях.

Таким образом, мы видим, что в казанском исламоведении (как академическом, так и миссионерском) в дореволюционный период прослеживаются отдельные методологические установки, связанные с формированием диалогического подхода к изучению культуры «Другого». В первую очередь это проявляется в стремлении погрузиться в изучаемую культуру через ее язык и самые разнообразные тексты, на нем созданные. Особо стоит отметить, что именно в Казань в 1802 г. был передан арабский шрифт типографии Академии наук и именно здесь была создана мусульманская типография, которая начала печатать тексты Корана, главного мусульманского источника по религии и культуре, в оригинале, и казанские Кораны широко распространялись по всему миру. За 57 лет в Казани было напечатано около 150 тыс. экземпляров Корана [24].

Исследования, которые проводились учеными Казанского университета, а также их разнообразные наработки в области преподавания восточных языков, что было особенно ценно в условиях отсутствия каких-либо пособий и словарей, стали колоссальным вкладом в дело развития знаний о Востоке, в частности

о Востоке мусульманском, для всего дальнейшего развития российской науки. Не менее значимы и принципы, которые закладывали казанские востоковеды (в первую очередь, безусловно, академического направления), отталкиваясь, по глубинной сути своей, от диалогической парадигмы непредвзятого, лишённого предзаданности изучения культуры и истории «Другого». Интересно отметить здесь и тот факт, что многие исследователи, формировавшие казанское миссионерское востоковедение, сами были отчасти «Другими» для Российской империи (так, например, Мирза Мухаммед Али Казем-Бек родился в г. Решт в Персии, и его национальная принадлежность определяется как «персиянин» [25, с. 925]) и, возможно, на определенном уровне лично ощущали ту самую необходимость выстраивания конструктивного, непредвзятого диалога для дальнейшего поступательного развития человеческого общества.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Сер. «Становление Европы» / Пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. СПб.: Александрия, 2007. 332 с.
2. Шемякин Я.Г. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышление над книгами В.Б. Земского // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25, № 1. С. 154–180.
3. Валеев Р.М. Казанское востоковедение и изучение мусульманского мира (конец XVIII – нач. XX в.). Казань: Алгоритм+, 2013. 160 с.
4. Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань: Казань, 1993. 104 с.
5. Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. 380 с.
6. Алексеев А.К. К проблеме культурного диалога: ислам и Казанское миссионерское исламоведение // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: материалы Всерос. конф. «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования» (Казань, май 2003 г.) / Под ред. Р.М. Мухаметшина. Казань, 2004. С. 67–100.
7. Валеев Р.М. Очерки истории Казанского университетского востоковедения (1769–1920-е гг.). Казань: Алма-Лит, 2003. 142 с.
8. Хабибуллин М.З. Миссионерское противомусульманское отделение Казанской духовной академии (1842–1920 гг.) // Востоковедение в России и странах СНГ на рубеже веков: материалы международного симпозиума, посвященного 200-летию создания кафедры восточной словесности в Казанском университете (2 июля – 5 июля 2007 года) / Отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев и др. Казань: Фолиант, 2015. С. 222–253.
9. Колесова Е.В. Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 207 с.
10. Маточкина А.И., Стецкевич М.С. Становление российского исламоведения: между конфессионализмом и научной объективностью (вторая половина XIX – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Ч. 36, № 1, С. 82–106. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-82-106>.
11. Валеев Р.М. Восточный разряд // Татарская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Ин-т Татарской энцикл. АН РТ, 2002. Т. 1: А–В. С. 636–637.

12. *Файзрахманов Л.М.* Н.П. Остроумов миссионер и исламовед // Изв. АлГУ. 2008. № 4-1. С. 146–150.
13. *Остроумов Н.П.* Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб.: Тип. С.Е. Добродеева, 1888. 75 с.
14. *Заборовский А.* Мысли аль-Корана, заимствованные из христианства: сочинение студента Казанской духовной академии XII учеб. курса (1864–1868 г.): [с прил. «Что Мухаммед заимствовал из Христианства?»: пер. с англ.]. Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казан. духовной акад. Вып. 7. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1875. 73 с.
15. *Коблов Я.Д.* Антропология Корана в сравнении с христианским учением о человеке. Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казан. духовной акад. Вып. 23. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1905. 352 с.
16. *Михайлов А.Ф.* Сказания Корана о новозаветных лицах и событиях и критико-политический разбор этих сказаний. Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казан. духовной акад. Вып. 21. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1894. 434 с.
17. *Шишков А.М.* На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья (V–XIV вв.). М.; СПб.: Университетская книга, 2016. 704 с.
18. *Резван Е.А.* Введение в коранистику. Казань: Изд.-во Казан. ун-та, 2014. 405 с.
19. *Розен В. М.* Машанов. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение в изучение ислама. Часть 1. Очерк религиозного быта арабов-язычников в эпоху Мухаммеда. Казань 1885 (Миссионерский противомусульманский сб. Вып. XVII) // Записки Восточ. Отделен. Императ. Рус. Археологического об-ва, издаваемые под редакцией управляющего Отделением Барона В. Розена. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. 1887. С. 283–301.
20. *Розен В.* Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране) Протоиерея Е.А. Малова. Казань, 1890 // Записки Восточ. Отделен. Императ. Рус. Археологического об-ва, издаваемые под редакцией управляющего Отделением Барона В. Розена. Т. 8. Вып. 3-4. СПб.: Тип. Имп. Акад. 1894. С. 362–367.
21. *Валеев Р.М.* Российские архивные фонды и история казанского востоковедения в XIX – начале XX в. // Восточный архив. 2011. № 1 (23). С. 27–41.
22. *Валеев Р.М., Валеева Р.З., Зяппаров Т.И.* Мирза А.К. Казем-Бек и его роль в изучении арабо-мусульманских источников // Вестник КазГУКИ. 2014. № 4. С. 99–102.
23. *Валеев Р.М.* Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX – начало XX в.) // Mongolica-XVIII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 30–34.
24. *Густерин П.В.* Коран как объект изучения. Saarbrücken: Lambert Acad. Publ., 2014. 65, [2] с.
25. *Веселовский Н.* Казембек (Александр Касимович) // Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1894. Т. 26. С. 925.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 19.09.2024

Шадрина Наталия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: shadrina_nata@list.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 40–51

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.40-51

**Pre-Revolutionary Oriental Studies in Kazan as a Foundation for Developing
a Dialogic Approach to Studying the Interaction between Islam and Christianity**

N.A. Shadrina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: shadrina_nata@list.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 19, 2024

Abstract

This article outlines the distinct characteristics of Kazan's pre-revolutionary Oriental studies, which developed throughout the 19th century within academic and missionary discourses. The methodological approaches used by their representatives to explore the history and culture of the "Other", (i.e., Islam and Muslim culture here) are identified. The origins of these approaches are traced. The interaction between academic scholars (primarily from Kazan University) and missionary researchers (from the Kazan Theological Academy) during the establishment of Orientalism as a separate branch is described. The results obtained show that a dialogical approach to studying Islam and Muslim culture in the second half of the 19th century was enabled by a complex interplay of academic, missionary, and social discourses.

Keywords: Islamic studies, missionary Islamic studies in Kazan, Oriental studies in Kazan, Kazan University, Kazan Theological Academy, dialogue of cultures, Islamic–Christian dialogue

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Cardini F. *Evropa i islam: istoriya neponimaniya* [Europe and Islam: The History of a Misunderstanding]. Ser.: The Making of Europe. Smagina E., Karlova A., Mitrofanova A. (Trans.). St. Petersburg, Aleksandriya, 2007. 332 p. (In Russian)
2. Shemyakin Ya.G. Russia and Latin America as civilizations: A comparison. Reflections on V.B. Zemskov's books. *Mir Rossii, Sotsiologiya, Etnologiya*, 2016, vol. 25, no. 1, pp. 154–180. (In Russian)
3. Valeev R.M. *Kazanskoe vostokovedenie i izuchenie musul'manskogo mira (konets XVIII – nach. XX v.)* [Oriental and Muslim World Studies in Kazan (Late 18th–Early 20th Centuries)]. Kazan, Algoritm+, 2013. 160 p. (In Russian)
4. Valeev R.M. *Iz istorii kazanskogo vostokovedeniya sederiny – vtoroi poloviny XIX v.: Gordii Semenovich Sablukov – tyurkolog i islamoved* [From the History of Oriental Studies in Kazan during the Middle to Second Half of 19th Century: Gordiy Semenovich Sablukov, a Turkologist and Islamic Scholar]. Kazan, 1993. 104 p. (In Russian)

5. Valeev R.M. *Kazanskoe vostokovedenie: istoki i razvitie (XIX v. – 20-e gg. XX v.)* [Oriental Studies in Kazan: Origins and Development (from the 19th Century to the 1920s)]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1998. 380 p. (In Russian)
6. Alekseev A.K. On the problem of a cultural dialogue: Islam and missionary Islamic studies. *Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: istoriya i metodologicheskie aspekty issledovaniya: materialy Vseros. konf. "Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: formy vyzhivaniya i bytovaniya" (Kazan', mai 2003 g.)* [Islam in the Soviet and Post-Soviet Space: History and Methodological Aspects of Research: Proc. All-Russ. Conf. "Islam in the Soviet and Post-Soviet Space: Forms of Survival and Resistance" (Kazan, May 2003)]. Mukhametshin R.M. (Ed.). Kazan, 2004, pp. 67–100. (In Russian)
7. Valeev R.M. *Ocherki istorii Kazanskogo universitetskogo vostokovedeniya (1769–1920-e gg.)* [Essays on the History of Oriental Studies at Kazan Universities (1769–1920s)]. Kazan, Alma-Lit, 2003. 142 p. (In Russian)
8. Khabibullin M.Z. The missionary anti-Muslim department of the Kazan Theological Academy (1842–1920s). *Vostokovedenie v Rossii i stranakh SNG na rubezhe vekov: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo 200-letiyu sozdaniya kafedry vostochnoi slovesnosti v Kazanskom universitete (2 iyulya – 5 iyulya 2007 goda)* [Oriental Studies in Russia and other CIS Countries at the Turn of the Century: Proc. Int. Symp. Dedicated to the 200th Anniversary of the Establishment of the Department of Oriental Literature at Kazan University (July 2–5, 2007)]. Valeev R.M. (Ed.). Kazan, Foliant, 2015, pp. 222–253. (In Russian)
9. Kolesova E.V. Oriental studies at synodal education institutions of Kazan (from the mid-19th to early 20th century). *Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2000. 207 p. (In Russian)
10. Matochkina A.I., Stetskevich M.S. The development of Islamic studies in Russia: Navigating between confessionalism and scholarly objectivity (from the second half of the 19th to the early 20th century). *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*, 2018, pt. 36, no. 1, pp. 82–106. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-82-106>.
11. Valeev R.M. Oriental department. In: Khasanov M.Kh. (Ed.) *Tatarskaya entsiklopediya* [Tatar Encyclopedia]. Vol. 1: A–V. Kazan, Inst. Tatar. Entsikl. Akad. Nauk RT, 2002, pp. 636–637. (In Russian)
12. Faizrakhmanov L.M. N.P. Ostroumov, a missionary and Islamic scholar. *Izvestiya AIGU*, 2008, no. 4-1, pp. 146–150. (In Russian)
13. Ostroumov N.P. *Istoricheskii ocherk vzaimnykh otnoshenii mezhdu khristianstvom i musul'manstvom* [A Historical Essay on the Mutual Relations between Christianity and Islam]. St. Petersburg, Tip. S.E. Dobrodeeva, 1888. 75 p. (In Russian)
14. Zaborovsky A. Al-Quran's ideas borrowed from Christianity: A work written by the student of the Kazan Theological Academy, academic course XII (1864–1868): [with the appendix "What Did Muhammad Borrow from Christianity?" (trans. from English)]. *Missionerskii Protivomusul'manskii Sbornik: Trudy Studentov Missionaerskogo Protivomusul'manskogo Otdeleniya pri Kazanskoi Dukhovnoi Akademii* [Missionary Anti-Muslim Collection: Works by Students of the Missionary Anti-Muslim Department at the Kazan Theological Academy]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1875, vol. 7. 73 p. (In Russian)
15. Koblov Ya.D. An anthropology of the Quran against the Christian doctrine of man. *Missionerskii Protivomusul'manskii Sbornik: Trudy Studentov Missionaerskogo Protivomusul'manskogo Otdeleniya pri Kazanskoi Dukhovnoi Akademii* [Missionary Anti-Muslim Collection: Works by Students of the Missionary Anti-Muslim Department at the Kazan Theological Academy]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1905, vol. 23. 352 p. (In Russian)
16. Mikhailov A.F. Quranic narratives on the New Testament characters and events and their critical and political analysis. *Missionerskii Protivomusul'manskii Sbornik: Trudy Studentov Missionaerskogo Protivomusul'manskogo Otdeleniya pri Kazanskoi Dukhovnoi Akademii* [Missionary Anti-Muslim Collection: Works by Students of the Missionary Anti-Muslim Department at the Kazan Theological Academy]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1894, vol. 21. 434 p. (In Russian)
17. Shishkov A.M. *Na plechakh gigantov. Ocherki intellektual'noi kul'tury zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ya (V–XVI vv.)* [Standing on the Shoulders of Giants. Essays on the Intellectual

- Culture of Western Europe during the Middle Ages (from the 5th to the 14th Century)]. Moscow, St. Petersburg, Univ. Kn., 2016. 704 p. (In Russian)
18. Rezvan E.A. *Vvedenie v koranistiku* [An Introduction to Quranic Studies]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2014. 405 p. (In Russian)
 19. Rozen V. M. Mashanov. An Essay on the Arab Life in the Era of Muhammad as an Introduction to the Study of Islam. Part I. Religious life of the pagan Arabs in the era of Muhammad. Kazan, 1885 (Missionary Anti-Muslim Collection, vol. XVII). *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva, Izdavaemye pod Redaktsieyu Upravlyayushchego Otdeleniem Barona V. Rozena* [Bulletin of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society Edited by the Head of the Department Baron V. Rozen]. St. Petersburg, Tip. Imp. Acad., 1887, vol. 2, pp. 283–301. (In Russian)
 20. Rozen V. The Law of Moses in the Bible and Quaran (an Attempt to Explain One of the Most Evident Contradictions in the Quaran) by Protopriest E.A. Malov. Kazan, 1890. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva, Izdavaemye pod Redaktsieyu Upravlyayushchego Otdeleniem Barona V. Rozena* [Bulletin of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society Edited by the Head of the Department Baron V. Rozen]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad., 1894, vol. 8, nos. 3–4, pp. 362–367. (In Russian)
 21. Valeev R.M. Russian archives and the history of Oriental studies in Kazan from the 19th to the early 20th century. *Vostochnyi Arkhiv*, 2011, no. 1 (23), pp. 27–41. (In Russian)
 22. Valeev R.M., Valeeva R.Z., Zyapparov T.I. Mirza A.K. Kazem-Bek and his role in the study of Arabic and Islamic sources. *Vestnik KazGUKI*, 2014, no. 4, pp. 99–102. (In Russian)
 23. Valeev R.M. Missionary Oriental studies in Kazan and the exploration of the Mongolian peoples (from the 19th to the early 20th century). In: *Mongolica-XVIII*. St. Petersburg, Peterb. Vostokoved., 2017, pp. 30–34. (In Russian)
 24. Gusterin P.V. *Koran kak ob''ekt izucheniya* [The Quran as an Object of Study]. Saarbrücken, Lambert Acad. Publ., 2014. 65, 2 p. (In Russian)
 25. Veselovsky N. Kazembek (Alexander Kasimovich). In: Brockhaus F.A. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 26. Andreevskii I.E. (Ed.). St. Petersburg, F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1894, p. 925. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Шадрина Н.А. Казанское дореволюционное востоковедение как поле для формирования диалогической модели изучения исламо-христианского взаимодействия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 40–51. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.40-51>. ⟩

⟨ **For citation:** Shadrina N.A. Pre-revolutionary Oriental studies in Kazan as a foundation for developing a dialogic approach to studying the interaction between Islam and Christianity. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 40–51. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.40-51>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2(09)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.52-66

МИР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ДОЧЕРИ ДЕКАНА Д.Ф. БЕЛЯЕВА

Л.А. Сыченкова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Неопубликованные воспоминания Зои Дмитриевны Беляевой – дочери декана историко-филологического факультета, византиниста Д.Ф. Беляева (1846–1901) – помогают понять, насколько тесно были переплетены профессиональная и частная жизнь ученого. Мемуары не только дополняют сведения о повседневной жизни профессора, но и вскрывают малоизвестные пласты жизни университетской корпорации конца XIX в., обогащая ее летопись интересными деталями и фактами. Университетские дела, корпоративные ритуалы, профессиональные интересы определяли ритм и стиль жизни профессорской семьи. З.Д. Беляевой удалось уловить и описать главные элементы ментальности корпорации классического университета конца XIX в. Особо значимыми событиями для семьи декана Д.Ф. Беляева и всего университета были торжества по случаю тезоименитства императора, религиозные праздники, посещение учебных музеев, журфиксы. Раскрывая специфику общения внутри факультета, воспоминания добавляют штрихи к портретам коллег Д.Ф. Беляева по Казанскому университету – профессоров Д.А. Корсакова, Ф.М. Мищенко, Н.А. Фирсова, Д.И. Нагуевского. В круг общения семьи Д.Ф. Беляева входили семьи декана физико-математического факультета Д.И. Дубяго, директора народных училищ Казанской губернии А.С. Никольского. Декан Д.Ф. Беляев пользовался расположением ректоров ИКУ К.В. Ворошилова и Н.А. Кремлева, а также попечителя Казанского учебного округа Н.Г. Потапова.

Ключевые слова: Д.Ф. Беляев, Казанский университет, историко-филологический факультет, университетская культура, ментальность академического сообщества, учебные музеи, корпоративные ритуалы, повседневность семьи декана, институт деканства

Д.Ф. Беляев в летописи деканства историко-филологического факультета. Декан историко-филологического факультета Императорского казанского университета (ИКУ) профессор Д.Ф. Беляев был неординарной личностью¹. К моменту избрания его деканом² Дмитрию Федоровичу было всего 39 лет, но он был уже состоявшимся ученым, получившим признание в кругу российских филологов-классиков.

¹ Дмитрий Фёдорович Беляев (1846–1901), антиковед, византинист, профессор ИКУ, член-корр. Императорской АН по разряду классической филологии и археологии (1894). За первые два тома фундаментального труда «Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям» (СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1891–1895), посвященного повседневности византийской аристократии, он получил премию имени митрополита Макария Императорской АН.

² Более молодым деканом был востоковед О.М. Ковалевский, который занял этот пост в 37 лет.

Д.Ф. Беляев стал шестым деканом в летописи историко-филологического факультета ИКУ³ и занимал эту должность в течение десяти лет: первый раз – с 1 октября 1883 г. по 15 сентября 1886 г., а затем с 1886 до 1897 г. (I, с. 50).

Личность Д.Ф. Беляева представляет интерес не только в связи с его творчеством, но и в связи с тем, что он руководил историко-филологическим факультетом ИКУ (последнее до сих пор не было предметом специального исследования). В настоящее время в историографии недостаточно изученными остаются институт деканства и роль личности руководителей факультетов в системе российских университетов. Историографы в последние годы последовательно рассматривают различные элементы организации в системе высшего образования дореволюционной России: институт ректорства [1], положение профессоров [2], доцентов [3, с. 37–44]. Между тем именно фигура декана, масштаб его личности, политическое и научное мировоззрение, характер определяли стратегию развития факультета.

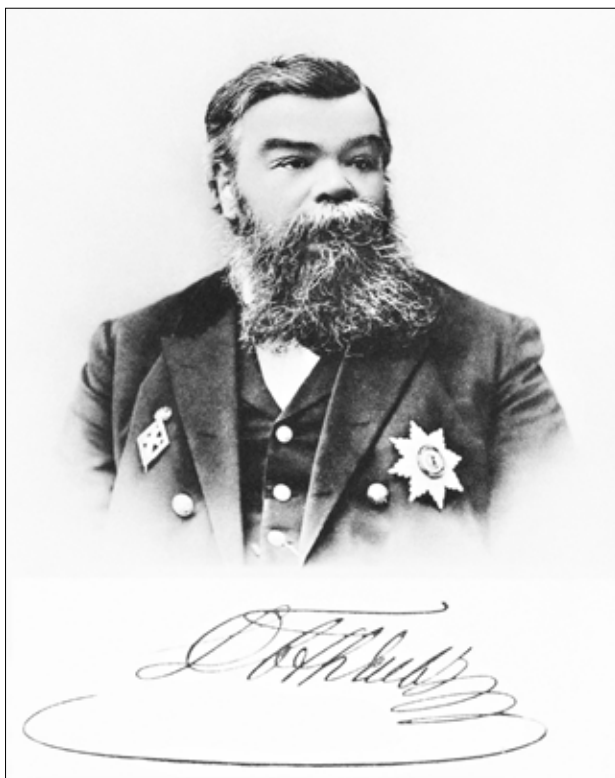

Фото 1. Дмитрий Федорович Беляев, профессор ИКУ

Декан историко-филологического факультета ИКУ занимал особое место среди других деканов, хотя факультет был самый малочисленный. Значимость истфилфаков в университетах Российской империи определялась тем, что факультет готовил специалистов, формировавших идеологическую опору самодержавия. Его выпускники не только работали преподавателями

³ Во время его выборов действовал Устав 1863 г., по которому должность декана была выборной.

гимназий, училищ, высших учебных заведений, но и занимали ключевые посты в аппарате Министерства просвещения и Министерства иностранных дел, служили дипломатами, послами, переводчиками. Выпускники этого факультета возглавляли редакции книжных издательств, газет, журналов. Поэтому отчеты истфилфака размещали на первом месте в годичных отчетах университета (II). Деканы факультета занимали самые почетные места на университетских церемониях, имели особые отношения с ректорами и попечителями учебных округов.

Всего в истории Казанского университета с 1835 до 1921 г. было десять деканов историко-филологического факультета⁴: О.М. Ковалевский, Н.Н. Булич, А.Н. Владимирский, Н.А. Фирсов, И.М. Добротворский, Д.Ф. Беляев, А.И. Смирнов, Д.А. Корсаков, А.И. Александров, С.П. Шестаков, причем О.М. Ковалевский и Н.Н. Булич занимали эту должности трижды, Н.А. Фирсов и Д.Ф. Беляев – дважды (III, с. 409–410).

Период деканства Д.Ф. Беляева совпал с эпохой, кризисной для историко-филологических факультетов российских университетов. В это время отмечался поразительный «упадок слушателей (за 20 лет в три раза) на историко-филологических факультетах, которые подверглись главным ударам устава 1884 г., пытавшегося превратить этот факультет в специальную школу древних языков с дополнительными предметами – историей и литературой» (IV, с. 799).

Воспоминания дочери. Воспоминания дочери Д.Ф. Беляева – З.Д. Беляевой (1880–1943)⁵ – это напечатанная на машинке рукопись объемом 138 страниц (V). Эти мемуары до настоящего времени не были предметом специального исследования в историографии. По своему жанру текст рукописи З.Д. Беляевой – это отложенные воспоминания детства. Они были написаны дочерью профессора в 30-е годы XX в., когда автору было 50 лет. Хронологически рукопись З.Д. Беляевой отражает период ее детства и юности: с 1885 до 1897 г. Ее детство совпало с эпохой деканства Д.Ф. Беляева на историко-филологическом факультете ИКУ.

Мотивы обращения З.Д. Беляевой к воспоминаниям. Необходимо учитывать не только личность, профессиональную подготовку автора воспоминаний, но и контекст эпохи, в которой был создан документ. Советская эпоха 30-х годов XX в. накладывала отпечаток на этот источник. З.Д. Беляева с наслаждением погружалась в исчезнувший мир университетской культуры XIX в., столь контрастирующий с реальностью 30-х годов XX в., в которой она жила. В ее повествовании два мира – ее безоблачного детства и советского времени – никак не пересекались. З.Д. Беляева подробно рассказывает только о жизни семьи в Казани конца XIX в., ничего не говоря о своей последующей жизни. Она словно пыталась отделить мир прошлого от настоящего.

⁴ Крайние даты в истории факультета в ИКУ определены моментом создания этой структуры в 1835 г. и моментом ее закрытия в 1921 г. при новой власти, когда истфилфак был преобразован в факультет общественных наук (ФОН).

⁵ Беляева Зоя Дмитриевна (1880–1943), в замужестве Шаблювская, окончила Бестужевские курсы. Ее отец – профессор Д.Ф. Беляев – умер, когда ей исполнилось 20 лет.

Фото 2. Зоя Дмитриевна Беляева (Шаблиовская). 10-е годы XX в.

У этих мемуаров особый стиль, поскольку автор реконструирует картины жизни семьи декана Д.Ф. Беляева, увиденные глазами ребенка, «вспоминая» свое восприятие событий и окружающего мира. В рукописи З.Д. Беляевой отражены разные стороны жизни декана: быт и уклад повседневной жизни семьи, религиозные, семейные, корпоративные праздники, ритуалы общения с коллегами внутри факультета и внутри университетского сообщества, яркие события 80–90-х годов XIX в. в жизни ИКУ.

Что подвигло З.Д. Беляеву на написание воспоминаний об отце? Главный мотив – спасти от забвения имя ученого. К началу 30-х годов XX в., когда писались эти воспоминания, вклад профессора Д.Ф. Беляева в византинистику, в историографию и историю Казанского университета был почти забыт. С 20-х годов XX в. византистика в советской историографии на многие десятилетия оказалась под негласным запретом. Интерес к научному наследию казанского ученого проявился только в последние десятилетия в связи с актуализацией культурно-исторического направления в российском гуманитарном знании [4]. Историографы стали рассматривать Ф.Д. Беляева как ключевую фигуру в истории петербургского антиковедения [5] и казанского византиноведения. Накопленные к настоящему времени результаты по исследованию его трудов позволяют вписать достижения казанских ученых в пространство мировой византистики [6].

Другой мотив обращения З.Д. Беляевой к воспоминаниям был сугубо личный. З.Д. Беляева, по-видимому, изначально не ставила задачи воссоздать

в полном объеме жизнь отца. Она писала текст очень герметично, обращаясь только к образу прошлого, запечатленному в ее памяти. Фигуры профессора Д.Ф. Беляева, его коллег и знакомых семьи представлены на фоне ее детства. Поэтому главными героями книги являются не только отец, профессор Д.Ф. Беляев, но и его дочь. Воспоминания З.Д. Беляевой написаны в стиле литературно-исторического повествования без использования вымысла и без попыток верификации фактов, изложенных в них, архивными документами. Автор книги не использовала в тексте переписку родителей, отца с коллегами, учениками [7], рецензии на его труды, семейные фото. Биография отца, его коллег и знакомых семьи, жизнь факультета и университета «вкраплены» З.Д. Беляевой в ее рассказ о своем детстве.

По ностальгическим интонациям в тексте рукописи можно предполагать, что сам процесс мысленного погружения в пространство детства доставлял автору удовольствие. З.Д. Беляева подробно описывала свои переживания, страхи, сны, игры, учебу, ссоры с братом и даже влюбленности своих подруг. Автор воссоздает «образ эпохи», пытаясь передать свои тактильные ощущения детства: запахи университетских музеев, запах отцовского кабинета, который в ее сознании зафиксировался под названием «запах Византии», звуки казанских улиц.

В рукописи нет истории происхождения Д.Ф. Беляева, рассказов о его родителях и его дяде⁶, описания периода его детства и учебы в Санкт-Петербурге, его научной карьеры до переезда в Казань. Вне поля зрения автора оказалась даже история женитьбы Д.Ф. Беляева на ее матери. Дочь не упоминала об участии отца в экспедициях, практически не называла его научных трудов, кроме «Византии». Вскользь она упомянула о командировке отца в Италию.

О.К. Хмельницкий⁷ в предисловии к рукописи характеризует З.Д. Беляеву как «образованнейшего человека с колоссальной эрудицией и запасом знаний в области истории, литературы и искусства» (V. с. 13).

Мы выбрали те аспекты рукописи, которые нам показались наиболее важными для характеристики личности декана Д.Ф. Беляева, его общения с коллегами на факультете и внутри университета, уклада жизни его семьи. Это те стороны в истории научного сообщества, представление о которых невозможно воссоздать, опираясь только на официальные документы и даже используя переписку.

Повседневная жизнь декана: семья, круг близких коллег. Дочь практически не характеризует бытовую сторону жизни семьи. Она кратко упоминает о том, как отец распекал нерадивых подрядчиков (V, с. 52). Она описывает колоритный мир домашней прислуги, но очень скупое и редко отмечает, что пили и ели в доме. Вскользь она пишет о том, что кухарка готовила им рубленые котлеты (V, с. 52), а во время журфиксов гостям подавали мороженое (V, с. 126). Больше внимания З.Д. Беляева уделяла описанию системы домашнего обучения детей языкам, истории, географии.

В рукописи можно обнаружить описание внутренней жизни факультетского сообщества. «Никогда не было времени в моей жизни, чтобы не собирались про-

⁶ Д.Ф. Беляев к шести годам остался полным сиротой. Его воспитывал дядя-священник [5, с. 45].

⁷ Хмельницкий Олег Константинович (1920–2004) – доктор медицинских наук, патологоанатом, профессор Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования. Он был учеником З.Д. Беляевой, которому она передала рукопись с надеждой на ее последующую публикацию.

фессора у нас в гостиной, в папином кабинете, а потом за длинным раздвижным столом у нас в столовой, и все они говорил о науке. Собирались преимущественно лингвисты. Особенно замечен был интерес к древним языкам, к санскриту⁸; наряду с ними шли разговоры об археологии. Древность во всех видах была предметом культа этих людей. Всё теперешнее, житейское было ничто перед нею. Только в древности происходили настоящие большие события, только тогда за много веков и тысячелетий жили великие люди, герои. Теперь ничего этого нет. Мир замер в неподвижности. История кончилась. Смысл жизни в изучении древности» (V, с. 67).

Материальное положение деканов. Семья профессора Д.Ф. Беляева состояла из шести человек: это он сам, жена, трое детей (сын Дмитрий, две дочери – Зоя и Люцелла) и теща – мать жены. Первая дочь в семье профессора Д.Ф. Беляева появилась в 1880 г., когда ему уже было 36 лет. Раньше он не мог позволить себе иметь семью, поскольку был бы в не состоянии ее материально обеспечить. Профессор был единственным кормильцем в семье. Все то, что он имел, было приобретено на заработанные им деньги: «Папа, строивший дом на свои трудовые сбережения, воплотивший мечты своей низшей молодости, бросившего семинарию семинариста, своим горбом пробившегося к университету» (V, с. 52). Разное социальное происхождение профессоров определяло уровень их материального достатка. Профессора из дворян, как друг Д.Ф. Беляева – Д.А. Корсаков [8], владели имениями и домами, собирали коллекцию живописи.

Известно, что Д.Ф. Беляев получал 3 600 руб. в год. Но жалование декана ИКУ не обеспечивало устойчивого материального положения. С момента избрания деканом и до 1888 г. семья профессора Д.Ф. Беляева жила, как писала дочь, в старом «зорастровском доме», купленном в 1883 г. «В течение десяти лет папа откладывал деньги, чтобы пристроить к этому маленькому дому, состоящему всего из пяти комнат и антресолей, еще одну комнату с кухней со всей гигиеной. Я помню рваные заплатаемые папины ботинки, на которые мне указывала мама: “Смотри, он для вас дом строить будет”» (V, с. 40). В рукописи отмечено, что профессор ходил в старых ботинках и, уже будучи деканом, отказывал себе в покупке новых перчаток для парадного мундира, жена и дочь штопали его носки, а праздничные наряды дочерей были более скромные, чем у детей его коллег. Семье приходилось экономить на всем, кроме книг, поэтому в домашнем кабинете Д.Ф. Беляева была богатая библиотека, «фолианты» дорогих книг, энциклопедий, словарей и альбомов на разных языках.

Учебные музеи университета. Д.Ф. Беляев заботился об образовании своих детей, возил их в университет, показывал учебные музеи. З.Д. Беляева дает описание археологического, зоологического, геологического музеев и астрономической обсерватории ИКУ. Большая часть этих музеев сохранилась до настоящего времени и является предметом гордости Казанского университета.

Так, из текста рукописи можно понять, что в главе об университете речь идет о «Музее древностей и искусств» того времени, когда его экспозиция еще

⁸ В ИКУ с середины XIX в. преподавали санскритский язык, а в типографии печатали учебники на санскрите.

умещалась в одном кабинете: «Папа берет нас тогда в свой кабинет. У него в университете есть свой кабинет. Там стоят статуи, только нехорошие, с отбитыми руками и ногами, лежат византийские книги» (V, с.126). Следует отметить, что именно при деканстве Д.Ф. Беляева и под руководством византиниста и историка искусства Д.В. Айналова этот музей искусств был кардинально преобразован: он получил новое помещение на втором этаже главного здания, его библиотека расширилась, а его экспозиция приобрела законченный вид художественного музея [9, с. 98–105]. З.Д. Беляева пишет: «Теперь я ищу случая попасть в папин кабинет. Это археологический кабинет. Там находятся витрины со старинными монетами, карты древнего мира. Одна замечательная карта по Геродоту. Вместо Индийского океана там белое место, и написано: “*Terra Incognita*”» (V, с. 126–127).

В зоологическом музее дочери декана особенно запомнился неприятный запах, исходивший от чучел зверьков, обсыпанных белым порошком, с мертвыми, стеклянными глазами. В геологическом музее – важный профессор А.А. Штукенберг⁹, камни и древние окаменелости (V, с. 129).

З.Д. Беляева описала сильное эмоциональное потрясение, пережитое ею при посещении астрономической обсерватории. Она в деталях передала ритуал подготовки к этому визиту. Мать заранее показала детям энциклопедический словарь Мейера¹⁰ и рассказала о Солнечной системе, Сатурне с кольцом, горах на Луне. От посещения обсерватории в памяти дочери сохранились образ «мадам Дубяго в черном бархатном платье» с красивыми руками, завораживающая тишина, ощущение торжественности и какого-то колдовства в доме. Новое представление о пространстве и космосе, о котором им сообщил профессор Д.И. Дубяго¹¹, было непостижимо для ее детского сознания: «Вечером брат выносит сентенцию: “Земля тоже будет потом и без воды, и без воздуха, как луна. ...Папа сказал”. Эта мысль поражает. ...Наш мозг, видимо, не может воспринять какой-то мысли. Мы угнетены» (V, с. 131).

Домашний кабинет: «пахнет Византией». Профессор Д.Ф. Беляев был не только главным добытчиком, обеспечивавшим материальное благополучие семьи, но и непререкаемым авторитетом. В семье был культ отца. Вот что пишет об отношении к главе семьи З.Д. Беляева: «Мы даже носили зимой войлочные туфли, чтобы папе не мешать своим топотом, и ни в коем случае не было разрешено пробегать мимо кабинета с криком или смехом. “Папа занимается” – это была высшая ценность» (V, с. 66).

Дочь реконструирует кабинет отца, а по существу, творческую лабораторию ученого-гуманитария: «“В кабинете пахнет Византией”. Так сказала бабушка. Пользуясь тем, что папа еще не вернулся из университета, я... проникаю в его кабинет. Тишина. Книги в шкафах, книги на столах. Специально поставлен большой стол, бывший столовый, на нем раскрытые книги навалены одна на

⁹ Штукенберг Александр Антонович (1844–1905) – профессор ИКУ, один из создателей Геологического музея Казанского университета, ныне носящего его имя.

¹⁰ Энциклопедический словарь Мейера (Meyers Konversations-Lexikon) – одна из главных немецких энциклопедий, существовавшая под различными названиями с 1839 г.

¹¹ Дубяго Дмитрий Иванович (1888–1937) – астроном, декан физико-математического факультета, ректор ИКУ с 1899 по 1905 г.

другую. Огромные фолианты, как называет их мама. Они в желтых пергаментных переплетах. Это и есть “Византия”. Ею-то и пахнет в кабинете. Я втягиваю воздух. Действительно, пахнет не так, как у нас в детской или у бабушки. Пахнет табаком, пахнет чем-то словно бы немного прелым. Так пахнут книги, я знаю. Проверяю себя, обнюхиваю “фолианты”. Это они так пахнут. Еще пахнет папин старый портфель, вон он, на кресле. Еще так пахнет подушка на диване. Мы ее все трое по канве совместно вышивали к именинам. Теперь она немного промаслилась, пахнет папиными черными кудрявыми волосами и бородой. Все это вместе – “запах Византии”. Папа пишет большое сочинение про Византию. Вон на столе его рукопись. На несогнутых больших листах, с широкими полями. Папа пишет мелко, четко, красиво. Но буквы у него совсем не такие, какие у нас в тетрадках, и ничего понять нельзя. Какая такая Византия?» (V, с. 102–103).

Обязательные ритуалы. Д.Ф. Беляев был верующим человеком, и не только потому, что он был из семьи священника и учился в семинарии, но и потому, что предмет его научных исследований был тесным образом связан с историей православной культуры. Религия играла важную роль в жизни университетского сообщества, однако эта сторона жизни ИКУ недостаточно изучена. Известно, что состав студентов, преподавателей и сотрудников университета был многонациональным и поликонфессиональным. Среди преподавателей и сотрудников были христиане – православные, лютеране и католики, буддисты и мусульмане.

Православные праздники были главными событиями для университета и членов семьи декана Д.Ф. Беляева. Особо торжественно отмечался день тезоименитства императора Александра III¹². Дочь профессора подробно описала церемонию подготовки семьи к участию в празднике (V, с. 119): «Высокоторжественный день – тезоименитства Государя Императора. Так значится в календаре. Сегодня с нами в церковь пойдет и папа. Приготовления начинаются с вечера. ... Утром начинается одевание папы. Мундир едва сходится на животе. Мама нацепляет ему голубую ленту, звезду, орден на шею, орден на грудь и шпагу. ...Выходят на свет белые лайковые перчатки, в которых папа венчался. Они ему на руку не лезут, но, из экономии, новых он покупать не хочет. Ничего, будет держать в руке для виду. На голове треуголка с позументами и серебряными шнурами. ...Мама слегка подталкивает папу к выходу. “Ордена” – говорит она. ...Место у зеркала занимает она и надевает сиреневое платье со шлейфом, а на голову наколку из кружева. “Деканша” – говорит она не то с иронией, не то с гордостью».

Предлагаемое З.Д. Беляевой описание главного здания и его внутреннего пространства позволяет по-новому взглянуть на привычный для нас образ университета: «Самое прочное здание города – наш университет. Я нахожу его прекрасным, я горжусь им. Он белый с колоннами, как античный храм. Таким только и может быть университет. Я нахожу его прекрасным. Я горжусь им. На фронте золотой крест на фоне синего неба. И крест не такой, как везде, не с перекладинами, не с висюльками, а простой “латинский” крест, как гово-

¹² Дочь не датирует это событие, но известно, что день тезоименитства императора Александра III отмечался 30 августа (12 сентября по новому стилю), который совпадал с днем празднования ордена Александра Невского.

рит мама. ...К парадному входу подъезжают экипажи. Выходят орденастые профессора и нарядные дамы. Мы тоже входим. Постлан по ступенькам коврик, а в дверях стоит раззолоченный швейцар с булавой: палка такая с набалдашником, как большая булавка» (V, с. 128).

Университетская церковь. «Мы – университетские!» Далее повествуется о празднике в пространстве университетской церкви. Известно, что это была Крестовоздвиженская церковь ИКУ [10]. Сегодня в ней располагается музей истории университета. «Мы идем в церковь. ...Это совсем особенная церковь. Мама говорит, что ее строили “масоны”. ...По обе стороны церкви ряд высоких белых колонн. Папа называет такое расположение церкви “базиликой”. У первой колонны справа наше место и место ректорских детей – Ворошилат¹³. Их много. ...Сам Ворошилов в орденах и белых брюках уже находится в профессорской. По ту стороны колонны встает попечитель Потапов, тоже в белых штанах. ...У второй колонны место директора народных училищ.

С той стороны – слева, у первой колонны появляются две совершенно одинаковые девочки – близнецы Маня и Лида Михайловы. ...Они, кажется, из купцов, поэтому я на них гляжу немного свысока. У нас хуже ленты, но мы – университетские» (V, с. 102–103). Какая гордость в этих словах! Дочь понимает, что статус семьи в обществе, положение в социальной иерархии зависели не только от богатства, но и от принадлежности к корпорации. «Вот момент крайне важный – привезли гимназистов. У II-й гимназии нет своей церкви. ...Они заполняют собою середину церкви» (V, с. 102–103).

Колонны церкви приобретали символическое значение в дни торжественных богослужений, они «фиксировали» место чинов и членов их семей согласно университетским званиям. В пространстве церкви прихожане «рассаживались», как на шахматной доске: по краям – ректор, деканы и попечитель, посередине – гимназисты. Вероятно, этот регламент был где-то четко расписан. Однако даже устные легенды университета не сохранили до наших дней преданий о таком порядке расположения чинов в дни праздничных служб в церкви. Фотодокументы, к сожалению, не зафиксировали изображения ректора и попечителя в праздничной одежде, элементом которой были белые брюки. Такой комплект мундира был расписан в положении Министерства народного просвещения (VI, с. 4).

Жена и дети Д.Ф. Беляева жили интересами главы семьи: «Университет проникает к нам... и через подслушанные разговоры профессоров, и разговоры папы и мамы между собой. Один такой разговор долго помнился мне, словно сквозь сон, и хранился на дне памяти. Это было на антресолях старого дома, следовательно, не позднее 1888 года» (V, с. 66).

Дети расспрашивали дворника факультета Ю. Гаврилова об отношении к коллегам отца. «“Какие? Ну, известно, какие господа бывают? – с понятием. Не нашего ума дела”. Подумал и прибавляет: “А господин профессор Корсаков – не чета другим, – доподлинный барин. Ис вашим папашей – первейшие приятели”.

¹³ Ворошилов Константин Васильевич (1842–1899) – ректор Императорского Казанского университета (1889–1899), профессор, декан физико-математического факультета. Его дочери – Елизавета (1881), Надежда (1889). Сыновья – Александр (1882), Василий (1883), Константин (1885), Сергей (1887).

А Мищенко¹⁴, а Нагуевский¹⁵? – допытываемся мы. Гаврилов крутит носом. “Не нам судить-с, а только ежли бы мое мнение спросили, то за какие дела господа Мищенко из родных мест, из Киева сюда приехали? И господина Нагуевского? Мое такое рассуждение: опасные они люди”» (V, с. 59).

Разговоры на журфиксах в доме декана. Журфиксы – фиксированные дни недели, в которые хозяева дома принимали гостей – были обязательным ритуалом в университетском сообществе [11]. Декан по статусу должен был принимать у себя коллег по факультету. Дочь Д.Ф. Беляева описала примерные темы разговоров на журфиксах в их доме. Однажды в центре внимания оказалась жена приехавшего в Казань из Киева профессора Ф.Г. Мищенко, не скрывавшая в близком кругу своих украинофильских взглядов. «Красивейшая мадам Мищенко на нашем журфиксе выразилась про Казань так: “Здесь – на чужбине”. Я помню, ей горячо возражали, что для русского всякий уголок России – Родина, а не – чужбина. Кто же она такая – не русская разве, а говорит по-русски, но как-то иначе, чем мы. “Украинофильство, – сказал папа, – неправильно это Вы, напрасно”» (V, с. 59).

Совет факультета: партии. «В четверг папа позже приезжает из университета. У него заседание, притом еще «факультетское». Слова совершенно непонятные. Папа после занятий бывает крайне возбужден... долго что-то рассказывает маме. Ходит по комнате и скрипит одним башмаком. Слышаться слова: “Фирсачи” и “Надо Нагуевскому наступить на язык”. Было очень смешно. Мы знали строгого профессора Фирсова: он на журфиксах ел неопрятно, бросал кости под стол и даже раз локтем залез в тарелочку с мороженым. Был еще молодой Фирсов – его сын. Но фирсачи, кто они такие? “Усачи”. “Бородачи”. “Кусачи”. “Лохмачи”. Мы с братом, раз услышав такое, прыснули от смеха. ...Брат объяснил мне, что фирсачи против папы, у него есть своя партия, а у папы своя. Папина партия, конечно, хорошая» (V, с. 126). Однажды брат сообщил Зое о сути подслушанных в кабинете отца разговоров коллег, где «обсуждались факультетские дела. Брат не совсем понял, в чем дело, но было ясно, что у папы есть враги, а папа декан, а фирсачи как будто хотят другого декана, м[ожет] б[ыть], даже старого Фирсова¹⁶. Ну а Корсаков с папой? Это много значит» (V, с. 111).

Политические взгляды Д.Ф. Беляева. Воспоминания дочери позволяют утверждать, что Д.Ф. Беляев был крайне взволнован событиями 4 декабря 1887 г. в Казанском университете. «Я хорошо помню эти дни. ...Папа пришел наверх (в антресоли) взволнованный и бледный. Он рассказывал маме о происшествиях в университете. Я слышала слова: студенты, стачка, не вышли на лекцию, шумели в коридоре. Студент Алексеев ударил ректора Кремлева¹⁷ по лицу. Студентов отправят в штрафной батальон» (V, с. 132).

З.Д. Беляева описывала события сходки 1887 г. таким образом, будто бы уже тогда знала о значении участвовавших в нем людей и их исторической роли

¹⁴ Мищенко Федор Герасимович (1848–1906) – историк античности, профессор университета св. Владимира в Киеве с 1872 по 1884 г., профессор Казанского университета с 1884 по 1906 г.

¹⁵ Нагуевский Дарий Ильич (1845–1918) – поляк, профессор римской словесности Казанского университета с 1883 по 1918 г.

¹⁶ Фирсов Николай Алексеевич (1831–1896) – историк, профессор, декан истфилфака ИКУ с 1871 по 1872 и с 1878 по 1881 гг.

¹⁷ Кремлев Николай Александрович (1833–1910) – юрист, декан юридического факультета, ректор ИКУ в 1872–1876 и в 1885–1889 гг.

в судьбе страны. В частности, она упоминает среди зачинщиков студенческого бунта В.И. Ульянова. Однако описываемые события происходили тогда, когда автору воспоминаний было всего шесть лет, и понимать их значимость, а тем более фигуры Ульянова, для истории страны в то время она не могла в силу возраста.

Общественные взгляды и убеждения Д.Ф. Беляева отражены в его трудах. Ученого не случайно интересовали византийская империя, история монархии. Византинистика более, чем другие науки гуманитарного цикла, была в XIX в. политической наукой и состояла на службе самодержавия. В Византийской империи ученый видел образец для многих государств.

Д.Ф. Беляев находился на посту декана до своего увольнения в 1897 г. (VII, л. 1). После отставки с поста декана в судьбе факультета он участия не принимал¹⁸. Он скончался уже в Петербурге в 1901 г. О проведении 11 марта 1901 г. литургии и панихиды по умершему профессору Д.Ф. Беляеву в университетской церкви распорядился его друг, новый ректор ИКУ Д.И. Дубяго (VIII, л. 7).

Судьба семьи. Судьбы детей декана Д.Ф. Беляева сложились по-разному. З.Д. Беляева (1880–1943) много лет преподавала историю и литературу в школе г. Тулы, писала исторические работы (IX). Она не избежала репрессий. В 1943 г. была осуждена по ст. 58-10. Умерла в тюрьме¹⁹. Только в 1989 г. З.Д. Беляева была реабилитирована (V, с. 6). Младшая дочь профессора – Люцелла Дмитриевна Беляева (1883–1942) – стала искусствоведом, работала в Русском музее Ленинграда, занималась изучением русского декоративного искусства (X). Сын профессора – Дмитрий Дмитриевич Беляев (1882–1960) – получил образование востоковеда, с 1904 г. служил на дипломатическом поприще в МИД, был консулом в Кермане (с 1906), Джедде (1908–1909). С 1910 г. он работал секретарем Генерального консула в Тегеране, затем сотрудником консульства в Эрзеруме и Бендер-Бушире (XI). После революции он оказался в эмиграции сначала в Турции, потом в Бельгии (XII). Некоторые его потомки проживают в Петербурге, другие – за границей. Но это – уже другая история.

Постскриптум. Воспоминания З.Д. Беляевой – очень информативный источник, который позволяет выяснить много новых сведений не только о честной жизни декана Д.Ф. Беляева, но и об обстановке на факультете, внутри сообщества историков. Но любые воспоминания – это весьма субъективный источник ретроспективного восстановления событий прошлого. Дочь в ее возрасте не могла знать всего о жизни отца, не могла определить его вклад в развитие истфилфака. З.Д. Беляева описала только то, что она запомнила, на что обратила внимание в детском возрасте. Маловероятно, что различные группировки на факультете можно назвать «партиями». Их появление связано с борьбой амбиций среди ученых, с конкуренцией академических направлений, научных подходов. Замечание дочери об «украинофильских взглядах» антиковеда Ф.Г. Мищенко стало предметом изучения российских историографов в конце XX в. [12, с. 175–176].

Рукопись помогает понять психотип личности ученого. Не нам судить о том, каким он был человеком, и это, на наш взгляд, не научная задача. У Д.Ф. Беляева

¹⁸ Его сменил на посту декана в 1897 году историк, философ, профессор Аполлон Иванович Смирнов (1838–1902).

¹⁹ До осуждения З.Д. Беляева содержалась в тюрьме Управления Народного комиссариата государственной безопасности Ленобласти (УНКГБ).

был сложный характер, он обладал своими слабостями и достоинствами. Воспоминания раскрывают только некоторые стороны его натуры: взрывной темперамент, основательность во всем, стремление держать все под контролем как в домашнем хозяйстве, так и на факультете, целеустремленность, трудолюбие. Известно, что Д.Ф. Беляев вел напряженную научную и общественную жизнь и, видимо, не всегда соблюдал режим питания и отдыха, имел вредные привычки (курил). Чрезмерная эмоциональность в отношении к событиям, вероятно, стала причиной апоплексического удара у Д.Ф. Беляева, последствием чего стала его ранняя смерть в 55 лет.

Судьба рукописи. З.Д. Беляева не успела или не имела возможности осуществить публикацию рукописи. Она передала рукопись своему ученику – доктору медицинских наук, профессору О.К. Хмельницкому с надеждой на ее дальнейшую публикацию. В 1970 г. О.К. Хмельницкий передал рукопись в дар библиотеке Казанского университета (V, с. 4).

Рукопись заслуживает публикации не только потому, что она хорошо написана – в ней много культурных пластов и она заполняет еще один пробел в летописи историко-филологического факультета и Императорского Казанского университета. Воспоминания З.Д. Беляевой позволяют читателю погрузиться в атмосферу университетской культуры XIX в., научного поиска, в мир корпоративных традиций, величавых ритуалов и церемоний, которыми всегда была богата история университета.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I. *Загоскин Н.П.* Беляев Дмитрий Федорович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: за сто лет (1804–1904): в 2 ч. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. Ч. 1. С. 50–52.
- II. Годишный отчет о состоянии Имп. Казанского университета за 1877 гражданский год / Сост. секретарем совета Н.Г. Фастрицким. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та. 1878. 43 с.
- III. *Загоскин Н.П.* История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904: в 4 т. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1906. Т. 4. ч. 3: (1819–1827). 692 с.
- IV. *Милуков П.Н.* Университеты в России // *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1902. Т. 35а. С. 751–803.
- V. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Д. № 9321. Беляева З.Д. Старая Казань [Воспоминания. 80-90-е гг. XIX в.]. Л., 30-е гг. XX в. Машинопись. 133 с.
- VI. Положение о форменной одежде для чинов ведомства Министерства народного просвещения. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. 8 с.
- VII. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 12. Д. 1709. Об увольнении от службы в связи с болезнью по прошению ординарного профессора Беляева. 15 л.
- VIII. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 12. Д. 1674. Протоколы историко-филологического факультета. 114 л.

- IX. *Шаблювская З.Д.* О войне. Тула: Тул. союз кредит. и ссудосберег. т-в, 1917. 7 с.
- X. *Беляева Л.Д.* Русское бисерное шитье. Пг.: б. и., 1923. 8 с.
- XI. Донесение Императорского Российского вице-консула в Бендер-Бушире Д.Д. Беляева. Положение Российской торговли в Персидском заливе // Донесения российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Вып. 38. Пг.: Тип-я В.Ф. Киришбаума, 1914. С. 79–87.
- XII. Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г. URL: http://www.bfrz.ru/data/rus_diplomatu/rus_diplomatu_spisok.pdf, свободный.

Литература

1. *Грибовский М.В.* Ректорский корпус российских императорских университетов. Между государством и корпорацией // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 92–109.
2. *Грибовский М.В.* Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX века // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 144–163.
3. *Бон Томас М.* Русская историческая наука (1881 г. – 1905 г.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа / Пер. с нем. Д. Торицина. СПб.: Олериус Пресс, 2005. 269 с.
4. *Сыченкова Л.А.* Беляев Дмитрий Федорович // Сыченкова Л.А. Отечественные культуроведы второй половины XIX – начала 30-х годов XX в. Биобиблиографический словарь. Казань: Казанский университет, 1997. С. 12–13.
5. *Смышляева В.П.* Беляев Дмитрий Федорович // Словарь Петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / Редкол.: А.К. Гаврилов (отв. ред.) и др. СПб.: Bibl. Classica Petropolitana, 2021. Т. I: А–К. С. 45–48.
6. *Сыченкова А.А., Никитин А.А.* Вклад Дмитрия Федоровича Беляева в развитие казанского византиноведения // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сб. статей и сообщений: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. Т. 1. С. 142–147.
7. *Никитин А.А., Хохлов А.А.* Новые факты из жизни профессора Д.Ф. Беляева в свете переписки с Д.А. Корсаковым // История и архивы. 2023. Т. 5, № 1. С. 13–23. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2023-5-1-12-23>.
8. *Мягков Г.П., Хамматов Ш.С.* «Остаюсь любящая мать и самый искренний друг Софья Корсакова», или «обратная семантика» жизни и творчества историка Дмитрия Корсакова // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 4. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 413–440.
9. *Сыченкова Л.А.* Основатели Музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии, 2012. № 1 (5). С. 98–112.
10. *Трегубов А.А.* Домовая церковь Императорского Казанского университета и богословское образование в конце XIX – начале XX в. // Вестн. МарГУ. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 267–276.
11. *Дорофеев С.С., Корзун В.П.* Русские журфиксы во второй половине XIX века как социокультурное явление и их роль в жизни молодого ученого // Гуманитарное знание: ежегодник. Вып. 4 / Ред.-сост. А.Г. Киселев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 104–112.
12. *Картюк С.Г.* Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // Вестн. древней истории. 1993. № 1. С. 175–181.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 52–66

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.52-66

**University Culture in the 19th Century through the Memoirs
of Dean D.F. Belyaev's Daughter**

L.A. Sychenkova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 20, 2024

Abstract

The unpublished memoirs of Zoya Dmitrievna Belyaeva, who was the daughter of D.F. Belyaev (1846–1901), an esteemed Byzantinist and the dean of the Faculty of History and Philology at Kazan Imperial University, reveal how her father's professional duties were inextricably intertwined with his personal experiences. These reflections not only capture the nuances of the scholar's everyday life but also share the author's perspective on the university culture of the late 19th century, thus enriching its history with many new, previously unknown, details and facts. The rhythm and lifestyle of D.F. Belyaev's family were defined by the university events, corporate rituals, and professional interests. Z.D. Belyaeva skillfully captured the mindset typical of the classical academic community in those times. The celebration of the Emperor's name day, religious holidays, visits to educational museums, jour fixes were especially important for both the family and the entire university. The descriptions of the interactions among the faculty members flesh out the portrayals of D.F. Belyaev's colleagues at Kazan University: D.A. Korsakov, F.M. Mishchenko, N.A. Firsov, and D.I. Naguevskii. The social circle of the family included the families of D.I. Dubyago, the dean of the Faculty of Physics and Mathematics, and A.S. Nikol'skii, the head of public schools in the Kazan Governorate. D.F. Belyaev enjoyed the favor of K.V. Voroshilov and N.A. Kremlev, the rectors of Kazan Imperial University, as well as N.G. Potapov, the trustee of the Kazan Educational District.

Keywords: D.F. Belyaev, Kazan University, Faculty of History and Philology, university culture, mindset of the academic community, educational museums, corporate rituals, everyday life of the dean's family, institution of deanship

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Photo Captions

Photo 1. Dmitrii Fedorovich Belyaev, Professor of Kazan Imperial University.

Photo 2. Zoya Dmitrievna Belyaeva (Shabliovskaya), 1910s.

References

1. Gribovskii M.V. The rectors of Russian imperial universities. Between the state and corporation. *Dialog so Vremenem*, 2023, no. 84, pp. 92–109. (In Russian)

2. Gribovskii M.V. Professor's fee as a mirror of broader issues within universities in the late 19th through early 20th centuries. *Dialog so Vremenem*, 2018, no. 62, pp. 144–163. (In Russian)
3. Bohn T.M. *Russkaya istoricheskaya nauka (1881 g. – 1905 g.)*. Pavel Nikolaevich Milyukov i Moskovskaya shkola [Russian Historiography from 1880 to 1905. Pavel N. Miliukov and the Moscow School]. Toritsin D. (Trans.). St. Petersburg, Olearius Press, 2005. 269 p. (In Russian)
4. Sychenkova L.A. Belyaev Dmitrii Fedorovich. In: Sychenkova L.A. *Otechestvennye kulturovedy vtoroi poloviny XIX – nachala 30-kh godov XX v. Bibliograficheskii slovar'* [Russian Cultural Scholars in the Second Half of the 19th Century and the Early the 1930s. A Biobibliographical Dictionary]. Kazan, Kazan. Univ., 1997, pp. 12–13. (In Russian)
5. Smyshlyaeva V.P. Belyaev Dmitrii Fedorovich. In: Gavrilov A.K. (Ed.) *Slovar' Peterburgskikh antikovedov XIX – nachala XX veka* [A Biographical Dictionary of St. Petersburg Classicists in the 19th–Early 20th Centuries]. Vol. I: A–K. St. Petersburg, Bibl. Classica Petropolitana, 2021, pp. 45–48. (In Russian)
6. Sychenkova A.A., Nikitin A.A. The contribution of Dmitrii Fedorovich Belyaev to the development of Byzantine studies in Kazan. In: *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sb. statei i soobshchenii* [World History and Historical Scholarship from the 20th to the Early 21st Century: A Collection of Articles and Reports]. Vol. 1. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2020, pp. 142–147. (In Russian)
7. Nikitin A.A., Khokhlov A.A. New facts from Professor D.F. Belyaev's life in view of the correspondence with D.A. Korsakov. *Istoriya i Arkhivy*, 2023, vol. 5, no. 1, pp. 13–23. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2023-5-1-12-23>. (In Russian)
8. Myagkov G.P., Khammatov Sh.S. “Your loving mother and dearest friend, Sofiya Korsakova”, or the “reverse semantics” of the historian Dmitry Korsakov's life and work. In: *Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik* [The Historian's World: A Historiographic Collection of Articles]. Vol. 4. Omsk, Izd. OmGU, 2008, pp. 413–440. (In Russian)
9. Sychenkova L.A. The founders of the Museum of Fine Arts at Kazan University: Dmitrii Ainalov and Aleksei Mironov. *Voprosy Muzeologii*, 2012, no. 1 (5), pp. 98–112. (In Russian)
10. Tregubov A.A. The chapel of Imperial Kazan University and theological education from the second half of the 19th to the early 20th century. *Vestnik MarGU. Seriya “Istoricheskie Nauki. Yuridicheskie Nauki”*, 2019, vol. 5, no. 3 (19), pp. 267–276. (In Russian)
11. Dorofeev S.S., Korzun V.P. Russian jour fixes in the second half of the 19th century as a socio-cultural phenomenon and their role in the life of a young scholar. In: *Gumanitarnoe znanie: ezhegodnik* [Humanities Knowledge: A Yearbook]. Vol. 4. Kiselev A.G. (Ed.). Omsk, Izd. OmGPU, 2000, pp. 104–112. (In Russian)
12. Karpyuk S.G. The case of appointing an ordinary professor of Greek literature at Moscow University. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1993, no. 1, pp. 175–181. (In Russian)

Для цитирования: Сыченкова Л.А. Мир университетской культуры XIX века в воспоминаниях дочери декана Д.Ф. Беляева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 52–66. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.52-66>.

For citation: Sychenkova L.A. University culture in the 19th century through the memoirs of Dean D.F. Belyaev's daughter. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 52–66. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.52-66>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.09(091)(470.41-25)+94(470.41-25) doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.67-76

ПРОЕКТЫ РЕФОРМ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КАЗАНИ В 1918–1920 ГОДАХ

Л.А. Бушуева

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, 420111, Россия

Аннотация

Первые годы советской власти стали периодом радикальных изменений в области российского высшего образования. Отмечается, что особенно сильную трансформацию в это время претерпели крупные дореволюционные учебные центры, одним из которых являлась Казань. Рассмотрены проекты реформ Казанского университета и других вузов города в первые годы советской власти; проанализирован процесс реформирования высшего образования в данном регионе. Выявлены главные инициаторы преобразований в системе высшей школы города, охарактеризовано участие в них местных и центральных органов власти, а также профессоров и преподавателей. Показано, что проекты реформ вузов Казани не были полностью осуществлены. Однако результаты их реализации оказывали влияние на структуру высшего образования региона вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: история высшего образования, проекты реформ высшей школы, Народный комиссариат просвещения РСФСР, Казань, Казанский университет

Казанский университет, основанный в 1804 г., вот уже 220 лет остается одним из влиятельных российских учебных и научных центров. На протяжении своей истории он неоднократно являлся объектом реформирования и различных преобразований. Так, в течение имперского периода существования университет испытал введение университетских уставов 1835, 1863, 1884 гг. и Временных правил об управлении университетами 1905 г. В дореволюционную эпоху в его жизни имели место правительственные ревизии, структурные изменения, а также внутренние конфликты и противоречия. Однако вплоть до 1917 г. в Казанском университете сохранялась традиционная для этого типа учебных заведений классическая структура, включавшая четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, медицинский и юридический, а университетская корпорация Казани оставалась верной принципам автономности и корпоративности, а также идее служения Истине и единства научного творчества и воспитания юношества [1, с. 121–124].

Коренная смена политических режимов в 1917 г. подвергла ревизии университетские традиции и принципы. Пришедшие к власти большевистские лидеры рассматривали высшее образование в качестве инструмента воспитания нового советского человека, а их поход к обучению всецело базировался на принципах утилитарности [2, с. 383–384]. Высшие школы, по их мнению, предназначались для того, чтобы готовить кадры для зарождающейся советской экономики, промышленности и сельского хозяйства, а сами вузы должны были стать идеологи-

ческими форпостами советского государства [3, с. 64]. Поэтому первоначально руководители Народного комиссариата просвещения РСФСР, образованного в 1917 г., были убеждены, что российские университеты как «очаги» старой буржуазной идеологии необходимо закрыть. Однако эта радикальная идея в духе Пролеткульта вскоре сменилась убеждением, что университеты можно сохранить для использования их научного и педагогического капитала, при этом полностью их реформировав [3, с. 66]. В течение всего 1918 г. на всероссийских совещаниях обсуждались различные варианты преобразований университетов, итогом чего стал проект Положения о российских университетах Народного комиссариата просвещения РСФСР. Казанский университет также оказался вовлеченным в процесс реформирования, поставивший вуз на грань закрытия. В настоящей статье мы рассмотрим проекты и планы преобразований Казанского университета в первые годы советской власти, попытаемся выявить их инициаторов и результаты осуществления указанных замыслов.

Проект создания Казанского советского университета. После утверждения советской власти на территории Казанской губернии университет стал подчиняться Народному комиссариату просвещения РСФСР. Вуз также курировал губернский отдел народного образования. В начале 1918 г. этот орган возглавил Александр Александрович Максимов. В отличие от многих других первых руководителей советских учреждений на местах, он не был представителем малообразованных рабоче-крестьянских слоев. А.А. Максимов окончил физико-математический факультет Казанского университета и являлся бывшим профессорским стипендиатом естественного отделения [4, с. 338]. Он контролировал реализацию советских декретов в образовательной сфере, под его руководством произошли первые преобразования в области народного просвещения в Казанской губернии, при нем в рассматриваемом регионе появились первые единые трудовые школы.

В 1918–1919 гг. в Казани, как и во многих других образовательных центрах страны, выросло число высших учебных заведений. Так, в конце 1918 г. Казанский учительский институт, до революции готовивший учителей народных училищ, получил статус педагогического института. Несмотря на крайне тяжелые материальные условия, продолжали работать Северо-восточный археологический и этнографический институт (далее – СВАЭИ), образованный в 1917 г., и женский медицинский институт (I, л. 2). В декабре 1918 г. коллегия отдела высших учебных заведений Наркомпроса РСФСР постановила преобразовать недавно появившийся Объединенный промышленный техникум в Казанский политехнический институт, и с января 1919 г. первое в регионе высшее техническое учебное заведение начало свою работу (II, л. 9–26). Изменения произошли и в самом университете. Осенью 1918 г. здесь появился нетипичный для классической структуры университетов факультет отраслевого характера: при поддержке Казанского губернского земельного отдела для подготовки специалистов по сельскому хозяйству и лесоводству был открыт лесной факультет.

Нужно отметить, что эти новые казанские институты не имели необходимой учебной инфраструктуры, поэтому во многом зависели от Казанского университета. Студенты Педагогического, Женского медицинского институтов, сельскохозяйственного факультета Политехнического института пользовались специальными учебными кабинетами, лабораториями и оборудованием физико-математического

факультета университета (I, л. 3). Администрация последнего разрешила преподавателям Педагогического института, ютившегося в небольшом двухэтажном здании на пересечении улиц Жуковского и Большой Красной, читать общие потоковые лекции в университетском актовом зале. Северо-восточный археологический и этнографический институт и вовсе не имел собственного помещения. Некоторые занятия его преподаватели вели в бывшем коммерческом училище, а большую их часть проводили в университетских аудиториях, Музее отечествоведения, Нумизматическом кабинете, Этнографическом музее (III, л. 2).

Эти договоренности легко достигались, так как, по замечанию чиновников из Наркомпроса РСФСР, проверявших вузы Казани в 1919 г., «преподаватели института являются по большей части в это же время преподавателями университета и таким образом устраивают студентам института возможность заниматься в университетских лабораториях и кабинетах» (IV, л. 4). Действительно, университетские профессора и преподаватели составляли костяк педагогического корпуса почти всех казанских институтов. На сельскохозяйственном и экономическом факультетах Политехнического института преподавали многие сотрудники физико-математического и юридического факультетов университета. Здесь читали лекции профессора А.Я. Гордягин, В.В. Лепешкин, В.А. Ульянин, А.Е. Арбузов, А.А. Овчинников, Н.Н. Кравченко и др. [5, с. 141], а первым ректором Политехнического института стал профессор механики Д.Н. Зейлигер. Из 80 сотрудников Казанского педагогического института только 20 человек не имели никакого отношения к университету (V, л. 7). Несмотря на повышенную учебную нагрузку, университетские сотрудники с энтузиазмом работали в новых казанских институтах. Они не только получили возможность улучшить свое материальное положение, но и могли реализовать здесь давние научные замыслы и специализированные проекты. Так, в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте ученые в полном объеме изучали и преподавали историю, этнографию, археологию, языки народов местного края, а в Педагогическом институте занимались поиском новых методик обучения, занимаясь с учениками опытной школы при вузе (VI, л. 5–5 об.).

Однако руководители губернского отдела народного образования имели множество претензий к тому, каким образом функционировали новые учебные заведения, а также к их педагогическому составу. Это было связано с тем, что у А.А. Максимова, ставшего комиссаром вузов Казани, изначально сложились конфликтные отношения с преподавательским сообществом города, в особенности с сотрудниками Педагогического института. Во время пребывания в Казани армии Комуча они открыто называли его «безграмотным большевистским деятелем» (VII, л. 8). Кроме того, многие новые институты А.А. Максимов считал «спекулятивными» и «безжизненными». К ним он относил Женский медицинский институт, Высшие женские курсы – «полупедагогическое учебное заведение», а Северо-восточный археологический и этнографический институт он называл прибежищем «любителей старины» (IV, л. 4).

С точки зрения начальника губернского отдела народного образования, Казанский университет также нуждался в полном обновлении. Разделяя взгляды своих московских коллег на университеты как «очаги» старого буржуазного мира, А.А. Максимов в своих отчетах, адресованных заместителю народного комиссара просвещения РСФСР М.Н. Покровскому, критиковал все факультеты университета,

кроме медицинского. Физико-математический факультет он характеризовал как «общеобразовательный» и оторванный от «практики», без «настоящей глубокой специализации». Как подчеркивал чиновник, на нем и до революции готовили математиков, которые не годились даже в преподаватели гимназий, и поэтому после окончания университета часто попадали «в акцизное ведомство» (IV, л. 4). В таком же духе он высказывался и об историко-филологическом факультете, а юридический факультет предлагал заменить на краткосрочные курсы пролетарской школы общественных наук, открытой в Казани в 1918 г.

За время работы в качестве комиссара высших учебных заведений Казани у Александра Александровича сформировалось свое видение развития высшей школы города. В начале января 1919 г. он представил губернскому отделу народного образования масштабный план реформирования казанских высших учебных заведений. Проект нельзя было назвать целиком оригинальным, так как его ключевые пункты автор сформулировал на основе Положений о российских университетах 1918 г.

Согласно проекту А.А. Максимова, все городские институты (СВАЭИ, Политехнический и Педагогический институты, Высшие художественные мастерские, Высшие женские курсы) и университет должны были объединиться в Казанский советский университет. Объединенное учебное заведение предполагалось разделить на три ассоциации – научную, учебную и просветительскую. Научная ассоциация представляла собой исследовательские институты, в которых преподаватели должны были заниматься научной деятельностью. Учебная ассоциация включала политехнический факультет (в составе Политехнического института и физико-математического факультета университета), факультет общественных наук (в составе юридического и историко-филологического факультетов), медицинский, сельскохозяйственный факультеты и факультет искусств (VIII).

Положения о преподавательском составе будущего вуза А.А. Максимов составил на основе декрета СНК о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР от 1 октября 1918 г. В новом университете вводился обязательный открытый для всех конкурс при распределении кафедр, профессора избирались не более чем на семь лет. В противовес дореволюционной автономной организации в руководящие органы этого учебного заведения вводились представители советских учреждений и студенты. Кроме того, вуз лишали права самостоятельно организовывать и вести хозяйство. Автор проекта особо подчеркивал идеологическую и воспитательную функцию университета. Он должен был иметь непосредственную связь со средним и начальным образованием, «участвовать в распространении образования среди широких народных и пролетарских масс» (VIII).

Нужно отметить, что на первое обсуждение упомянутого проекта не пригласили ни одного представителя от высших учебных заведений города. Несмотря на это, губернский отдел образования быстро одобрил план реформы и наметил в качестве ближайшего мероприятия создание факультета общественных наук. Вскоре в университете закрыли юридический факультет, а в апреле 1919 г. начал работу факультет общественных наук. В его состав вошли почти все преподаватели юридического и часть историко-филологического факультетов [6, с. 157].

Упразднение юридического факультета и образование ФОНа как первый этап реализации плана создания Казанского советского университета профессора

и преподаватели восприняли негативно. Однако нельзя сказать, что они целиком отринули и остальные положения проекта. Прежде всего их привлекла идея организации научных ассоциаций. Так, сотрудники физико-математического факультета отмечали, что известие о выделении в российских университетах научных ассоциаций «окрылило» их новыми планами. «Наконец-то Университеты получили возможность выделить из себя чисто научную секцию, в коей могли бы работать и профессора, и их питомцы-студенты только научно», – заявлял декан факультета Н.Н. Парфентьев (IX, л. 241). Преподаватели гуманитарных факультетов также выступили с предложением создать при факультете общественных наук Исследовательский институт языка, литературы и истории, настаивая, что «Казань нуждается в прочной научно-исследовательской организации, каковую представляют Исследовательские институты» (X, л. 2–4).

Однако дальнейшие мероприятия по созданию объединенного вуза остановились из-за вновь вспыхнувшей на территории губернии Гражданской войны. По всему Восточному фронту началось наступление войск адмирала А.В. Колчака, а в апреле 1919 г. белые заняли восточную часть Казанской губернии. Вузы города поспешно готовились к эвакуации, учебные здания оказались заняты армейскими частями и госпиталями, старшекурсники медицинского факультета подлежали мобилизации (XI, л. 45–46). В период военных действий губернский отдел народного образования прекратил какие-либо обсуждения реформы, а его руководителя и главного инициатора слияния казанских вузов вскоре мобилизовали и перевели на службу в Москву (XII, л. 149).

Вместо университета – Институт народного образования. Следующие попытки реформировать высшее образование в Казани были связаны с проблемой формирования нового поколения педагогов для единой трудовой школы. В мае 1919 г. казанский губернский отдел народного образования получил от отдела подготовки учителей Наркомпроса РСФСР проект реформ высшего педагогического образования. Согласно этому документу, Казанский педагогический институт и городские учительские семинарии необходимо было закрыть, а вместо них организовать Высший институт народного образования (далее – ВИНО), предназначенный для выпуска учителей первой и второй ступеней единой трудовой школы (XIII, с. 3).

В августе 1919 г. в Казань и Саратов с проверкой высших учебных заведений отправился член коллегии высших учебных заведений Д.А. Магеровский (XIV, л. 60 об.). В связи с предстоящей реформой высшего педагогического образования в Казани он больше всего интересовался состоянием Педагогического института. Хотя сам Д.А. Магеровский являлся человеком, не чуждым университетской среды, бывшим приват-доцентом Харьковского университета, Казанский университет он, по-видимому, осмотрел бегло и оценил этот вуз главным образом по количеству преподавателей-коммунистов и по уровню организации студенческой партийной ячейки.

После возвращения Д.А. Магеровского в Москву члены коллегии отдела высших учебных заведений Народного комиссариата просвещения РСФСР задумали расширить масштабы задуманного в Казани Института народного образования, присоединив к нему университет. Это решение поддержал и губернский отдел народного образования. 20 августа 1919 г. в газете «Знамя революции» вышла заметка, в которой говорилось, что «коллегия губотнароба, обсуждая вопрос о создании

Казанского института народного образования, постановила Высшие женские курсы, историко-филологический факультет, Педагогический институт преобразовать в отделение Института народного образования для подготовки работников школы второй ступени в области литературно-художественных и историко-социальных дисциплин. Физико-математический факультет университета преобразовать в отделение Института народного образования для подготовки работников школ второй ступени в области математики, физики, химии... Для надобности же чисто научных исследований должны быть организованы соответствующие научные ассоциации» (XV). Центральные и местные органы власти считали такой вариант закрытия факультетов университета и передачи его учебно-вспомогательных учреждений Институту народного образования вполне приемлемым в связи с «однородностью большинства предметов преподавания и общностью преподавательских сил» (IX, л. 33).

Поначалу в Казани эти известия никто не воспринял всерьез. Однако 10 октября 1919 г. Наркомпрос РСФСР официально заявил о закрытии трех факультетов Казанского университета и передаче их Высшему институту народного образования (XIV, л. 75). Многие были обескуражены таким поворотом событий. Если первоначально университетским сотрудникам обещали организацию научных ассоциаций, то в окончательном варианте проекта они уже не упоминались. Преподаватели физико-математического факультета заявляли, что по Положению о российских университетах 1918 г. они рассчитывали заняться в научных ассоциациях исследовательской деятельностью, «не будучи стесненными посторонними интересами в роде приготовления специально учителей, и готовить вообще людей для пополнения тех или иных государственных должностей» (IX, л. 241). Однако теперь об этих планах можно было забыть, так как закрытие сразу трех факультетов означало потерю площадки для развития фундаментальных исследований. Ученые решительно возражали против слияния с Институтом народного образования. В одном из обращений к органам власти профессор Н.Н. Парфентьев утверждал, что «университет со всеми его факультетами должен быть сохранен, ибо часто даже и самые прикладные открытия зарождаются в чисто научных учреждениях, а не в прикладных: анилиновые краски... были открыты не на фабрике, а в казанской лаборатории казанским профессором Зининым» (IX, л. 246).

Противников предстоящей реформы критиковали со страниц местных газет. Так, «Знамя революции» выпустило статью о «плакальщиках чистой науки» (XVI, с. 2). Несмотря на давление, преподаватели продолжали отстаивать целостность университета. Сложившаяся ситуация потребовала вмешательства Москвы, и в Казань был послан представитель Наркомпроса РСФСР В.Т. Тер-Оганесов. Научному сообществу были хорошо известны радикальные взгляды заместителя отдела высших учебных заведений на организацию науки и высшей школы (XVII, с. 61).

В.Т. Тер-Оганесов, прибыв в Казань, в отличие от Д.А. Магеровского, тщательно изучил состояние и Педагогического института, и Казанского университета. По заключению чиновника, Казанский университет по-прежнему занимал «одно из первых мест» в ряду других провинциальных университетов. Сопоставив планы Педагогического института и университетских факультетов, он сделал вывод о том, что существует значительная разница между учебными планами этих

вузов: «Высший институт народного образования ограничивается только основными фундаментальными курсами, в то время как университет на третьем и четвертом курсе после прохождения основных дисциплин переходит к специальным предметам» (IX, л. 35). На этом основании В.Т. Тер-Оганесов поддержал местных профессоров и отверг план слияния высших учебных заведений Казани на основе Института народного образования (IX, л. 34).

Однако чиновник предложил еще более радикальный проект объединения казанских вузов. По его замыслу, на основе Казанского университета нужно было создать единый вуз с общим основным двухгодичным факультетом. В общих чертах проект выглядел следующим образом: «На этом факультете представлены, во-первых, науки, необходимые для каждого гражданина Советской республики и, во-вторых, необходимые для его дальнейшего образования в направлении специализации. На этой общей основе, состоящей из нескольких циклов, построены специальные институты: медико-ветеринарный, политехнический, высший институт народного образования, лесной институт и... специальные научные институты по циклу математических и естественных наук. На основном факультете преподаются все науки в том объеме, который необходим студентам для дальнейшей специализации. Объем основного факультета равняется приблизительно объему наук, преподаваемых в ВИНУ. Студент, поступивший на основной факультет, пользуясь... учебными планами и обзорами, выбирает ту совокупность наук, которая будет необходима ему для дальнейшей специализации. По окончании основного факультета он уже поступает в перечисленные выше специальные или научные институты, смотря по способностям. Таков в кратких чертах план» (IX, л. 38). Проект в целом напоминал план реформ А.А. Максимова. В нем были и уступки университетскому сообществу в виде учреждений научных ассоциаций, и стремление совместить общее и специализированное образование.

В.Т. Тер-Оганесов осознавал, что его проект сложно осуществить на практике, в чем признавался коллегам из Наркомпроса, поэтому он очень быстро отказался от своего замысла. Несмотря на это, у реформы университета еще оставались в Казани влиятельные сторонники. В начале 1920 г. губернский отдел народного образования и местные «профессора-коммунисты» организовывали комиссии, где пытались сформулировать учебные планы для будущего единого вуза (XVIII, л. 80). По-видимому, с помощью слома университетской структуры они надеялись получить в этом учебном заведении большее влияние. Наркомпрос РСФСР их начинания уже не поддерживал, поэтому «красные» профессора пытались добиться перевода университета под контроль местных органов народного образования. Как писал М.К. Корбут в «Известиях»: «Кто хочет реформы университета, а не того реформаторства, которое частично проводилось, реформы как управления университетом, так и учебных планов, тот будет стоять за передачу университета в ведение Татаркомпроса» (XIX, л. 126).

В 1920 г. в связи с созданием Татарской АССР в регионе изменились политические условия. Молодой республике нужны были педагогические, медицинские, инженерные кадры, в том числе и из числа представителей местных национальностей. В 1920 г. Казанский институт народного образования вошел в число «ударных» высших учебных заведений и занялся ускоренной подготовкой учителей. В Политехническом институте появились новые технические специальности,

а Казанский университет рассматривался как центр подготовки врачей, геологов, химиков, биологов.

Таким образом, несмотря на инициативы местных чиновников, «идеальный советский университет» в Казани так и не был создан. Осуществлению этого проекта помешали не только тяжелые обстоятельства, в которых оказалась в первые годы советской власти Казанская губерния. Его реализация оказалась невозможной без содействия вузовской интеллигенции города. Однако казанские профессора и преподаватели принимали советские образовательные эксперименты только в рамках новых «практических» институтов, тогда как в университете они всеми силами пытались сохранить основные черты классической организации. Кроме того, советские органы власти сами часто оказывались непоследовательными в своем стремлении осуществить реформы, не давая главным зачинщикам преобразований завершить начатое из-за перебросок на другие места работы. В результате высшее образование в Татарской АССР пошло по пути развития отдельных учебных заведений. К началу 1920 г. в Казани функционировали университет, Ветеринарный институт, Высший институт народного образования и Политехнический институт. Последний позже был реорганизован, дав начало целому ряду казанских вузов, в том числе Институту сельского хозяйства и лесоводства, Химико-технологическому и Строительному институтам. Сложившаяся структура высшего образования Казани оказалась устойчивой и сохранилась с теми или иными изменениями вплоть до конца советского периода.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I – ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 377. 10 л.
- II – ГА РТ. Ф. Р-262. Оп. 4. Д. 81. 21 л.
- III – ГА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 14. 20 л.
- IV – ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 4. Д. 222. 103 л.
- V – ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 4. Д. 492. 16 л.
- VI – ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1л. Д. 13. 401 л.
- VII – ГА РТ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 26. 86 л.
- VIII – Народное просвещение // Знамя революции. 1919. 15 янв.
- IX – ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 89. 79 л.
- X – ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 605. 2 л.
- XI – ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 19. 215 л.
- XII – Реорганизация учебных заведений // Знамя революции. 1919. 31 мая.
- XIII – ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 47. 280 л.
- XIV – Предстоящая реформа вузов // Знамя революции. 1919. 20 авг.
- XV – Плакальщики чистой науки // Знамя революции. 1919. 21 нояб.
- XVI – Ленин и Академия Наук: сб. документов / Сост. М.С. Баestraкова и др.; под ред. П.Н. Поспелова. М.: Наука, 1969. 341 с.
- XVII – ГА РТ. Ф. Р-262. Оп. 4. Д. 7. 182 л.
- XVIII – ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 11. 120 л.

Литература

1. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 498 с.
2. Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: НЛЮ, 2012. 894 с.
3. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М: Изд. дом ВШЭ, 2021. 616 с.
4. Тутаев М.З. Октябрь и просвещение (Очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые годы советской власти). Казань, 1970. 444 с.
5. Бушueva Л.А. Технический вуз советской провинции на фоне эпохи революционных преобразований (к 100-летию Казанского политехнического института) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 2. С. 136–149.
6. Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917–1922 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 149–165.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Бушueva Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани

Академия наук Республики Татарстан

ул. Батурина, д. 7, г. Казань, 420111, Россия

E-mail: bushueva9@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 67–76

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.67-76

Higher Education Reform Projects in Kazan during 1918–1920

L.A. Bushueva

Tatartstan Academy of Sciences, Kazan, 420111 Russia

E-mail: bushueva9@mail.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 20, 2024

Abstract

The early years of Soviet rule brought radical changes to Russian higher education. The most significant transformations took place in the country's major pre-revolutionary education centers, such as Kazan. This article describes the trends in the higher education system of the region following the transfer of power, with particular attention paid to the reform projects attempted at Kazan University and other higher education institutions in the city. The main initiators of the changes are identified, and the involvement of local and central authorities, along with professors and lecturers, is analyzed. The results obtained demonstrate that the reform projects of Kazan's higher education institutions were not fully

implemented, but they have had a noticeable and long-term influence on the structure of higher education in the region.

Keywords: history of higher education, higher school reform projects, People's Commissariat for Education of the RSFSR, Kazan, Kazan University

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis. Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis. Two Centuries of University Culture in Kazan]. Kazan, Kazan Gos. Univ., 2005. 498 p. (In Russian)
2. Dmitriev A.V. (Ed.) *Raspisanie peremen: ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [The Schedule of Changes: Essays on the History of Educational and Academic Policy in the Russian Empire–Soviet Union (Late 1880s–1930s)]. Moscow, NLO, 2012. 894 p. (In Russian)
3. Kuz'minov Ya.I., Yudkevich M.M. *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: How They Work]. Moscow, Izd. Dom VShE, 2021. 616 p. (In Russian)
4. Tutaev M.Z. *Oktyabr' i prosveshchenie (Ocherki istorii prosveshcheniya v Tatarii nakanune Oktyabr'skoi revolyutsii i v pervye gody sovetskoi vlasti)* [The October Revolution and Education (Essays on the History of Education in Tatarstan on the Eve of the October Revolution and in the Early Soviet Era)]. Kazan, 1970. 444 p. (In Russian)
5. Bushueva L.A. The technical university of the Soviet province during revolutionary transformations (dedicated to the 100th anniversary of Kazan Polytechnic Institute). *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2019, no. 2, pp. 136–149. (In Russian)
6. Sal'nikova A.A. Revolutionary upheavals: 1917–1922. In: *Ocherki istorii Kazanskogo universiteta* [Essays on the History of Kazan University]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2002, pp. 149–165. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Бушueva Л.А. Проекты реформ высших учебных заведений Казани в 1918–1920 годах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 67–76. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.67-76>. ⟩

⟨ **For citation:** Bushueva L.A. Higher education reform projects in Kazan during 1918–1920. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 67–76. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.67-76>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930+902

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.77-93

ДОСТИЖЕНИЯ АРХЕОЛОГОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

К.А. Руденко

Казанский государственный институт культуры, г. Казань, 420059, Россия

Аннотация

В статье рассмотрен процесс развития археологических исследований в Казанском университете со времени его основания в 1804 г. В XIX в. произошел переход от любительского коллекционирования археологических артефактов и монет профессорами университета в начале столетия к созданию в 1878 г. при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии. Последнее выпускало Известия, знакомявшие отечественных и зарубежных читателей с новыми археологическими открытиями в Казанской и соседних губерниях. В конце XIX – начале XX в. установилось тесное сотрудничество казанских археологов из ОАИЭ с учеными из Финляндии, которое продолжалось до 30-х годов XX столетия. Их объединила проблема ананьинской археологической эпохи и происхождения финских народов. В XX в. уже в послевоенный период коллектив археологов университета принимал участие в нескольких проектах: разведочных обследованиях по планам строительства Куйбышевской ГЭС (конец 40-х – начало 50-х годов), исследованиях могильников ранних болгар и памятников предболгарского времени (50-е – начало 60-х годов), раскопках Билярского городища (вторая половина 60-х – 80-е годы), исследованиях древнененгерского Больше-Тиганского могильника и раскопках в Казани (1974–1978 гг.). Международные связи университетских археологов в 60–80-х годах XX в. установились с социалистическими странами (Болгария, Венгрия), ученые которых разрабатывали «восточное направление» в своих штудиях. Традиционно сохранялись контакты с финскими археологами. В 90-х годах XX в. – 2000-х годах информация по археологическим исследованиям в Татарстане становится доступной для стран Западной Европы и США. Труды татарстанских археологов стали цитироваться в контексте тем, связанных с историей ислама и исламизации в Европе, седентаризацией кочевников, а также со средневековой торговлей. В настоящее время археология в КФУ выходит на новый уровень с учетом более широких географических рамок и технических возможностей.

Ключевые слова: Казанский университет, ананьинская культура, волжские булгары, Билярское городище, А.М. Тальгрэн, В.Ф. Смолин, А.Х. Халиков, Г.А. Федоров-Давыдов, Дж. Мако, Ф. Курта, археологические исследования, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

Археологическая тематика в той или иной степени присутствовала в Казанском университете практически с самого его образования в 1804 г. Его профессора (как правило, из Германии) интересовались древностями Казанской губернии, восхищаясь уникальным очагом культуры Востока в глубине России. Им при-

надлежали первые коллекции предметов и средневековых монет с археологических памятников Казанской губернии [1, с. 12]. Некоторые из ученых, например Х.-М. Френ, Ф. Эрдман, публиковали у себя на родине заметки и статьи, посвященные истории местного края и находкам, приобретенным ими здесь. Отметим, что исследования, издававшиеся этими учеными в России, в основном по восточной нумизматике, были доступны и ученым Западной Европы [2, с. 38, прим. 127, 606]. В какой-то степени обозначенный интерес стимулировался и открытием в университете в 1807 г. кафедры восточных языков [3, с. 119]. Особо стоит отметить исследования Х.-М. Френа, который в серии статей детально изучил отрывки из «Записки» Ахмеда ибн Фадлана, сделал подробные комментарии к ним, в том числе и по волжским булгарам, не потерявшие своего значения до начала XX в. Он же, по сути, заложил основы научной восточной нумизматики не только в России, но и в Северной и Западной Европе [3, с. 212–246].

Во второй половине XIX в. в Казани с археологией было связано имя выпускника университета А.Ф. Лихачева (1832–1890). Страстный коллекционер, он собрал уникальную коллекцию археологических артефактов, ставшую после его смерти основой Казанского городского музея. Не менее интересны его публикации, посвященные как исследованию отдельных предметов, так и более общим сюжетам, например истории и археологии Волжской Булгарии [1, с. 38–45, 106–117].

В 1877 г. в Казани прошел IV Всероссийский Археологический съезд, а на следующий год при университете было открыто Общество археологии, истории и этнографии (далее – ОАИЭ), одной из целей которого было изучение истории Казанского края и его археологических памятников. Кроме того, при Обществе был организован археологический музей [4, с. 100; 5, с. 58–87]. Создание ОАИЭ стало своего рода «окном в Европу», открывшим заграничным ученым обширный пласт древностей Поволжья и Предуралья. Ключевую роль при этом играли печатные труды Общества – Известия ОАИЭ, рассылавшиеся в 14 стран более чем 40 подписчикам [4, с. 6; 6]. Членами Общества были ученые из Швеции, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, а также из Царства Польского и Финляндии, тогда входивших в состав Российской империи. Особенно многочисленны были представители Финляндии (47 % от общего количества иностранных участников) [4, с. 256, табл. 1]. Это было не случайно: финские ученые считали территорию от Урала и до Финляндии прародиной финноязычных народов, в том числе и самих финнов, причем проблема рассматривалась ими в широких географических рамках и большом хронологическом диапазоне, уходящем в эпоху бронзового века Евразии [7, с. 9].

Особый интерес у финских исследователей вызывали древности Ананьинского могильника близ Елабуги, который был ключевым почти во всех их гипотезах. Финские археологи Й.Р. Аспелин, А.М. Тальгрэн, являвшиеся членами ОАИЭ, во время поездок по России смогли приобрести коллекцию артефактов с этого памятника, которая сейчас хранится в Национальном музее Финляндии [8]. Также А.М. Тальгрэн выступил инициатором приобретения упомянутым музеем уникальной археологической коллекции купца В.И. Заусайлова, в составе которой были археологические предметы от ранних эпох и до Нового времени [1, с. 127–128]. Предметы эпохи бронзы и раннего железного века из этого собрания были

опубликованы вскоре после ее приобретения [9]. Особый интерес представляет болгарская часть коллекции, опубликованная А.М. Тальгренем в 1918 г. [10]. Однако казанский археолог В.Ф. Смолин довольно критически отнесся к последней публикации финского археолога, отметив ряд ошибок, связанных с малым количеством привлеченной литературы [2, с. 349].

В 1884 г. Казанский университет посетил представитель Финского археологического общества А.О. Хейкель и познакомился здесь с коллекциями археологического музея ОАИЭ. С профессором университета и председателем ОАИЭ Н.Ф. Катановым А.О. Хейкель вел длительную переписку. Благодаря ему, Н.Ф. Катанов стал известен среди финских ученых, многие из которых обращались к Николаю Федоровичу во время посещения Казани, например профессор Хейкки Паасонен или антрополог Уно Харва [2, с. 443].

Коллекция находок из нескольких сезонов раскопок Ананьинского могильника эпохи раннего железного века казанскими краеведами в 70–90-х годах XIX в. находилась в музее ОАИЭ и также изучалась финскими учеными, особенно А.М. Тальгеном. Итогом его исследований стал обобщающий труд об ананьинской культуре, где он выдвинул идею распространения ряда характерных для этой культуры изделий, как и их носителей, с запада на восток [7, с. 11, 23; 11, с. 10].

Ананьинский могильник, его материалы и датировка не раз становились предметом дискуссий на заседаниях ОАИЭ, причем весомым аргументом в них были ссылки на труды финских ученых, в частности Й.Р. Аспелина [1, с. 100]. Оживленный обмен мнениями о времени существования и происхождении Ананьинского могильника в 80–90-х годах XIX в. шел и в российской археологии [11, с. 9–10]. Обсуждение материалов этого памятника продолжалось в советской археологии на протяжении всего XX в. и перешло в нынешнее столетие [12].

Время существования ОАИЭ было одним из самых плодотворных в распространении информации об археологическом наследии Волго-Камья в европейской науке в первой половине XX в., причем эти данные, особенно о ранних археологических эпохах, выступали ключевыми в решении многих вопросов археологии Фенноскандии. Через финских коллег довольно успешно шла интеграция ученых Казани и их достижений в европейскую науку. Конечно, это были первые шаги, в большей степени обусловленные общей историей двух стран до 1918 г.

Тема древнейшей истории финских народов была интересна и Геро фон Мергарту, основателю марбургской научной школы археологии, связанному со старейшим европейским археологическим центром – Германским археологическим институтом (Deutsches Archäologisches Institut, далее – DAI), основанным в 1829 г. Г. фон Мергарт в 1921 г. был в Казани и знакомился с археологическими фондами университетского музея. Ему активно помогал профессор КГУ Б.Ф. Адлер [13, с. 238]. Однако тесных контактов с DAI у казанских археологов не сложилось. Возможно, здесь сыграли свою роль разные приоритеты в археологических исследованиях.

Отметим, что существовала связь и в обратном направлении: зарубежный археологический опыт был востребован в Казани, особенно в тех областях, которые были, бесспорно, лидирующими в европейских археологических штудиях.

Это, конечно, исследования в области первобытной археологии. Профессора Казанского университета А.А. Штукенберг, П.И. Кротов и В.Ф. Высоцкий в конце XIX – начале XX в. особое внимание обратили на первобытные древности Волго-Вятского края. Начало этому было положено публикациями А.Ф. Лихачева, который изучал каменные орудия, найденные в Казанской губернии, предполагая их глубокую древность [1, с. 94–95]. Университетские ученые исследовали не только сами артефакты, но и условия их залегания в тех местах, где они встречались *in situ*. В данном случае они применяли стратиграфический анализ [14], характерный для геологических изысканий (А.А. Штукенберг был геологом) и в то время только начинавший использоваться в археологических исследованиях в Северной Европе, как, собственно, и типологическая систематизация вещевого материала [15, с. 230–231]. По их мнению, большинство находок со стоянок близ Казани относились к позднему этапу каменного века – неолиту и эпохе бронзы [16, с. 6]. А.А. Штукенберг и Н.Ф. Высоцкий впервые разработали классификацию каменных орудий, обнаруженных в Казанской губернии [1, с. 96–97, 124–126].

Великая Октябрьская социалистическая революция, а затем Гражданская война прервали зарубежные связи казанских ученых. Однако в начале 20-х годов XX в. они в какой-то мере были восстановлены. В 1925–1935 гг. А.М. Тальгрэн, теперь уже археолог суверенной Финляндии, не раз приезжал в Советскую Россию. В середине 20-х годов XX в. он бывал и в Казани и общался здесь с молодыми археологами – М.Г. Худяковым и В.Ф. Смолиным, причем последний к тому времени стал профессором Казанского университета. Особенно финского ученого заинтересовали раскопки Виктора Федоровича Смолина в Чувашии, где им была открыта абашевская археологическая культура эпохи бронзы. А.М. Тальгрэн, познакомившись с этим материалом, пришел к выводу, что Абашево было непосредственно связано с истоками ананьинской культуры [17, с. 41–42; 18, с. 215]. Статья по раскопкам абашевских курганов была опубликована В.Ф. Смолиным в финском археологическом журнале “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” (ESA), редактором которого был А.М. Тальгрэн, раньше, чем в СССР [7, с. 24].

В.Ф. Смолин возродил в Казани и болгарскую исследовательскую тему как в полевой археологии, так и в теории. В письмах академику В.В. Бартольду Виктор Федорович отмечал, что средневековая археология привлекала его еще со студенческих лет и он намерен заниматься ей и далее [18, с. 209]. К сожалению, после отъезда В.Ф. Смолина из Казани в 1929 г. связи с зарубежными коллегами оборвались, а сами археологические исследования сократились и велись в незначительном объеме. Судя по свидетельству Н.Е. Макаренко, в Казани 30-х годов XX в. археология находилась в упадке [19, с. 417].

Преподавание истории в Казанском университете было прервано до второй половины 30-х годов XX в., как и в большинстве университетов СССР. Восстановление обозначенного процесса и гуманитарных факультетов в целом в конце 30-х годов стало основой для возрождения в его стенах занятий по археологии. Они велись факультативно в формате кружковой работы. Археологический кружок был организован в 1946 г. на истфилфаке КГУ преподавателем

университета Н.Ф. Калининым [20, с. 5, 8–13]. Николай Филиппович старался максимально привлечь студенческую молодежь к масштабным археологическим проектам, в первую очередь связанным со строительством Куйбышевского гидроузла [21, с. 307–310]. Среди студентов Н.Ф. Калинин выделил А.Х. Халикова, который уже на первых курсах университета проявил себя не только в полевых исследованиях, но и в обобщении полученных данных [22]. Спустя несколько лет, окончив учебу, А.Х. Халиков поступил в аспирантуру ИЯЛИ к Н.Ф. Калинин; вместе с другим аспирантом Николая Филипповича – В.Ф. Генингом – они начали масштабные раскопки памятников разных эпох на базе университета, привлекая студентов – практикантов истфилфака. В 1962 г. выходит коллективная монография по раскопкам Рождественского археологического комплекса [23], где авторами были и студенты-археологи. Многим из них это открыло в дальнейшем путь в науку.

Наиболее значимыми были раскопки в конце 50-х годов XX в. Больше-Тарханского могильника ранних булгар, датированного второй половиной VIII – IX в. [24]. Материалы раскопок этого памятника за несколько лет остались в археологическом кабинете истфилфака КГУ. С начала 60-х годов XX в. началось изучение Танкеевского могильника IX–X вв., продолжавшееся более 20 лет. Основным его исследователем стал выпускник Казанского университета Е.П. Казаков. Результаты раскопок первых десяти лет исследований были опубликованы на французском языке [25].

Научной сенсацией стало открытие в 1974 г. Больше-Тиганского могильника IX–X вв., оставленного древними мадьярами, как считали А.Х. Халиков и Е.А. Халикова. Работы на нем велись силами студентов университета. В КГУ хранится практически вся коллекция находок с этого памятника. Материалы его были опубликованы на немецком и русском языках [26; 27].

Наиболее крупным проектом стала Билярская экспедиция, осуществлявшаяся совместно ИЯЛИ и КГУ. Начала она свою работу в 1966 г. под руководством профессора А.Х. Халикова, читавшего на историческом факультете КГУ курс лекций по археологии. В течение более чем 20 лет велись раскопки этого памятника – одного из крупнейших средневековых городищ в России, которое А.Х. Халиков, вслед за В.Ф. Смолиным, считал историческим Булгаром [2, с. 449]. В работе экспедиции, кроме студентов университета, принимали активное участие археологи – сотрудники и преподаватели исторического факультета вуза. Так, например, некрополи городища исследовала Е.А. Халикова; круговую керамику городища – А.Ф. Кочкина.

А.Х. Халиков как ведущий археолог ТАССР стремился рассматривать археологию Казанского Поволжья в более широких географических рамках. Внимание его привлекали древности Финляндии, Центральной и Южной Европы. В приоритете оказались археологические памятники Дунайской Болгарии, которые на раннем этапе рассматривались им как генетически родственные волжско-булгарским. Действительно, болгарские археологи обнаруживали ряд схожих черт в материалах археологических культур Предуралья и Прикамья VII–X вв. [28]. В Болгарии и Венгрии публиковались статьи самого А.Х. Халикова и его коллег по различным проблемам периода формирования болгарского государства и историографии [29; 30].

Отдельно развивалась тема древних угров-венгров. Е.А. Халиковой была выдвинута идея «Великой Венгрии» в Предуралье [31; 32]. В целом венгерские археологи отнеслись к этой гипотезе положительно, отметив, что материалы Больше-Тиганского могильника, на которые опирался автор исследования, обнаруживают очень много общих черт с обрядом древневенгерских могильников периода обретения венграми родины на Дунае в конце IX – X в., причем совпадения имеются как в погребальном обряде, так и в инвентаре [33, с. 110; 34]. Венгерский археолог И. Фодор, хорошо знавший материалы данного и других памятников этого круга, относящихся как к кушнаренокской, так и к караякуповской культуре, считал, что именно в указанный период происходило тесное контактирование волжских булгар с уграми [35; 36]. В настоящее время продолжаются комплексные исследования материалов обозначенного памятника [37; 27, с. 142–154].

В начале 90-х годов XX в. А.Х. Халиков вновь вернулся к теме этногенеза финноязычных народов, а также к ананьинской проблематике [38]. Последнее было обусловлено и масштабными охранно-спасательными раскопками на ананьинском городище Сорочьи Горы, проводившимися экспедицией Казанского университета в 1989–1992 гг. по хоздоговору [39]. В целом научные контакты между финскими археологами и археологами КГУ в первой половине 90-х годов XX в. значительно окрепли, о чем свидетельствуют участие последних в международных конференциях и публикации их статей в Финляндии [40; 41]. Расширилась и тематика сюжетов, прежде всего за счет новых тем по средневековой археологии.

В 60-х годах XX в. отдельный археологический отряд КГУ под руководством И.С. Вайнера принимал участие в раскопках золотоордынских городищ, «открыв» тем самым период активного участия студентов и преподавателей университета, связанных с археологией, в работе Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ) на Нижней Волге. Часть результатов раскопок была опубликована руководителем ПАЭ Г.А. Федоровым-Давыдовым в многочисленных статьях и нескольких монографиях, в том числе и на иностранных языках [42; 43]. Имеются публикации и казанских университетских археологов [44]. Исследования золотоордынских памятников в конце XX – первых десятилетиях XXI в. продолжил профессор КФУ Л.Ф. Недашковский, около 30 лет посвятивший изучению Укекского городища и его окружи [45; 46]. Отметим, что в 90-х годах XX в. – 2010-х годах продолжилось участие студентов университета в раскопках на Нижней Волге – на средневековых городищах: Селитренном, Самосдельском и др.

В 1988 г. на историческом факультете КГУ была создана (и действовала до 1993 г.) археологическая хоздоговорная экспедиция под общим руководством А.Х. Халикова, состоявшая из нескольких отрядов. Экспедиция осуществляла охранно-спасательные работы в масштабном проекте по строительству мостового перехода через Каму. Под руководством Альфреда Хасановича была изучена значительная часть городища Сорочьи горы, которое относится к ананьинской культуре. Научным консультантом на этих раскопках был ведущий специалист по ананьинской эпохе В.Н. Марков.

В 1992–1997 гг. спасательные исследования в зоне строительства были проведены первым отрядом экспедиции под руководством выпускника исторического факультета КГУ К.А. Руденко на Мурзихинских IV и V могильниках раннеананьинского времени и болгарского средневековья. Им же велись раскопки золотоордынских селищ и могильника по трассе строительных работ на Песчаном и Мурзихинском островах, а также Алексеевском VI домонгольском болгарском селище [47]. Проводились и тщательные разведки в зоне строительства. Помощь в обследованиях оказали археологи ИЯЛИ – Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин и Е.П. Казаков; со стороны университета – Е.А. Беговатов. В результате этой работы удалось осуществить коррекцию сведений о расположении многих памятников, собрать обширный подъемный материал, поступивший в археологический музей истфака КГУ.

С конца XX в. экспедицией КФУ под руководством С.И. Валиулиной проводились раскопки Торецкого поселения близ Билярского городища. Также руководителем экспедиции опубликованы итоги ее многолетних исследований по болгарскому стеклоделию и материалы по международной торговле болгар [48]. Раскопки II Билярского селища в начале XXI в. вела экспедиция Казанского университета под руководством Е.А. Беговатова, доцента кафедры математической статистики факультета ВМК КГУ. Эти исследования позволили существенно расширить информацию о раннем периоде истории Биляра [49, с. 342]. Также Евгений Александрович занимался вопросами реконструкции в археологии. Его разработки в области восстановления форм керамических сосудов (совместно с А.Ф. Кочкиной) шли в одном направлении с исследованиями зарубежных коллег [50]. Вместе с палеозоологом из ИЯЛИ А.Г. Петренко Е.А. Беговатым была опубликована методика определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота из раскопок [51]. Эти и многие другие проекты осуществлялись в регионе впервые. Новаторскими стали созданные им сайты Музея археологии КГУ, ГИС-систем на портале КГУ, которыми он занимался до последних дней жизни.

Со второй половины 90-х годов XX в. усилился интерес зарубежных ученых к археологическим древностям Татарстана. Появились иностранные публикации со ссылками на исследования казанских археологов, особенно на материалы Билярской экспедиции. Выделяются статьи, где рассматриваются отдельные ключевые сюжеты, например принятие ислама волжскими булгарами и его роль в культуре Волжской Булгарии. Нередко обозначенная проблематика была задана общим кругом научных тем по истории ислама в историографии Западной Европы и США в начале XXI в. или локальных сюжетов, например о мусульманах в Венгрии в X в. [52, р. 61–62].

Также не ослабевает интерес и к сочинению Ахмеда ибн Фадлана о посольстве багдадского халифа к правителю булгар в 921–922 гг. в контексте истории и археологии Волжской Булгарии [53, р. 121–128].

Английский исследователь Джеральд Мако, рассматривая вопрос о принятии ислама волжскими булгарами, опирался на мнение российских специалистов разного профиля: нумизматов (В.В. Кропоткин, А.Г. Мухамадиев), историков (Б.Д. Греков), археологов (А.П. Смирнов, Е.П. Казаков, А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, Р.Г. Фахрутдинов, К.А. Руденко) [54, р. 222–223]. Подробно английский исследователь изучил данные по погребальному обряду могильников раннебул-

гарского времени [54, р. 201]. В другой его работе – энциклопедической статье о государстве волжских булгар – дается обзор болгарской истории [55]. Интересны его мысли о происхождении волжских булгар. Обозначенная тема рассмотрена им и в историческом контексте – как пример обращения к монотеистической религии кочевников – также со ссылками на труды российских исследователей (А.П. Смирнова, К.А. Руденко и др.) [56, р. 12–32]. Археологические материалы из публикаций А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой и Е.П. Казакова использованы венгерским ученым И. Зимони, писавшим о происхождении волжских булгар в 90-х годах XX в. [57].

Истории и археологии волжских булгар касался американский историк и археолог Ф. Курта. Заслуживает внимания попытка ученого рассмотреть древности предбулгарского времени на Средней Волге – именьковской культуры – в контексте раннесредневековых древностей Европы [58, р. 107–108]. Подробно он остановился на торговле как системообразующем элементе в истории Волжской Булгарии с широким использованием материалов раскопок Билярского городища [59]. Практически во всех упомянутых публикациях отсутствуют ссылки на новые данные, полученные в начале XXI в. российскими археологами-медиевистами, работающими в области булгаристики [60]. Впрочем, это вполне объяснимо: в российской науке еще нет историографических исследований болгарской археологии первых десятилетий XXI в., а статьи, издающиеся в малотиражных изданиях и не индексируемые в международных базах данных, не доступны для зарубежных коллег.

В начале XXI в. казанская университетская археология переживает подъем: существенно расширились география исследований и их хронологические рамки. Работы ведутся совместно Институтом археологии имени А.Х. Халикова АН РТ и другими научными учреждениями России и зарубежья. Очевидно, что археология КФУ под руководством академика, доктора исторических наук, заведующего кафедрой археологии и реставрации наследия Института международных отношений, истории и востоковедения А.Г. Ситдикова выходит на совершенно новый качественный уровень с использованием самых современных методов исследований [61].

Таким образом, археология в Казанском университете прошла с начала XIX в. большой путь – от частного коллекционирования профессоров-иностранцев и до современных технологий как в полевых исследованиях, так и в камеральной обработке полученных артефактов. Постоянным был и интерес международного научного сообщества к древностям Казанского края. В XIX в. он формировался прежде всего внутри Российской империи, идейно объединив в конце столетия почти на 40 лет казанских ученых и археологов Финляндии, причем зарубежные исследователи прислушивались к мнению российских коллег и их научным концепциям. Казанские археологи в 20-х годах XX в. имели возможность высказывать свою позицию на страницах европейской научной периодики. Наступившее в 30-х годов XX в. охлаждение отношений СССР с западным миром продолжалось вплоть до начала 60-х годов. Масштабные охранные исследования в ТАССР, значительное количество нового материала и его трактовка в концепциях местных ученых, с одной стороны, делали их работы востребованными, но, с другой стороны, сам подход советских археологов к источнику казался представителям буржуазной науки неприемлемым. Вместе с тем археологические изыскания казанских ученых привлекли внимание коллег из стран социалистического содру-

жества, прежде всего Болгарии и Венгрии. Наладились отношения с археологами Польши и ГДР, позже – с финскими исследователями. К сожалению, в странах Западной Европы о новых открытиях в ТАССР практически ничего не знали.

Ситуация изменилась в 90-х годах XX в. Стала доступной литература, издававшаяся в ТАССР в 70–80-х годах, появилась возможность ознакомиться и с самими памятниками и новыми коллекциями. С начала XXI в. в публикациях западноевропейских (реже – североамериканских) ученых появляются ссылки на труды казанских университетских археологов. Оживился интерес и у исследователей Финляндии, Германии, а также Восточной Европы. Университетская археология под руководством А.Г. Ситдикова вышла на новый уровень благодаря широкому применению новых методик и технологий. В последние годы налаживаются контакты с археологами Востока – Китая, Монголии; разрабатываются совместные проекты с ближним зарубежьем – Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном; ширятся научные контакты и с регионами РФ, например с Алтайским краем. Информация о достижениях археологов КФУ в научных изысканиях становится доступной благодаря сети Интернет и археологическим периодическим изданиям, издаваемым Институтом археологии имени А.Х. Халикова АН РТ.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Руденко К.А. Казанские коллекционеры XIX века (из истории музейного дела Казанского края). Казань: Школа. 2017. 172 с.
2. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «РЦМКО», 2014. 767 с.
3. История отечественного востоковедения до середины XIX века / Отв. ред. Г.Ф. Ким, П.М. Шаститко. М.: Наука, 1990. 435 с.
4. Сидорова И.Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы). Казань: Отечество, 2014. Ч. 1. 304 с.
5. Руденко К.А. Коммуникационные формы культуры Татарстана: генезис и эволюция (с древности до XX в.). Казань, Школа, 2018. 164 с.
6. Руденко К.А. Роль Общества археологии, истории этнографии при Казанском Императорском университете в становлении профессиональной археологии Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. (по материалам личной переписки членов ОАИЭ) // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания: тезисы докладов Междунар. науч. конф., Москва, 24–25 февраля 2015 г. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН, 2015. С. 46–47.
7. Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрэн и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Сер. «Археология евразийских степей». Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41.
8. Карпелан К., Уйно П. Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Сер. «Археология евразийских степей». Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. Елабуга: ЕГМЗ, 2008. С. 13–23.
9. Tallgren A.-M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande à Helsingfors: 2 t. Helsingfors: Édité par la Commission des collections Antell, 1916. T. I: Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. 45 p., XVI pl., 40 fig.

10. *Tallgren A.-M.* Collection Zaoussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors: 2 t. Helsingfors: Édité par la Commission des collections Antell, 1918. Т. II: Monographie de la Section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. 60 p., XII pl.
11. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V. М.: Изд-во АН СССР, 1952. (МИА. № 30). 321, [3] с.
12. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Сер. «Археология Евразийских степей». Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.
13. *Мергарт Г. фон.* Далёко: картины из сибирских будней / Сост., пер. с нем. Е.В. Детловой; комм., примеч. Е.В. Детловой, С.В. Кузьминых. Красноярск: Поликор, 2023. 336 с.
14. *Высоцкий Н.Ф., Штукенберг А.А.* Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии (С 3 листами карт и 16 таблицами) // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Т. XIV, вып. 5. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1885. С. 23–42.
15. *Клейн Л.С.* История археологической мысли: в 2 т. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. ун-та, 2011. Т. 1. 688 с.
16. *Халиков А.Х.* Приказанская культура. М.: Наука, 1980. 129 с.
17. *Кузьминых С.В., Михайлов Е.П., Савенко С.Н., Старостин П.Н.* Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы междунар. науч. конф., Чебоксары, Россия 26–30 мая 2003 года / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 35–46.
18. *Валеев Р.М., Валеев Раф. М., Валеева Р.З.* В.Ф. Смолин в Казани (1909–1929 гг.): письма академику В.В. Бартольд (1921–1925 гг.) // Археология Евразийских степей. 2024. № 1. С. 202–222. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.1.202.222>.
19. *Кузьминых С.В., Усачук А.Н.* «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!» (Хельсинкская коллекция писем Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрену) // Культурные взаимодействия. динамика и смыслы / Ред. С. Церна, Б. Говедарица. Кишинев: Stratm+, 2016. С. 379–427.
20. *Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л.* Альфред Халиков. Казань: Тат. кн. изд-во, 2015. 67 с.
21. *Руденко К.А.* Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Казань: Школа, 2021. 476 с.
22. *Халиков А.Х.* Некоторые вопросы древнейшей истории Татарии (по археологическим материалам экспедиции 1949 года) // Учен. зап. Казан. ун-та. 1951. Т. 111, Кн. 10. С. 115–123.
23. Археологические памятники у села Рождествено / *В.Ф. Генинг, В.А. Стоянов, И.С. Вайнер* [и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 128 с.
24. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
25. *Khalikova E.A., Kazakov E.P.* Le cimetière de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est / Erdélyi I. (Ed.). Budapest: Akad. Kiadó, 1977. P. 21–221.
26. *Chalikova E.A., Chalikov A.H.* Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Ser.: Régészeti füzetek. V. II, No 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 S.
27. *Халиков А.Х.* Великая Венгрия между Волгой и Уралом. Сер. «Археология Евразийских степей». Вып. 27. Воронеж: Алекс-Принт, 2022. 160 с.

28. *Рашиев Р.* Прабългарите през V–VII век. София: Издателска къща Орбел, 2005. 348 с.
29. *Kazakov E.P., Chalikov A.Ch., Chuzin F.S.* Die Keramik vom Saltovo-typ aus dem mittleren Wolgagebiet // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Ser.: *Varia Arhaeologica Hungarica*. Bd. III. Budapest: Inst. Archeol. Acad. Sci. Hung., 1990. S. 137–169.
30. *Халиков А.Х.* Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976: 2 т. / Отв. ред. Д. Ангелов. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1981. Т. 2. С. 36–42.
31. *Khalikova E.A.* Composant ethnique commun dans les populations de la Bulgarie de la Volga et de la Hongrie de Xe siècle // *MittArchInst Beiheft*. T. 1. Les questions fondamentales du peuplement du Bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle: session scientifique de l'Union Internationale Archéologique Slave, Szeged, 27–29 Avril 1971 / Gerevich L. (Ed.). Budapest, 1972. P. 177–194.
32. *Халикова Е.А.* К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976: 2 т. / Отв. ред. Д. Ангелов. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1981. Т. 2. С. 72–81.
33. *Фодор И.* Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: Тип. «ЗЁБРА», 2015. 132 с.
34. *Fodor I.* L'heritage archéologique des Hongrois conquérants (Xe siècle) // *Les Hongrois et l'Europe: conquête et intégration*. Paris, Szeged: Univ. of Szeged, Paris III – Sorbonne Nouvelle, Inst. Hongrois de Paris, 1999. P. 61–101.
35. *Fodor I.* Hungarian cultural history: The early periods. Ch. 1. // *A Cultural History of Hungary: From the Beginnings to the Eighteenth Century* / Kósa L. (Ed.). Vajda T. (Trans.). Budapest: Corvina Books, 1999. P. 9–41.
36. *Руденко К.А.* Взгляды Иштвана Фодора на взаимодействие волжских болгар и венгров по данным археологии и письменных источников // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVIII: Памяти Иштвана Фодора / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2021. С. 63–73. <https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-18-63-73>.
37. *Валиулина С.И., Пятаев А.В., Воронина Е.В., Иванова А.Г.* Больше-Тиганский могильник: современное состояние исследований, новые методы и подходы // III-й международный мадьярский симпозиум по археологии. Будапешт, 6–10 июня 2016 г.: Материалы междунар. конф. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2018. С. 243–254. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2018.6_15.
38. *Chalikow A.Ch.* Vom Einfluss der Aselino-Ananjino-Kultur auf die Ethnogenese der Mari // *J. Soc. Finno-Ougrienne*. 1992. Bd. 84. S. 53–63.
39. *Бугров Д.Г., Руденко К.А., Халиков А.Х.* Укрепления Сорочьегогорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья. Сер. «Вопросы археологии Татарстана». Вып. 1 / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1994. С. 93–103.
40. *Rudenko K.A.* Metal ware of the Finno-Ugric peoples of Eastern Europe and the Transurals // *Historia Fenno-Ugrica*. V. I:2. Congressus primus historiae Fenno-Ugricae / Julku K. (Ed.). Oulu: Soc. Hist. Fenno-Ugricae, 1996. P. 299–308.
41. *Rudenko K.A.* Suomalais-ugrilaiset elementit turkkilaisten valtioiden kulttuureissa 1100-1300-luvuilla jKr. // *Historia Fenno-Ugrica*. V. I:2. Congressus primus Historiae Fenno-ugricaе / Julku K. (Ed.). Oulu: Soc. Hist. Fenno-Ugricae, 1996. P. 308–309.
42. *Fedorov-Davydov G.A.* Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. Ser.: *Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie*. Bd. 11. München: C.H. Beck, 1984. 131 S.

43. *Fyodorov-Davydov G.A.* The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Naymark A. (Trans.). Davis-Kimball J. (Ed.). Berkeley, CA: Zinat Press, 2001. 189 p.
44. *Вайнер И.С.* О некоторых видах ремесла Нового Сарая (по материалам археологической экспедиции кафедры истории СССР КГУ на Царевском городище в 1961–65 гг.) // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Вып.1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. С. 229–237.
45. *Nedashkovsky L.F.* Ukek: The Golden Horde City and Its Periphery. Ser.: BAR International Series. V. 1222. Oxford: BAR Publ., 2004. 261 p.
46. *Nedashkovsky L.* Aspects of farming, fishing, hunting, and trade in the Golden Horde. Ch. 18 // Social Orders and Social Landscapes / Popova L.M., Hartley C.W., Smith A.T. (Eds.). Newcastle: Cambridge Scholars Publ., 2007. P. 449–466.
47. *Руденко К.А.* Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.) Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002. 208 с.
48. *Valiullina S.I.* International trade relations of the middle Volga region in the Medieval period through the glass evidence // Archeol. Polski. 2016. V. LXI. P. 113–169.
49. *Кочкина А.Ф.* Памяти Е.А. Беговатова (1937–2015) // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 341–345.
50. *Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф.* О восстановлении размеров сосудов по фрагментам // Российская археология. 1993. № 3. С. 88–99.
51. *Беговатов Е.А., Петренко А.Г.* Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии. Казань: Изд-во КГУ, 1994. 51 с.
52. *Çoban E.* Eastern Muslim groups among Hungarians in the Middle Ages // Bilig. 2012. No 63. P. 55–76.
53. *Zadeh T.* Ibn Faḍlān // Encyclopedia of Islam Three / Krämer G., Matringe D., Nawas J., Rowson E. (Eds.). Leiden: Brill, 2009. V. 2009-3. P. 121–128.
54. *Mako G.* The Islamization of the Volga Bulgars: A question reconsidered // Archivum Eurasiae Medii Aevi. / Allsen Th.T., Golden P.B., Kovalev R.K., Martinez A.P. (Eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. V. 18. P. 199–223.
55. *Mako G.* Volga Bulgar Emirate // The Encyclopedia of Empire: 4 v. / MacKenzie J.M. (Ed.). John Wiley & Sons, 2016. <https://doi.org/10.1002/9781118455074.wbeoe009>.
56. *Mako G.* Two examples of nomadic conversion in Eastern Europe: The Christianization of the Pechenegs, and the Islamization of the Volga Bulgars (tenth to thirteenth century A.D.). MPhil Thesis in Historical Studies. Cambridge University, 2011. 81 p.
57. *Zimonyi I.* The Origins of the Volga Bulgars. Ser.: Studia Uralo-Altaica. V. 32. Szeged: Univ. Szegediensis de Attila József Nominata, 1990. 211 p.
58. *Curta F.* Chapter 4: Migrations in the archaeology of Eastern and Southeastern Europe in the early Middle Ages (some comments on the current state of research) // Migration Histories of the Medieval Afroeurasian Transition Zone: Aspects of Mobility between Africa, Asia and Europe, 300–1500 C.E.). Ser.: Studies in Global Social History, Studies in Global Migration History. V. 39/13 / Preiser-Kapeller J., Reinfandt L., and Stouraitis Y. (Eds.). Leiden: Brill, 2020. P. 101–138. https://doi.org/10.1163/9789004425613_005.
59. *Curta F.* Markets in tenth-century al-Andalus and Volga Bulghāria: Contrasting views of trade in Muslim Europe // Al-Masāq. 2013. V. 25, No 3. P. 305–330. <https://doi.org/10.1080/09503110.2013.844503>.
60. *Руденко К.А.* Волжская Булгария и средневековая Испания: пути развития культуры (историографический аспект) // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России / Сост., отв. ред. Г.П. Мяков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 251–258.

61. Szeifert B., Gerber D., Csáky V., Langó P., Stashenkov D.A., Khokhlov A.A., Sitdikov A.G., Gazimzyanov I.R., Volkova E.V., Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Poshekhonova O.E., Sleptsova A.V., Karacharov K.G., Ilyushina V.V., Konikov B.A., Sungatov F.A., Kolonskikh A.G., Botalov S.G., Grudochko I.V., Komar O., Egyed B., Mende B.G., Türk A., Szécsényi-Nagy A. Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th–14th century populations of the Volga-Ural region // *Hum. Mol. Genet.* V. 31, No 19. P. 3266–3280. <https://doi.org/10.1093/hmg/ddac106>.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения

Казанский государственный институт культуры

ул. Оренбургский тракт, д. 3, г. Казань, 420059, Россия

E-mail: murziha@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 77–93

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.77-93

Archaeological Research at Kazan University in the Context of Western European and North American Archaeology

K.A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, 420059 Russia

E-mail: murziha@mail.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 20, 2024

Abstract

This article summarizes the history of archaeological research at Kazan University, from its establishment in 1804 to the present day. The first important milestone was in the 19th century when amateur collecting of artifacts and coins by the university professors in the early 1800s was replaced by professional archaeology, with the Society of Archaeology, History, and Ethnography founded in 1878 at Kazan University. The society published its own journal to raise awareness and foster curiosity, both locally and internationally, about archaeological discoveries in the Kazan Governorate and the surrounding territories. From the late 19th to the early 20th century, a fruitful cooperation developed between Russian archaeologists and Finnish scholars, which lasted until the 1930s and centered in their mutual interests revolving around the Ananyino culture and the origins of the Finno-Ugric peoples. In the aftermath of World War II, the university archaeological team took part in many projects: exploratory surveys for the construction of the Kuybyshev Hydroelectric Station (late 1940s–early 1950s), excavations of the early Bulgarian burials and proto-Bulgarian sites (1950s–early 1960s), unearthing of the Bilär settlement (late 1960s–1980s), fieldwork at the ancient Hungarian Bolshie Tigany burial and in Kazan (1974–1978). In the 1960s–1980s, foreign collaborations were limited to socialist countries (Bulgaria, Hungary), which kept the focus of their scholarly attention on the eastern regions. However, the intensive contacts with Finnish archaeologists continued. Starting from the 1990s–2000s, the results of archaeological research in Tatarstan finally became accessible to Western European and US scholars, who then relied on them to navigate their studies on the history of Islam and Islamization in Europe, sedentarization of nomads, and

medieval trade. Now, the archaeology at Kazan University has advanced to a new stage by covering a much broader geographical scope and incorporating the latest technology into archaeological practices.

Keywords: Kazan University, Ananyino culture, Volga Bulgars, Bilär settlement, A.M. Tallgren, V.F. Smolin, A.Kh. Khalikov, G.A. Fedorov–Davydov, G. Mako, F. Curta, archaeological research, Society of Archaeology, History, and Ethnography at Kazan University

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Rudenko K.A. *Kazanskie kollektsionery XIX veka (iz istorii muzeinogo dela Kazanskogo kraia)* [Kazan Collectors of the 19th Century (from the History of Museums in the Kazan Region)]. Kazan, Shkola, 2017. 172 p. (In Russian)
2. Rudenko K.A. *Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.)* [The History of Archaeological Survey in Volga Bulgaria (10th–Early 13th Centuries)]. Kazan, GBU “RTsMKO”, 2014. 767 p. (In Russian)
3. Kim G.F., Shastitko P.M. (Eds.) *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX veka* [The History of Russian Oriental Studies until the Mid-19th Century]. Moscow, Nauka, 1990. 435 p. (In Russian)
4. Sidorova I.B. *Uchenoe bratstvo: Obshchestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1878 – 1931 gody)* [Academic Brotherhood: The Society of Archaeology, History, and Ethnography at Kazan University (1878–1931)]. Pt. 1. Kazan, Otechestvo, 2014. 304 p. (In Russian)
5. Rudenko K.A. *Kommunikatsionnye formy kul'tury Tatarstana: genesis i evolyutsiya (s drevnosti do XX v.)* [Forms of Cultural Communication in Tatarstan: Genesis and Evolution (From Antiquity to the 20th Century)]. Kazan, Shkola, 2018. 164 p. (In Russian)
6. Rudenko K.A. The role of the Society of Archaeology, History, and Ethnography at Kazan Imperial University in the development of professional archaeology in the Kazan Governorate from the late 19th to the early 20th century (from the personal correspondence of the society members). *Uchenye i idei: stranitsy istorii arkheologicheskogo znaniya: tezisy dokladov Mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 24–25 fevralya 2015 g.* [Scholars and Ideas: Pages from the History of Archaeological Knowledge: Proc. Int. Sci. Conf., Moscow, February 24–25, 2015]. Gaidukov P.G., Tunkina I.V. (Eds.). Moscow, IA Ross. Akad. Nauk, 2015, pp. 46–47. (In Russian)
7. Kuz'minykh S.V., Detlova E.V., Salminen T., Safonov I.E. A.M. Tallgren and Russian archaeology. In: *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, isotricheskie sud'by* [The Ananyino World: Origins, Development, Connections, and Historical Fates] Ser.: Archaeology of the Eurasian Steppes. Vol. 20. Kazan, Otechestvo, 2014, pp. 7–41. (In Russian)
8. Carpelan C., Uino P. An essay on the collection of items from the Ananyino burial ground near Yelabuga in the National Museum of Finland. In: *U ustokov arkheologii Volgo-Kam'ya (k 150-letiyu otkrytiya Anan'inskogo mogil'nika)* [The Roots of Archaeology in the Volga-Kama Region (On the 150th Anniversary of the Discovery of the Ananyino Burial Ground)]. Ser.: Archaeology of the Eurasian Steppes. Vol. 8. Kuz'minykh S.V. (Ed.). Yelabuga, EGMZ, 2008, pp. 13–23. (In Russian)
9. Tallgren A.-M. *Collection Zaussaïlov au Musée historique de Finlande à Helsingfors*. T. I: Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, Édité par la Commission des collections Antell, 1916. 45 p., xvi pl., 40 fig. (In French)
10. Tallgren A.-M. *Collection Zaussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors*. T. II: Monographie de la Section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors, Édité par la Commission des collections Antell, 1918. 60 p., xii pl. (In French)
11. Zbrueva A.V. *Istoriya naseleniya Prikam'ya v anan'inskuyu epokhu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya* [The History of the Kama Region's Peoples in the Ananyino Era: Materials and Studies on the Archaeology of the Urals and Cis-Urals]. Vol. V. Ser.: Materials and Studies on the Archaeology of the USSR. Vol. 30. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1952. 321, 3 p. (In Russian)
12. Markov V.N. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuyu epokhu (ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoi obshchnosti)* [The Lower Kama Region in the Ananyino Era (On the Ethnocultural Components of the Ananyino Community)]. Ser.: Archaeology of the Eurasian Steppes. Vol. 4. Kazan, II Akad. Nauk RT, 2007. 136 p. (In Russian)

13. von Mergart G. *Daleko: kartiny iz sibirskikh budnei* [Far Away: Scenes from Siberian Everyday Life]. Detlova E.V. (Trans.). Krasnoyarsk, Polikor, 2023. 336 p. (In Russian)
14. Vysotskii N.F., Stuckenberg A.A. Materials for the study of the Stone Age in the Kazan Governorate (with 3 maps and 16 plates). *Trudy Obshchestva Estestvoispytatelei pri Imperatorskom Kazanskom Universitete*. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1885, vol. xiv, no. 5, pp. 23–42. (In Russian)
15. Klein L.S. *Istoriya arkheologicheskoi mysli* [The History of Archaeological Thought]. Vol. 1. St. Petersburg, Izd. Dom S.-Peterb. Univ., 2011. 688 p. (In Russian)
16. Khalikov A.Kh. *Prikazanskaya kul'tura* [Kazan Culture]. Moscow, Nauka, 1980. 129 p. (In Russian)
17. Kuz'minykh S.V., Mikhailov E.P., Savenko S.N., Starostin P.N. Viktor Fedorovich Smolin: Milestones of life and career. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitiye, nasledie: Materialy mezhdunar. nauch. konf., Cheboksary, Rossiya, 26–30 maya 2003 goda* [Abashevo Cultural and Historical Community: Origins, Development, and Heritage: Proc. Int. Sci. Conf., Cheboksary, Russia, May 26–30, 2003]. Bochkarev V.S. et al. (Eds.). Cheboksary, ChGIGN, 2003, pp. 35–46. (In Russian)
18. Valeev R.M., Valeev R.M., Valeeva R.Z. V.F. Smolin in Kazan (1909–1929): Letters to Academician V.V. Bartold (1921–1925). *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei*, 2024, no. 1, pp. 202–222. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.1.202.222>. (In Russian)
19. Kuz'minykh S.V., Usachuk A.N. “My dear and much esteemed friend Mikhail Markovich!” (Helsinki collection of the letters written by N.E. Makarenko to A.M. Tallgren). In: Terna S., Govedarica B. (Eds.) *Kul'turnye vzaimodeistviya. Dinamika i smysly* [Cultural Interactions. Dynamics and Meanings]. Chişinău, Stratm+, 2016, pp. 379–427. (In Russian)
20. Khuzin F.Sh., Khamidullin B.L. *Al'fred Khalikov* [Alfred Khalikov]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2015. 67 p. (In Russian)
21. Rudenko K.A. *Kazanskie arkheologi v pervye gody posle Velikoi Otechestvennoi voyny (1945–1949) (po materialam perepiski A.P. Smirnova i A.M. Efimovoi)* [Kazan Archaeologists in the Early Years after the Great Patriotic War (1945–1949) (Based on the Correspondence between A.P. Smirnov and A.M. Efimova)]. Kazan, Shkola, 2021. 476 p. (In Russian)
22. Khalikov A.Kh. Some problems on the ancient history of Tataria (based on the archaeological findings from the expedition of 1949). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*, 1951, vol. 111, no. 10, pp. 115–123. (In Russian)
23. Henning V.F., Stoyanov V.A., Vainer I.S. et al. *Arkheologicheskie pamyatniki u sela Rozhdestveno* [Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1962. 128 p. (In Russian)
24. Henning V.F., Khalikov A.Kh. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik)* [The Early Bulgars on the Volga River (Bolshie Tarkhany Burial Ground)]. Moscow, Nauka, 1964. 200 p. (In Russian)
25. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetière de Tankeevka. In: Erdélyi I. (Ed.) *Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est*. Budapest, Akad. Kiadó, 1977, pp. 21–221. (In French)
26. Chalikova E.A., Chalikov A.H. *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Ser.: Régészeti füzetek. Vol. II, No 21. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 S. (In German)
27. Khalikov A.Kh. *Velikaya Vengriya mezhdvu Volgoi i Uralom* [Great Hungary between the Volga River and the Urals]. Ser.: Archaeology of the Eurasian Steppes. Vol. 27. Voronezh, Aleks-Print, 2022. 160 p. (In Russian)
28. Rashev R. *The Proto-Bulgarians in the 5th–7th Centuries*. Sofia, Orbel, 2005. 348 p. (In Bulgarian)
29. Kazakov E.P., Chalikov A.Ch., Chuzin F.S. Die Keramik vom Saltovo-typ aus dem mittleren Wolgagebiet. In: *Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten*. Ser.: Varia Archaeologica Hungarica. Bd. III. Bálint C. (Hrsg.). Budapest, Inst. Archaeol. Acad. Sci. Hung., 1990, S. 137–169. (In German)
30. Khalikov A.Kh. Studying the archaeological culture of the early Bulgars on the Volga River. In: *Pliska–Preslav*. Vol. 2. The Proto-Bulgarian Culture: Proc. Bulgarian–Soviet Meet., Sumen, Bulgaria, 1976. Angelov D. (Ed.). Sofia, Bulg. Acad. Sci. Publ. House, 1981, pp. 36–42. (In Russian)
31. Khalikova E.A. Composant ethnique commun dans les populations de la bulgarie de la Volga et de la Hongrie de Xe siècle. In: *MittArchInst Beiheft*. T. 1. Les questions fondamentales du peuple-

- ment du Bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle: session scientifique de l'Union Internationale Archéologique Slave, Szeged, 27–29 Avril 1971. Gerevich L. (Ed.). Budapest, 1972, pp. 177–194. (In French)
32. Khalikova E.A. On the contacts between the ancient Hungarians and Bulgaro-Turkic tribes in Eastern Europe. In: *Pliska–Preslav*. Vol. 2. The Proto-Bulgarian Culture: Proc. Bulgarian–Soviet Meet., Sumen, Bulgaria, 1976. Angelov D. (Ed.). Sofia, Bulg. Acad. Sci. Publ. House, 1981, pp. 72–81. (In Russian)
 33. Fodor I. *Vengry: drevnyaya istoriya i obretenie rodiny* [In Search of a New Homeland: The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest]. Perm, Tip. “Zebra”, 2015. 132 p. (In Russian)
 34. Fodor I. L'héritage archéologique des Hongrois conquérants (Xe siècle). In: *Les Hongrois et l'Europe: conquête et intégration*. Paris, Szeged, Univ. de Szeged, Paris III – Sorbonne Nouvelle, Inst. Hongrois de Paris, 1999, pp. 61–101. (In French)
 35. Fodor I. Hungarian cultural history: The early periods. Ch. 1. In: Kósa L. (Ed.) *A Cultural History of Hungary: From the Beginnings to the Eighteenth Century*. Vajda T. (Trans.). Budapest, Corvina Books, 1999, pp. 9–41.
 36. Rudenko K.A. István Fodor's views on the interaction of the Volga Bulgars and Hungarians according to archeological data and written sources. In: *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition]. Vol. XVIII: In memory of István Fodor. Belavin A.M. (Ed.). Perm, PGPU, 2021, pp. 63–73. <https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-18-63-73>. (In Russian)
 37. Valiullina S.I., Pyataev A.V., Voronina E.V., Ivanova A.G. Bolshie Tigany burial ground: Current state of research, new methods and approaches. *III-i mezhdunarodnyi mad'yarskii simpozium po arkheologii. Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.* [Proc. 3rd Int. Magyar Symp. on Archaeology, Budapest, June 6–10, 2016]. Budapest, Martin Opitz Kiadó, 2018, pp. 243–254. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2018.6_15. (In Russian)
 38. Chalikow A.Ch. Vom Einfluss der Aselino-Ananjin-Kultur auf die Ethnogenese der Mari. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1992, Bd. 84, S. 53–63. (In German)
 39. Bugrov D.G., Rudenko K.A., Khalikov A.Kh. Fortifications of the Sorochy Gory settlement. In: Starostin P.N. (Ed.) *Pamyatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ya* [Ancient Sites of the Volga-Kama Region]. Ser.: Archaeological Problems of Tatarstan. Vol. 1. Kazan, IYALi Akad. Nauk RT, 1994, pp. 93–103. (In Russian)
 40. Rudenko K.A. Metal ware of the Finno-Ugric peoples of Eastern Europe and the transurals. In: *Historia Fenno-Ugrica*. Vol. I:2. Congressus primus historiae Fenno-Ugricae. Julku K. (Ed.). Oulu, Soc. Hist. Fenno-Ugricae, 1996, pp. 299–308.
 41. Rudenko K.A. Finno-Ugric elements of Turkic cultures in 1100–1300 AD. In: *Historia Fenno-Ugrica*. Vol. I:2. Congressus primus historiae Fenno-Ugricae. Julku K. (Ed.). Oulu, Soc. Hist. Fenno-Ugricae, 1996. P. 308–309. (In Finnish)
 42. Fedorov-Davydov G.A. *Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga*. Ser.: Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 11. München, C.H. Beck, 1984. 131 S. (In German)
 43. Fedorov-Davydov G.A. *The Silk Road and the Cities of the Golden Horde*. Naymark A. (Trans.). Davis-Kimball J. (Ed.). Berkeley, CA, Zinat Press, 2001. 189 p.
 44. Vainer I.S. On some crafts of Sarai Berke (based on the materials from the archaeological expedition of the USSR History Department of Kazan State University to the Tsarev settlement in 1961–1965). In: *Ocherki istorii narodov Povolzh'ya i Priural'ya* [Essays on the History of the Peoples in the Volga Region and Cis-Urals]. Vol. 1. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1967, pp. 229–237. (In Russian)
 45. Nedashkovsky L.F. *Ukek: The Golden Horde City and Its Periphery*. Ser.: BAR International Series. Vol. 1222. Oxford, BAR Publ., 2004. 261 p.
 46. Nedashkovsky L. Aspects of farming, fishing, hunting, and trade in the Golden Horde. Ch. 18. In: Popova L.M., Hartley C.W., Smith A.T. (Eds.) *Social Orders and Social Landscapes*. Newcastle, Cambridge Scholars Publ., 2007, pp. 449–466.
 47. Rudenko K.A. *Ostrov “Murzikha” i ego okrestnosti. Khronologicheskii atlas arkheologicheskikh kollektsii NM RT (1991–1999 gg.). Opyt mikroregional'nogo issledovaniya* [“Murzikha” Island and Its Surrounding Areas. A Chronological Atlas of Archaeological Collections from the National Museum of the Republic of Tatarstan (1991–1999). A Microregional Study]. Catalogue of

- Archaeological Collections of the National Museum of the Republic of Tatarstan. Kazan, Shkola, 2002. 208 p. (In Russian)
48. Valiullina S.I. International trade relations of the middle Volga region in the Medieval period through the glass evidence. *Archeologia Polski*. 2016, vol. LXI, pp. 113–169.
 49. Kochkina A.F. In memory of E.A. Begovatov (1937–2015). *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2015, no. 4 (14), pp. 341–345. (In Russian)
 50. Begovatov E.A., Kochkina A.F. Estimating pottery size based on sherds. *Rossiiskaya Arkheologiya*, 1993, no. 3, pp. 88–99. (In Russian)
 51. Begovatov E.A., Petrenko A.G. *Zadacha opredeleniya pola i vysoty v kholke krupnogo rogatogo skota v arkheologii* [The Problem of Determining the Sex and Withers Height of Cattle in Archaeology]. Kazan, Izd. KGU, 1994. 51 p. (In Russian)
 52. Çoban E. Eastern Muslim groups among Hungarians in the Middle Ages. *Bilig*, 2012, no. 63, pp. 55–76.
 53. Zadeh T. Ibn Faḍlān. In: *Encyclopedia of Islam Three*. Vol. 2009-3. Krämer G., Matringe D., Nawas J., Rowson E. (Eds.). Leiden, Brill, 2009. V. 2009-3. pp. 121–128.
 54. Mako G. The Islamization of the Volga Bulgars: A question reconsidered. In: Allsen Th.T., Golden P.B., Kovalev R.K., Martinez A.P. (Eds.) *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 18. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2011, pp. 199–223.
 55. Mako G. Volga Bulgar Emirate. In: MacKenzie J.M. (Ed.) *The Encyclopedia of Empire*. John Wiley & Sons, 2016. <https://doi.org/10.1002/9781118455074.wbeoe009>.
 56. Mako G. Two examples of nomadic conversion in Eastern Europe: The Christianization of the Pechenegs, and the Islamization of the Volga Bulgars (tenth to thirteenth century A.D.). *MPhil Thesis in Historical Studies*. Cambridge University, 2011. 81 p.
 57. Zimonyi I. *The Origins of the Volga Bulgars*. Ser.: Studia Uralo-Altaica. Vol. 32. Szeged, Univ. Szegediensis de Attila József Nominata, 1990. 211 p.
 58. Curta F. Migrations in the archaeology of Eastern and Southeastern Europe in the early Middle Ages (some comments on the current state of research). In: *Migration Histories of the Medieval Afroeurasian Transition Zone: Aspects of Mobility between Africa, Asia and Europe, 300–1500 C.E.* Ser.: Studies in Global Social History, Studies in Global Migration History. Vol. 39/13. Preiser-Kapeller J., Reinfandt L., Stouraitis Y. (Eds.). Leiden, Brill, 2020. P. 101–138. https://doi.org/10.1163/9789004425613_005.
 59. Curta F. Markets in tenth-century al-Andalus and Volga Bulghāria: Contrasting views of trade in Muslim Europe. *Al-Masāq*, 2013, vol. 25, no. 3, pp. 305–330. <https://doi.org/10.1080/09503110.2013.844503>.
 60. Rudenko K.A. Volga Bulgaria and medieval Spain: Paths of cultural development (a historiographical perspective). In: *V.K. Piskorskii i razvitie nauki vseobshchei istorii v Rossii* [V.K. Piskorskii and the Development of World History Studies in Russia]. Myagkov G.P. (Ed.). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2019, pp. 251–258. (In Russian)
 61. Szeifert B., Gerber D., Csáky V., Langó P., Stashenkov D.A., Khokhlov A.A., Sitdikov A.G., Gazimzyanov I.R., Volkova E.V., Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Poshekhonova O.E., Sleptsova A.V., Karacharov K.G., Ilyushina V.V., Konikov B.A., Sungatov F.A., Kolonskikh A.G., Botalov S.G., Grudochko I.V., Komar O., Egyed B., Mende B.G., Türk A., Szécsényi-Nagy A. Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th–14th century populations of the Volga-Ural region. *Human Molecular Genetics*, 2022, vol. 31, no. 19, pp. 3266–3280. <https://doi.org/10.1093/hmg/ddac106>

⟨ **Для цитирования:** Руденко К.А. Достижения археологов Казанского университета в контексте западноевропейской и североамериканской археологии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 77–93. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.77-93>. ⟩

⟨ **For citation:** Rudenko K.A. Archaeological research at Kazan University in the context of Western European and North American archaeology. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 77–93. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.77-93>. (In Russian) ⟩

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 930(049.32)+655.552

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.94-104

ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА ПРОФЕССОРА И.М. ИОНЕНКО В КОНТЕКСТЕ ЕГО ВРЕМЕНИ

[Рец. на кн.: Кабытов П.С., Федорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024. 224 с.]

А.С. Бушув

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, 420111, Россия

Аннотация

В рецензии проанализировано второе (исправленное и дополненное) издание книги П.С. Кабытова и Н.А. Федоровой «Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время». Детально охарактеризовано содержание основных разделов монографии, повествующей о жизненном пути, становлении личности преподавателя и ученого, его общественной деятельности и личной жизни, взаимоотношениях с учениками. Показано значение рецензируемой работы в контексте современных тенденций развития историографии. Выделены основные достоинства книги, в числе которых профессиональный подход к написанию, богатая и разнообразная источниковая база, скрупулезный разбор основных этапов жизненного пути и определение места научных работ ученого в отечественной историографии его времени. Сделан вывод о важности проделанной авторами работы как с точки зрения их научного вклада в изучение жизни и деятельности профессора Казанского университета И.М. Ионенко, так и в целях поддержания корпоративной памяти историков.

Ключевые слова: И.М. Ионенко, Казанский университет, биография, профессор

Историко-биографическое и историографическое изучение историками своих коллег «по цеху» находится в русле усиливающегося в последние годы интереса к существу ремесла историка. Следуя метафоричной характеристике современного мексиканского исследователя Карлоса Рохаса, «история обязана посмотреть на себя в зеркало» [1, с. 116]. В соответствии с обозначенной тенденцией в последние годы увидел свет ряд подобных публикаций – как исследовательских, так и документальных. Хотя большей частью они касаются историков дореволюционных ([2–6] и др.), появляются и публикации, посвященные советским историкам ([6–10] и др.). Распространенной стала практика проведения в различных научных центрах страны научных чтений и конференций, посвященных наиболее выдающимся историкам (см., например, [11; 12]). Не остался в стороне и Казанский университет, профессора, преподаватели и выпускники аспирантуры которого многое сделали для изучения профессор-

ской корпорации [6; 13–15] и поддержания коммеморации alma mater [16–18]. В этом же ключе выдержана и новая публикация об одном из казанских университетских профессоров.

Выход книги, повествующей о жизненном, научном и педагогическом пути профессора Казанского университета Ивана Михайловича Ионенко, следует признать знаковым явлением для сообщества профессиональных историков Казани и Поволжья. Дело здесь не только в том, что публикация последовала за недавним 110-летним юбилеем ученого и совпала с не менее значимым событием университетской истории – 220-летьем самого университета, работа в котором стала важным этапом в жизни Ивана Михайловича. Университетское сообщество отметило его 110-летний юбилей не только выходом первого издания этой книги [19], но и организацией выставки «Ученый. Фронтовик. Наставник» в Музее Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, нашедшей отклик у посетителей (Выставка). Главная причина высокой значимости этого события связана с самой фигурой уважаемого профессора.

И.М. Ионенко принадлежал к поколению, пришедшему в этот мир накануне Первой мировой войны и повидавшему на своем жизненном пути многие важные исторические события XX в. – Гражданскую войну, голод и нэп, советскую модернизацию, репрессии 30-х годов и Великую Отечественную войну, периоды послевоенного восстановления, «развитого социализма» и перестройку. Прямо или косвенно будущий ученый ощущал на себе многие трудности и испытания, выпавшие на долю страны, вместе с другими представителями своего поколения двигался вперед к высотам научной и педагогической карьеры. Из простого сельского паренька, уроженца Смоленской земли, благодаря трудолюбию и целеустремленности вырос профессиональный и ответственный ученый, доктор исторических наук, профессор Казанского университета, заслуженный деятель науки Татарской АССР, выдающийся организатор исторической науки Поволжья. Своими трудами он внес серьезный вклад в исследование Великой российской революции 1917 г., аграрной истории Поволжья, истории Великой Отечественной войны.

Изучение биографии такого человека, как профессор И.М. Ионенко, – непростая задача. Большую роль здесь играет необходимость не только перечислить основные вехи жизненного пути, но и показать становление личности ученого, формирование и развитие его научных взглядов, а также то, что, по меткому выражению британского философа науки Майкла Полани, можно назвать «неявным искусством научного исследования»¹, передающимся только от Учителя к ученику [20, р. 55–56]. Последнее имеет, пожалуй, наиболее серьезное значение, ведь в книге речь идет об И.М. Ионенко не только как о самостоятельном и маститом ученом, но и как о создателе своеобразной научной школы, сложившейся под его руководством на кафедре истории СССР Казанского университета. О сложности поставленной авторами задачи свидетельствует и их постепенный подход к теме – от отдельных статей [21–24] до первого [19], а затем – второго издания книги [25].

¹ Перевод с англ. наш. – А. Б.

Надо сказать, что авторы весьма успешно справились с поставленными задачами. Любопытными и вполне убедительными выглядят усилия авторов, направленные на то, чтобы не только вписать личность и судьбу профессора И.М. Ионенко в контекст эпохи (о чем свидетельствует вторая часть заглавия книги), но и показать его точку зрения на изучение важнейших вех российской истории, а также предпринимаемые им меры по организации научной работы учеников – студентов, аспирантов, докторантов.

Авторы книги сами являются учениками профессора И.М. Ионенко, выпускниками историко-филологического (исторического) факультета Казанского университета, специализировавшимися по кафедре истории СССР. Пойдя по стопам своего учителя, они много лет отдали научной работе и преподаванию в высшей школе: П.С. Кабытов – в Самарском университете, Н.А. Федорова – в Казанском. Хорошо зная обоих авторов как профессиональных исследователей и прекрасных собеседников, мы должны отметить, что и книга, посвященная ими Учителю, написана чрезвычайно увлекательно, афористично и читается на одном дыхании. На ее страницах образ Ивана Михайловича предстает перед читателем во всем многоцветии красок, раскрывая не только научную его составляющую, но и жизненно-бытовую.

Представить столь полную картину авторам позволила обширная источниковая основа исследования, состоящая из документов Государственного архива Республики Татарстан, архива и музея Казанского университета, а также личных архивов семьи Ионенко, учеников профессора и авторов книги [25, с. 6–8]. Собранный последними документальный комплекс дал возможность детально изучить основные этапы жизненного пути И.М. Ионенко и наглядно показать его не только как ученого и преподавателя, но и как человека и семьянина, мужа и отца.

Рецензируемая монография состоит из редакторского и авторского предисловий и восьми самостоятельных частей, в которых последовательно изложена основная канва всей биографии историка. Книга логично завершается библиографическим списком основных научных трудов И.М. Ионенко, который включает 101 пункт.

Первый раздел книги, озаглавленный «Становление историка» [25, с. 9–19], мысленно переносит читателя в Краснинский уезд Смоленской губернии начала XX в. – туда, где будущий историк родился и провел детство. Авторы показали, как социально-экономическая ситуация в стране в условиях эволюции капиталистических отношений и аграрных преобразований влияла на положение семьи Ионенковых, как отделение их на хутор создало напряжение в отношениях с крестьянами-общинниками, но в то же время предопределило выбор спутника жизни сыном главы семейства и отцом будущего профессора. Но даже в этих условиях, осложненных затем начавшейся мировой войной, последующими революционными событиями и неразберихой первых послереволюционных лет, Иван последовательно выполнял завет отца Михаила Фроловича Ионенкова – получал образование. Окончив девятилетнюю школу и Соболевский педагогический техникум, Иван Михайлович начал свой педагогический путь, став учителем, а затем – директором Базылевской школы колхозной молодежи.

Восхождение к новым высотам профессии началось с обучения в Ленинградском педагогическом институте, которому посвящен следующий раздел

книги [25, с. 20–30]. Здесь авторам удалось показать не только учебно-профессиональную повседневность молодого студента-историка, посещающего лекции Б.Д. Грекова и Е.В. Тарле, В.В. Мавродина, В.В. Струве и других известных преподавателей, участвующего в диспутах и общественной жизни института, но и уделить внимание его личной жизни. Авторы подробно рассказали о том, как Иван Михайлович познакомился со своей будущей супругой Ольгой Владимировной, как сложилась их семья, с какими трудностями им пришлось столкнуться, какие испытания пережить. В заключительной части раздела говорится о направлении молодого выпускника ЛГПИ на работу в Казанский педагогический институт, причем параллельно молодой историк успевал работать и учителем в средней школе № 19, что дало большой опыт работы с учениками, помогло ему полнее раскрыть свой талант и педагогические способности.

Начавшаяся война на время прервала профессиональный путь молодого преподавателя. Повествованию об этом этапе жизни посвящен раздел «Военные будни историка» [25, с. 31–48]. Авторы последовательно показали, как с первых дней и до конца Великой Отечественной войны Иван Михайлович находился в рядах Красной армии, пройдя боевой путь в составе сформированных в Казани воинских подразделений (сначала 208-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии, затем после ранения и излечения в пензенском госпитале – 4-го отделения штаба 334-й стрелковой дивизии), как «потерял» букву в своей фамилии – из *Ионенкова* стал *Ионенко*. На фронте, исполняя обязанности начальника отделения по использованию опыта войны оперативного отдела штаба 4-й Ударной армии, а позже управления Ленинградского и Прибалтийского фронтов, И.М. Ионенко в условиях непрекращающихся боев подготовил несколько томов журнала боевых действий армии (ЖБД1; ЖБД2; ЖБД3; ЖБД4; ЖБД5; ЖБД6; ЖБД7), составил описание ряда войсковых операций, начал работу над рукописью истории боевого пути 4-й Ударной армии. Полученный опыт анализа поступающих в его распоряжение оперативных документов армии, как справедливо отмечают авторы, пригодился в дальнейшем историку И.М. Ионенко при изучении истории Великой Отечественной войны, написании мемуаров «Нам жить и помнить» [26], а также в профессиональной работе над другими темами, в том числе при организации работы по сбору материалов, связанных с историей строительства Камского автомобильного завода в Набережных Челнах в 70-е гг. XX в.

Раздел, посвященный послевоенному обустройству и перспективам мирной жизни, получился в книге самым объемным [25, с. 53–108]. Последовательно показаны адаптация фронтовика к мирной жизни, возвращение в Казанский педагогический институт – теперь на должность декана исторического факультета, работа в Республиканской партийной школе. Наряду с профессиональной и общественной жизнью показана и семейно-бытовая сторона. Интересно, что большое внимание здесь авторы уделили научной работе И.М. Ионенко. С детальным документальным обоснованием и опорой на архивные материалы они показали сложный путь выбора и утверждения научной темы, подготовки и защиты кандидатской диссертации. В тексте этого раздела удачно сочетаются историографические заметки, характеризующие состояние изученности темы крестьянского революционного движения в Казанской губернии и новизну взглядов Ивана

Михайловича на нее, с материалами эпистолярного наследия ученого из его личного архива, раскрывающими повседневно-бытовую сторону процесса подготовки и защиты диссертации. Последнее представляется особенно актуальным в свете решения задачи изучения особенностей диссертационной культуры и процесса становления ученых-историков, развития их научного творчества через призму подготовки и защиты научно-квалификационных работ; указанная задача сегодня решается учеными на примере дореволюционного периода [27, с. 9] и далее, безусловно, будет реализоваться на советском материале.

Новому этапу жизни профессора И.М. Ионенко, в большей степени связанному с его работой в Казанском университете, куда он перешел в 1960 г., посвящены следующие три раздела монографии («Работа в Казанском университете – новые горизонты», «На гребне отечественной историографии», «Во главе кафедры») [25, с. 113–187]. В них представлена подробная информация о его лекционной, методической, общественной работе в стенах этого старейшего поволжского вуза. Значимая часть повествования отведена научно-исследовательской работе ученого – поиску и сбору материала в архивах, подготовке и публикации статей, работе над докторской диссертацией и монографиями, участию в научных конференциях и симпозиумах и т. п. При этом авторы не только рассмотрели событийную канву этой существенной стороны жизни профессора, но и – что особенно важно – раскрыли вклад И.М. Ионенко в изучение поднятых в его исследованиях тем с учетом состояния историографии того времени. Как справедливо отмечено в книге, работа в Казанском университете «открыла новый вектор жизни и научной деятельности ученого» [25, с. 148].

Здесь же показаны и формирование научной школы профессора, его работа с учениками – будущими профессорами и преподавателями Казанского (И.Р. Тагиров, В.Ф. Телишев, Н.А. Федорова и др.), Самарского (П.С. Кабытов, Н.Н. Кабытова) университетов и других вузов и научных учреждений Казани и Поволжья (А.А. Иванов, Е.Д. Румянцев, Р.С. Цейтлин, В.А. Шестаков и др.). Образ Учителя представлен многогранно – это не только опытный научный наставник, но и старший товарищ, оказывающий простую человеческую поддержку, которая иногда бывает так нужна ученикам.

Значимая часть повествования, что неудивительно, отведена еще одному важному делу жизни И.М. Ионенко – «Снежному десанту» Казанского университета. Это студенческое движение с первых дней поддерживалось и направлялось профессором, студенты историко-филологического факультета по его «наводке» взялись за изучение боевого пути 334-й стрелковой дивизии (ведь он сам – ветеран этой дивизии), затем – 69-й гвардейской дивизии, он помогал студентам-физикам разработать маршруты походов «Снежного десанта» по местам боев еще одной казанской дивизии – 146-й. Без преувеличения можно сказать, что развитие этого движения в стенах университета и других вузов Казани – во многом заслуга Ивана Михайловича, хотя, безусловно, ему помогали и его многочисленные ученики.

Последний раздел книги – «Личные дела профессора» [25, с. 188–209] – авторы посвятили анализу материалов эпистолярного наследия ученого, отложившихся в его внушительном личном архиве. В результате проведенного исследования

они установили, что архив включает более 500 писем, около 400 поздравительных открыток, а также многочисленные фотографии, пригласительные билеты и другие материалы за продолжительный период его жизни (с 1959 по 1989 г.). Воспользовавшись методом контент-анализа, авторы определили состав адресатов и адресантов (202 человека), группы обсуждаемых с ними тем (наука, учебно-воспитательная работа, издательская активность, межличностные отношения) и распределение этих тем по годам жизни. Подробно рассмотренная авторами переписка профессора И.М. Ионенко представляет большой интерес и с содержательной, и с методической точки зрения. Это исследование может стать своеобразной моделью для изучения других подобных материалов личного происхождения.

По сравнению с первым изданием книга стала более весомой в научном плане и существенно увеличилась в объеме. Многие разделы были дополнены и переработаны авторами, появился еще один (последний) раздел – один из интереснейших в книге, посвященный анализу содержания эпистолярного наследия ученого. В обозначенном контексте остается только приветствовать появление второго издания.

При всех озвученных выше достоинствах столь обширной работы, проделанной авторами, книга все же не лишена некоторых недостатков. Так, хотя большое внимание уделено преподаванию И.М. Ионенко в Республиканской партийной школе, как-то мало сказано о его работе в стенах Казанского педагогического института, где он не только преподавал, но и некоторое время исполнял обязанности декана исторического факультета. Вместе с тем представляется, что эта составляющая его жизни также весьма интересна с точки зрения и профессионального роста, и взаимодействия учителя с учениками. К сожалению, представленный в конце книги библиографический список трудов И.М. Ионенко включает не все его работы, а лишь, как заявлено авторами, «основные научные труды», тогда как исследователей (историков и историографов) может заинтересовать публикация полного списка работ ученого.

Завершая обзор публикации, следует отметить, что рецензируемое издание представляет большую ценность и обязательно найдет отклик у читателя. В результате проведенной авторами масштабной работы в книге представлен многогранный образ профессора-историка, много лет своей жизни отдавшего науке и ученикам, сформировавшего вокруг себя научную школу и оставившего заметный след в истории Казанского университета. Отраднo и то, что многогранность этого образа создается не только за счет достоверных и детальных сведений о его учебной и научной работе, но и благодаря освещению многих аспектов его личной жизни и внутреннего мира (ведь Иван Михайлович, как это показано авторами, любил не только историю, но и музыку, литературу и т. д.). Без преувеличения можно сказать, что представленная вниманию читателей книга П.С. Кабытова и Н.А. Федоровой, наряду с научно-исследовательской, успешно выполнит и коммеморативную функцию, сохраняя и передавая будущим поколениям студентов, аспирантов и ученых память о выдающемся профессоре Казанского университета – Иване Михайловиче Ионенко.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Выставка – Посвященная 110-летию со дня рождения Ивана Ионенко выставка открылась в КФУ. URL: <https://media.kpfu.ru/news/otkrytie-vystavki-3>, свободный.
- ЖБД1 – Журнал боевых действий 4-й Ударной армии. 01.01.1944–28.01.1944 // ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 310. 64 л.
- ЖБД2 – Журнал боевых действий №3 штаба 4-й Ударной армии. 06.03.1944–15.06.1944 // ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 312. 196 л.
- ЖБД3 – Журнал боевых действий №6 4-й Ударной армии. 16.06.1944–12.09.1944 // ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 313. 310 л.
- ЖБД4 – Журнал боевых действий 4-й Ударной армии за июль месяц 1944 г. 01.06.1944–30.06.1944 // ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 237. 142 л.
- ЖБД5 – Журнал боевых действий 4-й Ударной армии за август месяц 1944 г. 01.08.1944–31.08.1944 // ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 249. 41 л.
- ЖБД6 – Журнал боевых действий 4-й Ударной армии за сентябрь месяц 1944 г. 01.09.1944–30.09.1944 // ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 267. 87 л.
- ЖБД7 – Журнал боевых действий 4-й Ударной армии за октябрь месяц 1944 г. 01.10.1944–31.10.1944 // ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 277. 91 л.

Литература

1. *Рохас К.А.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. 163 с.
2. *Цыганков Д.А.* В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 256 с.
3. *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011. 191 с.
4. *Модестов В.И.* Воспоминания, письма / Сост. А.Е. Иванов, В.С. Шандра. М.: Принципиум, 2014. 415 с.
5. *Савин А.Н.* Университетские дела: дневник 1908–1917 / Отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 523 с.
6. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете / В.В. Астафьев, Д.М. Галиуллина, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 180 с.
7. И.Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): сб. материалов / Т.В. Ковальченко, Т.А. Круглова, А.Е. Шикло. М.: РОССПЭН, 2004. 519 с.
8. «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курашова. М.: РГГУ, 2013. 822 с.
9. *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука: середина 1940-х – 1953 г. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
10. *Сидорова Л.А.* Советские историки: духовный и научный облик. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 246 с.
11. Население и территория России: история и современность [материалы Международного научного форума «Поляковские чтения»] / Отв. ред. В.Б. Жиромская, Ю.А. Петров. М.; Самара: ИРИ РАН, 2017. 623 с.
12. Творческое наследие академика И.Д. Ковальченко: взгляд из XXI века (к 100-летию со дня рождения ученого). Материалы междунар. науч. конф. VII научные чтения

- памяти академика И.Д. Ковальченко / Отв. ред. С.П. Карпов, Л.С. Белоусов. СПб.: Алетейя, 2024. 308 с. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 259. Сер. II: Исторические исследования, 179).
13. История Казанского университета. 1804–2004 / Гл. ред. И.П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 651 с.
 14. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 498 с.
 15. Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани, 1863–1917 гг. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 287 с.
 16. Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: материалы всероссийской науч. конф. с междунар. участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета, Казань, 27–29 ноября 2014 г. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Яз, 2014. 427 с.
 17. В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сб. научных статей / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 375 с.
 18. Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи: сб. статей и сообщений / Сост. и отв. ред. Л.П. Репина, Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2022. 384 с.
 19. Кабытов П.С. Федорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2023. 144 с.
 20. Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1962. xiv, 428 p.
 21. Кабытов П.С. И.М. Ионенко – историк Октябрьской революции // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1973. С. 214–221.
 22. Кабытов П.С., Шестаков В.А. Творческий путь И.М. Ионенко // Крестьянство Поволжья в Октябрьской революции и Гражданской войне: межвуз. сб. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1983. С. 150–156.
 23. Федорова Н.А., Телишев В.Ф. Иван Михайлович Ионенко, 1913–1989 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 36 с.
 24. Кабытов П.С. Казанский историк профессор Иван Михайлович Ионенко // Изв. вузов. Поволжский регион. Гуманит. науки. 2013. № 2. С. 35–42.
 25. Кабытов П.С., Федорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024. 224 с.
 26. Ионенко И.М. Нам жить и помнить: записки штабного офицера. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 190 с.
 27. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. Опыт и практики подготовки и защит диссертаций. XIX – начало XX в. / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 462 с.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Бушуев Алексей Сергеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории им. Ш. Марджани

Академия наук Республики Татарстан

ул. Батурина, д. 7, г. Казань, 420111, Россия

E-mail: a.bushuev81@gmail.com

R E V I E W

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.94-104

Professor I.M. Ionenko's Personality and Destiny in the Context of His Times

[Review: Kabytov P.S., Fedorova N.A. Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: His Personality and Times. 2nd ed., revis. and expanded. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2024. 224 p. (In Russian)]

*A.S. Bushuev**Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, 420111 Russia**E-mail: a.bushuev81@gmail.com*

Received July 20, 2024; Accepted September 20, 2024

Abstract

This article reviews the second (revised and expanded) edition of the book “Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: His Personality and Times” by P.S. Kabytov and N.A. Fedorova, with a detailed analysis of its main sections, which trace I.M. Ionenko's life path, pedagogical and scholarly experience, public work, personal life, and relationships with students. The relevance of the book is discussed in the context of current historiographical trends. The key strengths of the book are highlighted, including its credibility, quality and diversity of the source materials used, thorough reconstruction of the pivotal moments in the life of the researcher, and precise definition of the role his works played in the development of Russian historiography. Therefore, the book offers valuable insights into the life of Professor I.M. Ionenko of Kazan Federal University and is a meaningful contribution to preserving the corporate memory of historians over time.

Keywords: I.M. Ionenko, Kazan University, biography, professor

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Rojas C.A. *Istoriografiya v XX veke. Istoriya i istoriki mezhdu 1848 i 2025 godami* [Historiography in the 20th Century. History and Historians between 1848 and 2025]. Moscow, Krug”, 2008. 163 p. (In Russian)
2. Tsygankov D.A. *V.I. Ger'e i Moskovskii Universitet ego epokhi (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [V.I. Guerrier and Moscow University in His Era (Second Half of the 19th–Early 20th Centuries)]. Moscow, PSTGU, 2008. 256 p. (In Russian)
3. Korzun V.P. *Professorskaya sem'ya: otets i syn Lappo-Danilevskie* [Professorial Family: Father and Son Lappo-Danilevsky]. St. Petersburg, Aleteiya, 2011. 191 p. (In Russian)
4. Modestov V.I. *Vospominaniya, pis'ma* [Memoirs, Letters]. Moscow, Printsipium, 2014. 415 p. (In Russian)
5. Savin A.N. *Universitetskie dela: dnevnik 1908–1917* [University Affairs: A Diary of 1908–1917]. Gladkov A.K. (Ed.). Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2015. 523 p. (In Russian)
6. Astaf'ev V.V., Galiullina D.M., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Izuchenie i prepodavanie otechestvennoi istorii v Kazanskom universitete* [Studying and Teaching Russian History at Kazan University]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2003. 180 p. (In Russian)
7. Koval'chenko T.V., Kruglova T.A., Shiklo A.E. *I.D. Koval'chenko. Nauchnye trudy, pis'ma, vospominaniya (iz lichnogo arkhiva akademika): sb. materialov* [I.D. Kovalchenko. Scholarly Works, Letters, Memoirs (From the Academician's Personal Archive): A Collection of Materials]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 519 p. (In Russian)

8. Pivovarov E.I. (Ed.) “...*I muchilas', i rabotala neveroyatno*”: *Dnevnik M.V. Nechkinoi* [“...I Suffered and Worked Relentlessly”: M.V. Nechkina's Diaries]. Moscow, RGGU, 2013. 822 p. (In Russian)
9. Tikhonov V.V. *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka: serebina 1940-kh – 1953 g.* [Ideological Campaigns under “Late Stalinism” and Soviet Historical Scholarship (Mid-1940s–1953)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2016. 424 p. (In Russian)
10. Sidorova L.A. *Sovetskie istoriki: dukhovnyi i nauchnyi oblik* [Soviet Historians: Their Spiritual and Scholarly Profile]. Moscow, IRI Ross. Akad. Nauk, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2017. 246 p. (In Russian)
11. Zhiromskaya V.B., Petrov Yu.A. (Eds.) *Naselenie i territoriya Rossii: istoriya i sovremennost' (materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma “Polyakovskie chteniya”)* [Population and Territory of Russia: History and Contemporary Period (Proc. Int. Sci. Forum “Polyakov's Lectures”)]. Moscow, Samara, IRI Ross. Akad. Nauk, 2017. 623 p. (In Russian)
12. Karpov S.P., Belousov L.S. (Eds.) *Tvorcheskoe nasledie akademika I.D. Koval'chenko: vzglyad iz XXI veka (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo). Materialy mezhdunar. nauch. konf. VII nauchnye chteniya pamyati akademika I.D. Koval'chenko* [Academician I.D. Kovalchenko's Legacy: A 21st Century Perspective (On the 100th Anniversary of the Scholar's Birth). Proc. Int. Sci. Conf. VII Scholarly Lectures in Memory of Academician I.D. Kovalchenko]. St. Petersburg, Aleteiya, 2024. 308 p. (*Trudy istoricheskogo Fakul'teta MGU* [Proceedings of MSU Faculty of History]. Vol. 259. Ser. II: Historical Studies. Vol. 179). (In Russian)
13. Ermolaev I.P. (Ed.) *Istoriya Kazanskogo universiteta. 1804–2004* [History of Kazan University. 1804–2004]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2004. 651 p. (In Russian)
14. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis. Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis. Two Centuries of University Culture in Kazan]. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2005. 498 p. (In Russian)
15. Bushueva L.A. *Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani, 1863–1917 gg.* [Everyday Life of a Kazan University Professor, 1863–1917]. Kazan, Tsentr Innov. Tekhnol., 2012. 287 p. (In Russian)
16. Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. (Eds.) *Universitetskaya korporatsiya: pamyat', identichnost', praktiki konsolidatsii: materialy vsrossiiskoi nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashchennoi 210-i godovshchine osnovaniya Kazanskogo universiteta, Kazan, 27–29 noyabrya 2014 g.* [University Corporation: Memory, Identity, and Consolidation Practices. Proc. All-Russ. Sci. Conf. with International Participation Dedicated to the 210th Anniversary of Kazan University, Kazan, November 27–29, 2014]. Kazan, Yaz, 2014. 427 p. (In Russian)
17. Myagkov G.P. (Ed.) *V.K. Piskorskii i razvitie nauki vseobshchei istorii v Rossii: sb. nauchnykh statei* [V.K. Piskorsky and the Development of World History Studies in Russia: A Collection of Scholarly Articles]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2019. 375 p. (In Russian)
18. Repina L.P., Myagkov G.P. (Eds.) *Mogushchestvo pamyati: vseмирnaya istoriya i ee issledovateli: sb. statei i soobshchenii* [The Power of Memory: World History and Its Researchers: A Collection of Articles and Reports]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2022. 384 p. (In Russian)
19. Kabytov P.S., Fedorova N.A. *Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: lichnost' i vremya* [Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: His Personality and Times]. Samara, Samar. Gumanit. Akad., 2023. 144 p. (In Russian)
20. Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 1962. xiv, 428 p.
21. Kabytov P.S. I.M. Ionenko, a historian of the October Revolution. In: *Voprosy otechestvennoi i vseobshchei istorii* [Problems of Russian and World History]. Kuibyshev, Kuibyshev. Gos. Univ., 1973, pp. 214–221. (In Russian)
22. Kabytov P.S., Shestakov V.A. The career path of I.M. Ionenko. In: *Krest'yanstvo Povolzh'ya v Oktyabr'skoi revolyutsii i Grazhdanskoi voine: mezhvuz. Sb.* [The Peasant Class of the Volga Region during the October Revolution and the Civil War: An Interuniversity Collection of Scholarly Articles]. Kuibyshev, Kuibyshevs. Gos. Univ., 1983, pp. 150–156. (In Russian)
23. Fedorova N.A., Telishev V.F. *Ivan Mikhailovich Ionenko, 1913–1989 gg.* [Ivan Mikhailovich Ionenko, 1913–1989]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2002. 36 p. (In Russian)

24. Kabytov P.S. Ivan Mikhailovich Ionenko, a Kazan historian and professor. *Izvestiya Vuzov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2013, no. 2, pp. 35–42. (In Russian)
25. Kabytov P.S., Fedorova N.A. *Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: lichnost' i vremya* [Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: His Personality and Times] Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2024. 224 p. (In Russian)
26. Ionenko I.M. *Nam zhit' i pomnit': Zapiski shtabnogo ofitsera* [We Live and Remember: Notes of the Staff Officer.]. Kazan, Tatar. Book. Publ., 1988. 190 p. (In Russian)
27. Alevras N.N., Grishina N.V. (Eds.) *Dissertatsionnaya kul'tura rossiiskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva. Opyt i praktiki podgotovki i zashchit dissertatsii (XIX – nachalo XX v.)* [The Culture of Dissertation Research in the Russian Historical and Scholarly Community: Experience and Practices of Writing and Defending Dissertations. 19th–Early 20th Centuries]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022. 464 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Бушув А.С. Личность и судьба профессора И.М. Ионенко в контексте его времени [Рец. на кн.: Кабытов П.С., Федорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024. 224 с.] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 94–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.94-104>. ⟩

⟨ **For citation:** Bushuev A.S. Professor I.M. Ionenko's personality and destiny in the context of his times [Review: Kabytov P.S., Fedorova N.A. Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: His Personality and Times. 2nd ed., revis. and expanded. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2024. 224 p. (In Russian)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 94–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.94-104>. (In Russian) ⟩

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470.341)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.105-120

ГРОБНИЦА КУЗЬМЫ МИНИНА В ИСТОРИОГРАФИИ XVIII СТОЛЕТИЯ

А.А. Кузнецов

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 603022, Россия*

Аннотация

Статья посвящена формированию в XVIII в. представления о могиле Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода. Связанным с ним оказался сюжет о поклонении ей императора Петра I. В соединении эти два нарратива дали начало еще одному важному для российской социокультурной идентичности сюжету. Методика исследования строится на презумпции размытости границы между доакадемическим историописанием и академической исторической наукой. Методы исследования включают источниковедение историографии, текстологию. В создании представления о могиле Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе важную роль сыграли перечень захоронений в нем и список для поминаний в Синодике этого собора. Следствием их контаминации стала предпосылка умозаключения о могиле Кузьмы Минина. Впервые оно было сформулировано в тексте полковника А.И. Свечина в 1765 г. Вторично оно появилось в труде историка И.И. Голикова под влиянием нижегородского епископа Дамаскина и было закреплено поэтическим текстом Н.С. Ильинского. У И.И. Голикова и Н.С. Ильинского образ могилы Кузьмы Минина связан с сценой поклонения ей Петра I. Энтузиасты И.И. Голиков, Н.С. Ильинский опирались на профессиональное исследование Г.Ф. Миллера.

Ключевые слова: историография, гробница Кузьмы Минина, Петр I, Нижний Новгород, Спасо-Преображенский собор, Синодик, А.И. Свечин, Г.Ф. Миллер, И.И. Голиков, Н.С. Ильинский

Символика социокультурной идентичности России формируется на протяжении всего ее становления с Древней Руси до нашего времени. Наряду с профессиональными историками лепту в данный творческий процесс вносят и многие другие акторы. Особенно отчетливо это заметно в XVIII – начале XIX в., когда историческое знание трудами В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина подвигалось к академической кристаллизации. И важными участниками такого процесса выступали подвижники-энтузиасты постижения истории на местах, что было убедительно показано А.А. Севастьяновой [1]. Любители своей страны и ее истории не могли представить полноценную

верифицированную реконструкцию прошлого: не хватало подготовки, не хватало источников... Этот недостаток они компенсировали творческим подходом. Одним из результатов такой деятельности стало формирование знаковых для культуры России образов, событий, мест. Исследованию процесса складывания сюжета о могиле Кузьмы Минина и связанному с ним другому сюжету о поклонении ей Петра I посвящена настоящая статья.

Работы автора по историческому аспекту формирования представления о могиле Кузьмы Минина представлены в книге об этом народном герое [2]. В силу историографического характера настоящего исследования тексты историописания XVIII в. отнесены к историческим источникам.

При ревизии лесов Казанского адмиралтейства в 1765 г. подполковник А.И. Свечин (в том же 1765 г. произведен в полковники), кроме выполнения своих прямых обязанностей, описывал посещенные им места и города. Уделил он внимание и Нижнему Новгороду. Применительно к Спасскому собору А.И. Свечин указал: «...во оной церкви погребены тела нижегородских же великих князей 8 и две великие княгини, да... Кузьмы Минича и сына его Мефодия Кузмича» (Свеч., с. 59). Это первое сведение о могилах Кузьмы Минина и его сына в кафедральном соборе Нижнего Новгорода было обнаружено в книге, посвященной Кузьме Минину, в 2017 г. [2, с. 83–84, 151, прим. 362¹]; в 2018 г. «Описание» А.И. Свечина опубликовано целиком (Свеч.).

Упомянутое прямое свидетельство не может безоговорочно использоваться как безусловный источник о погребении Кузьмы Минина в нижегородском Спасо-Преображенском соборе XVII в. по нескольким причинам. Не существует ни одного источника ранее 1765 г. о гробницах Кузьмы Минина и его сына в главном городском храме 1652 г. постройки, и нет вообще ни одного источника о захоронении Кузьмы Минина где-либо в связи с его смертью в 1616 г. по дороге из Казани в Москву (Изб., с. 362–363) (да и о дате смерти Кузьмы Минина до 1836 г. не было известно). И появление на фоне подобного молчания полтора века спустя после смерти народного героя указания на его могилу требует объяснения или хотя бы установления источника, которым пользовался А.И. Свечин. А потому «отсутствие возможности натурно-демонстрационного знакомства с источником [в данном случае – источником информации А.И. Свечина] в большей степени свидетельствует о его подложности, чем о подлинности» [3, с. 623]. Нет и возможности натурно-демонстрационного знакомства с могилой Кузьмы Минина в соборе XVII в. Он был разобран, и на его месте к 1834 г. возвели новый храм (уничтожен в 1929 г.); изображений могилы Кузьмы Минина в соборе XVII в. тоже не существует. Еще одну причину для скепсиса дает текстология. Триema листами (архивной пагинации) ранее сведения о могилах нижегородских князей, княгинь, отца и сына Мининых А.И. Свечин писал про некрополь того же храма: «Церковь сия изрядного виду... <...> В ней погребены тела нижегородских великих князей 8 и одна великая княгиня» (Свеч., с. 55–56) – и всё; а захоронения Кузьмы Минина и Мефодия Кузмича не упоминаются (в настоящей статье вопрос о достоверности сообщения о храмовых захоронениях князей и княгинь не рассматривается).

¹ При публикации ошибочно указаны листы источника 836 об.–837 вместо правильных 836–836 об.

Условно обозначим варианты сообщений А.И. Свечина о захоронениях в Спасо-Преображенском соборе: *вариант № 1* – 8 великих князей и 1 великая княгиня (всего 9); *вариант № 2* – к ним добавлены еще 1 княгиня (всего 10) и Кузьма Минин с сыном. Варианты некрополей в Спасо-Преображенском соборе в «Описании» А.И. Свечина разделяет блок информации о Нижнем Новгороде, преимущественно исторической. Примечателен фрагмент: «Как в 1598-м году по кончине царя и великого князя Феодора Иоанновича и со времени Годунова от Гришки Расстриги, от Болотникова, Тушинского, Соловьяникова, Салкова и неизвестного такового же бунтовщика с помощью подьячего Петрушки Рукина и протчих происходили чрезвычайные метежи, а наконец, чрез выбор на царство Владислава сына Жигдиманта, короля Полского великое число войско под командою гетмана Желтоводского, раззоря многие города и Москву, оной овладели. Тогда сего города торгующей мясом купец Козма Минич с сыном своим Мефодием разумными и ревностными к защищению отечества предложениями в такое чувствительное сожаление и усердность нижегородцов привели...» (Свеч., с. 57–58). Приведенный текст встречается лишь у А.И. Свечина и не обнаруживается в источниках по истории Смутного времени.

Более половины этого путаного повествования посвящено Кузьме Минину. Он оказывается главным нижегородским героем эпохи Смуты. Вместе с ним фигурирует и его сын Мефодий, удостоенный погребения рядом с отцом, поскольку они вместе подняли нижегородцев на подвиг. Ни А.И. Свечин, ни его возможный нижегородский информатор в первой половине 60-х годов XVIII в. не могли знать того, что почти с математической точностью было доказано в 2012 г.: Нефед Минин родился в июне 1601 г. [4, с. 164]. Иными словами, на момент воззвания Кузьмы Минина осенью 1611 г. Мефодию было 10 лет. И этот отрок «разумными и ревностными к защищению отечества предложениями в такое чувствительное сожаление и усердность» приводил нижегородцев? Тех нижегородцев, что совершили, преодолев невзгоды и врагов, поход до Астрахани и обратно в 1606–1609 гг., что отбивались от тушинцев и болотниковцев в декабре 1608 г., а потом освобождали от них округу в радиусе 100–200 км, что разбили в 1609 г. непобедимого до того Лисовского и пр. [5, с. 228–234].

Нижегородский историко-событийный контекст 1606–1610 гг. демонстрирует недостоверность сведения о совместном призыве Кузьмы Минина и его сына – сведения, текстуально связанного с известием того же источника XVIII в. об их погребении в XVII в. в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода (*вариант 2*). В свою очередь, это известие XVIII в. имеет в том же источнике «антипод» – *вариант 1*, где нет информации о Мининых. Встреченное А.И. Свечиным упоминание (или принятое за него) могилы Мефодия Минина рядом с могилой отца в Спасо-Преображенском соборе потребовало объяснения в виде придумывания неподтвержденной уникальной информации о доблестном поведении Мефодия осенью 1611 г.

Такое вольное обращение с фактами соответствует авторской манере А.И. Свечина. Он сам честно сообщил, как составлял свое описание: «...прибавя и краткое гисторическое описание с наблюдением тех мест разных изобилиев, яко то в плодородии хлеба, скота, пчел, зверей, птиц, художеств и торгов,

что собрать успел»; «Хотя я желание мое и имел, дабы о владеющих в сем граде великих князьях, кто после кого был с показанием знатных дел, времен и лет их, также кратко описать, но по неимению ни времени, ни книг, ни подлежащих справок, оставляю для упражняющихся в сих делах охотников, кои недостаток сей трудами своими дополнить могут» (Свеч., с. 33, 58–59).

Спешка, «всеядность» в источниках информации и отсутствие историографического – даже на уровне XVIII в. – профессионализма определили появление ошибок в исторической информации А.И. Свечина по Нижнему Новгороду. Гетман *Желтоводский* заместил реального гетмана **Жолкевского**; князь Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо) (1154–1212), по А.И. Свечину, скончался в 6621 г. (1112/1113 г.); а его сын Георгий (Юрий Всеволодович) (1188–1238) в 6708 г. (1200/1201 г.) основал Нижний Новгород (в действительности в 1221 г.), поскольку Городец, где он правил, беспокоила *горная черемись* (марийцы – чего нет в источниках), а в 6755 г., то есть в 1247/1248 гг. (после своей реальной смерти) князь Георгий заложил Спасо-Преображенский собор (Свеч., с. 55). В информации А.И. Свечина угадывается знакомство с нижегородскими реалиями, например, по замене гетмана Жолкевского на привычное для нижегородского уха слово «Желтоводский» (Макарьевский монастырь).

Сообщение А.И. Свечина о погребении Кузьмы Минина и его сына в Спасо-Преображенском соборе (*вариант 2*) компрометируется не только помещением его в сонм достоверных и недостоверных сведений по нижегородской истории, дат от сотворения мира и от Рождества Христова, но и «нейтрализуется» информацией о погребенных там же князьях и княгинях, но без отца и сына Мининых (*вариант 1*). Поэтому нельзя использовать «нижегородскую» часть «Описания» А.И. Свечина как достоверный источник по погребениям Кузьмы и Мефодия Мининых в XVII в. без серьезного доказательства ее достоверности, без учета массы искажений исторической реальности в документе и без аргументированного отвода *варианта 1* (либо надо переписывать историю Нижнего Новгорода с принятием всех сведений «Описания», в том числе и о могилах Мининых).

Источниковедческий анализ свидетельствует о том, что *вариант 2* (да и вся историческая «нижегородская» часть описания А.И. Свечина) – это исторический источник по представлениям второй половины XVIII в. об истории XVII в., но не по самой истории и биографиям Кузьмы и Мефодия Мининых. Именно эти представления и были почерпнуты в Нижнем Новгороде А.И. Свечиным и приведены им с наивным доверием.

Обнаруживается единый источник двух списков погребений нижегородского Спасо-Преображенского собора XVII в. в «Описании» А.И. Свечина – Синодик Спасо-Преображенского собора Нижнего Новгорода (далее – СИН), создававшийся в 1680–1715 гг. [6, с. 89, 104, прим. 25]. Хотя жанр синодика предполагает перечень имен для поминовения, СИН начат «описанием гробов и имен благоверных и великих князей, и благоверных великих княгинь, и чад их: их же гробы суть, и тела погребены, в Нижнем Нове граде, в соборной церкви, боголепного преображения господа нашего Иисуса Христа» (Син., л. 2–3). Указаны погребения 8 князей и 2 княгинь, но нет гробниц Кузьмы и Мефодия Мининых.

СИН содержит отдельный от «*гробного*» перечня обширный список нижегородских князей для *поминовения*. После приведенных для поминовения имен

патриархов, великих князей и царей, цариц, царевичей, царевен, митрополитов московских и всея Руси, великих князей всея Руси, великих княгинь, нижегородских митрополитов следует список «Великих князей Нижегородских» (7 князей и 2 княгини). В части князей и княгинь он идентичен списку «гробов» первых листов СИН, но сразу после имени Вассы-Феодоры запись продолжена именами «Космы» и «Мефодия» (Син., л. 52 об.). Это, несомненно, Кузьма Минин и его сын Мефодий, поскольку в СИН еще приведен – для поминовения – известный науке «род думного дворянина Космы Минича. Дано по душе его, и породителей его к Сп(а)су на вечное помяновение, в Большом шапочном ряду лавка о два замка: Космы... Мефодия...» (Син., л. 74).

Составители СИН создали поминальный перечень, в котором помимо нижегородских князей, княгинь есть упоминание и Кузьмы, Мефодия Мининых. Указание последних в поминальной части СИН отнюдь не свидетельствует об их погребении в храме XVII в., поскольку туда же кроме них внесены великие князья и княгини, цари и царицы, митрополиты и патриархи, митрополиты местные, большое количество нижегородцев, роды нижегородского духовенства и пр. (на 200 листах, включая обороты). И при реальности существования там гробницы Кузьмы Минина, а значит, и погребений всех лиц, указанных в СИН, не хватило бы не только собора, но и всей территории Нижегородского кремля. Упоминание Мефодия Минина в помяннике СИН, читавшегося в XVIII в., предопределило и его упоминание в связке с «могилой» отца.

В СИН текстуально сблизилась Кузьма, Мефодий Мининые и некрополь Спасо-Преображенского собора, вследствие чего возникли предпосылки для «обретения» в упомянутом храме могилы Кузьмы Минина. Помянник, где названы Кузьма и Мефодий Мининые, показался А.И. Свечину тождественным списку могил. Повторение в помяннике СИН княжеских имен из списка «гробов» того же СИН с добавлением Космы и Мефодия, которые поминаются еще и отдельно, вело к типичной палеографической ошибке чтения – «прыжку от сходного к сходному» [7, с. 74]; создавало иллюзию, что и во втором случае – помяннике – тоже читается список «гробов», что Мининых «дохоронили» к князьям. А.И. Свечину оставалось лишь предложить рассказ о подвигах Кузьмы и Мефодия Мининых в 1611 г., чтобы объяснить включение могил Мининых в княжеский некрополь собора. Иными словами, прочитав в начале СИН «список гробов», автор «Описания» посчитал последующий список поминовения уже знакомых ему нижегородских князей, продленный именами «Космы и Мефодия», перечнем «гробов», произведя контаминацию последнего и помянника СИН. Замечание полковника о могилах отца и сына Мининых, текстуально зависимое от СИН, восходящее к нему, будучи **результатом недоразумения**, теряет статус источника по проблеме могилы Кузьмы Минина вообще. Поскольку текст А.И. Свечина, оставаясь неизвестным в течение двух с половиной веков, не повлиял на формирование исторического знания, контаминация произошла позднее и независимо от автора «Описания».

Следующее упоминание могилы Кузьмы Минина в нижегородском Спасо-Преображенском соборе встречается в труде И.И. Голикова (1734–1801) «Дополнения к Деяниям Петра Великого» (изд. 1790 г.) и связано с предшествующим

текстом того же автора – «Деяниями Петра Великого». Оба труда предопределили противоречивое складывание сюжета «Петр I и Кузьма Минин». Он связан с посещением царем Нижнего Новгорода в 1722 г., во время Персидского похода.

В «Деяниях Петра Великого» (первое изд. 1789 г.) указывалось, что Петр I в Нижнем Новгороде «осмотрел все примечания достойное», в том числе и Спасский собор во время службы, а на следующий день у губернатора «за столом... не оставил спросить о потомках славного и заслугами к Отечеству имянитого сего града гражданина Козмы Минина; изъявил сожаление свое, что никого от роду его не осталось» (конкретные даты не указаны). И в данном контексте *могла Кузьмы Минина не фигурировать*. В примечании к приведенному рассказу И.И. Голиков сообщил, что сведения получены «от господина Соймонова»² (ГДПВ8, с. 176–179), который командовал эскадрой в Персидском походе Петра I в 1722–1723 гг. (ПВ, с. 569–590). В начале 70-х годов XVIII в. он готовил книгу о Петре I, собирал для нее источники [1, с. 72–73]. И вот он, непосредственный участник и историк событий 1722–1723 гг., сообщил И.И. Голикову лишь о беседе и сожалении Петра I о том, что род Минина прервался.

Время пребывания Петра I в Нижнем Новгороде по «Деяниям Петра Великого» определяется лишь приблизительно: приведены даты нахождения царя в Москве и прибытия его в Казань – 17 мая и 7 июня соответственно (ГДПВ8, с. 175, 179, 180); между ними были дорога в Нижний Новгород и Казань, пребывание царя в самом Нижнем Новгороде. На это время выпадал день рождения Петра I – 30 мая, что, впрочем, в книге не отразилось, хотя И.И. Голиков и оспорил приведенный в «Описании Каспийского моря»³ факт прибытия Петра I в Казань 27 мая и датировал его июнем, что было подтверждено другими источниками о пребывании царя в Нижнем Новгороде.

Второй нарратив И.И. Голикова о визите Петра I в Нижний Новгород в 1722 г. читается в томе другого его монументального сочинения «Дополнения к Деяниям Петра Великого». Несмотря на то, что по названию «Дополнения...» связаны с «Деяниями...» и посвящены Петру I, они оказываются принципиально иным текстом. Это важное обстоятельство следует учесть при выборе изданий трудов И.И. Голикова для историографического исследования. Во втором издании обоих упомянутых сочинений в 1838–1840 гг. публикаторы их объединили: «Дополнения печатаются вслед за теми годами Деяний, к которым они относятся» (ГДДДПВ12, с. III). Так, использование второго издания И.И. Голикова при рассмотрении вопроса о могиле Кузьмы Минина в книге, одним из соавторов которой являлся автор настоящей статьи, привело к погрешностям [2, с. 94–96].

В «Дополнениях к Деяниям Петра Великого» рассказ о пребывании царя в Нижнем Новгороде целенаправленно предварен следующими сведениями: 1) Кузьма Минин в 1613 г. пожалован думным дворянином и введен в Думу; 2) в 1616 г. он по нездоровью и нежеланию подвергаться нападкам вельмож отпросился у царя и удалился в Нижний Новгород, где и быстро умер (так как исто-

² Ф.И. Соймонов (1692 (1693)–1780) – государственный деятель, один из крупнейших гидрографов России XVIII в.

³ Труд Ф.И. Соймонова «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого» (СПб.: При Имп. Акад. наук, 1763. 380 с.).

рик Г. Миллер установил дату кончины – 1616 г.); 3) вследствие признательности первых Романовых Кузьме Минину его тело (а потом и тело сына Мефодия) погребено вместе с нижегородскими князьями, и он поминался (вместе с Мефодием) на вселенских панихидах. Согласно рассказу в «Дополнениях...», Петр I в день своего рождения – 30 мая 1722 г. – служил литургию в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода и просил показать ему могилу Кузьмы Минина, царь поклонился ей – «на сем месте лежит спаситель и освободитель России»; «истина сего происшествия» «от отцов детям предается и поныне». В примечании указывалось: *предание* сообщено епископом Нижегородским Дамаскиным (ГТДПВ2, с. 380–384).

Дамаскин – Дмитрий Семенович Руднев (1737–1795), уроженец тульской земли, выпускник Крутицкой семинарии, Славяно-греко-латинской академии и Геттингенского университета. Его карьера до 1783 г. развивалась преимущественно в Санкт-Петербурге, Москве и Подмоскowie. В 1783–1794 гг. он – епископ Нижегородский и Алатырский [8; 9]. Был подписан на «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова [10, с. 4], именно поэтому в 1789 г. (дата выхода «Дополнений...») Дамаскин, вдохновленный «нижегородскими» страницами «Деяний...», постарался найти дополнительную информацию о пребывании Петра I в Нижнем Новгороде и обрел *предание* о его речи над *могилой Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе*, а затем сообщил его И.И. Голикову. Важным обстоятельством является то, что епископ Дамаскин – сторонний для нижегородской земли человек, как и А.И. Свечин. В двух близких по времени создания трудах И.И. Голикова, как и в «Описании» А.И. Свечина, содержатся два взаимоисключающих сведения о могиле К. Минина.

В *первом* сведении нет информации о могиле Кузьмы Минина и о том, что Петр I поклонился ей в Спасском соборе, текстуально гробница избыточна в сюжете интереса царя, проявленного к потомкам Кузьмы Минина. Это умолчание о его могиле (которое можно понять как отрицание ее наличия) подтверждается как синхронными по отношению к пребыванию Петра I в Нижнем Новгороде с 26 по 30 мая 1722 г., так и отдаленными по времени источниками о визите императора. К ним относятся Походный журнал 1722 г. царя Петра I, Отписка архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря, Новый Нижегородский летописец (XVIII в.) (ПЖ22, с. 138–139; ОФ, с. 88; ННЛ, с. 652) [2, с. 187–188, 203, прим. 5–8]. Первые два источника датируются 1722 г.; Новый нижегородский летописец по содержанию относится к 60-м годам XVIII в., а по палеографии – к концу XVIII в. (ННЛ, с. 703, прим. 80). Два источника о посещении Петром I Нижнего Новгорода возникли «по горячим следам», в тот же год, а третий – современник-«конкурент» *преданию* от Дамаскина. Походный журнал «молчит» о посещениях царем Спасо-Преображенского собора в 1722 г. (лишь косвенное упоминание обедни 27 мая предполагает присутствие царя в храме) (ПЖ22, с. 138–139). Новый Нижегородский летописец и Отписка Филарета сообщают о присутствии Петра на службах в храме – 27 и 30 (с подчеркиванием дня рождения царя и, по Отписке, – дня памяти Исаакия Далматского (30 мая)), но не знают сюжета «Петр I и могила Минина».

Второе же сведение И.И. Голикова является литературно завершенным *преданием* с оригинальными деталями от не-нижегородца Дамаскина. Отстоящее

на 68 лет от визита императора, оно противоречит «молчанию» о могиле Кузьмы Минина близкого по времени Нового Нижегородского летописца и уже по этой причине требует проверки истинности сюжета о посещении упомянутой могилы Петром I. Этот сюжет объединил два оригинальных, не встречавшихся в источниках до 1790 г. известия – о могиле Кузьмы Минина (через 175 лет после его смерти)⁴ и произнесенной над ней речи Петра I (через 68 лет после визита царя). И (важная деталь!) во *втором* сведении фигурирует поминовение Кузьмы Минина вместе с нижегородскими князьями – лейтмотив, идущий от СИН.

И.И. Голиков текстом 1790 г. бескомпромиссно заменил свой прежний текст 1789 г. и объяснил это в предисловии «Дополнений к Деяниям Петра Великого» тем, что использовал материалы, присланные ему читателями, и не претендует на их авторство и «славу историка» (ГДДПВ1, с. I, V)⁵. И.И. Голиков признавал, что никакой критической проверки их он не проводил. Это обстоятельство и указание на информатора епископа Дамаскина, бывшего «пренумерантом» (подписчиком) «Деяний Петра Великого» позволяют считать *предание* текстом, вышедшим из-под пера владыки или его ближнего окружения. Более того, целый ряд деталей свидетельствует о том, что И.И. Голиков еще и, «отшлифовав», развернул полученную информацию в пространное повествование. Такое творческое предпочтение, отданное *преданию* от Дамаскина перед рассказом в «Деяниях...», где фигурирует только беседа царя о Кузьме Минине, объясняется и контекстом.

«Деяния Петра Великого» – это биография Петра I, созданная в рамках правил *тогдашней* науки, а первые три тома «Дополнений к Деяниям Петра Великого» – это трактат-апология сильной власти через обзор истории России начиная с Ивана Грозного и в контексте событий воцарения и царствования Романовых (до Федора Алексеевича включительно (ГДДПВ1, с. III)). Во втором томе «Дополнений...», посвященном событиям российской истории от Василия Шуйского (1606–1610) до 1645 г., рассказ о смерти Михаила Романова, выведшего страну из Смуты, стал поводом к морали о том, как важно России иметь государя с неограниченной властью. В данном случае историософ, а не историк, И.И. Голиков провел параллель и установил преемственность между Михаилом Романовым и его внуком Петром I, ставшим императором. И рассказ о речи Петра I над могилой Минина перекликается с рассказом о событиях 1616 г.: признательность Михаила Романова Кузьме Минину выразилась в погребении последнего в соборе рядом с нижегородскими князьями и поминовении его и сына наряду с теми же князьями; эта же признательность сохранилась «в живой памяти» и проявилась в поклонении Петра захоронению Кузьмы Минина (ГДДПВ2, с. 385).

Неслучайным представляется совпадение выхода в 1790 г. «Дополнений к Деяниям Петра Великого» И.И. Голикова и труда упомянутого в них историка Г. Миллера. Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) в посмертно опубликованной работе 1790 г. «Известие о дворянх [Российских]» первым указал, что «нижегородец Кузьма Минин», пожалованный в думные дворяне, «в 1616 году скончал-

⁴ Свидетельство А.И. Свечина в данном случае не оказало влияния; кстати, и тот не знает о поклонении Петра I могиле Минина.

⁵ Страницы не пронумерованы, здесь и ниже используется условная римская пагинация.

ся» (М, с. 198). Историк умолчал о своей «научной лаборатории» в решении этого вопроса. Возможно, по сходному логическому пути шел и И.И. Голиков, который, ссылаясь на труд Г.Ф. Миллера, привел ту же дату смерти Минина – 1616 г. – и объяснил, что в «списке чинов» 1616 г. упомянут думный дворянин Кузьма Минин, а в списках последующих лет его нет и на его месте в списке 1635 г. значится другое имя, из чего и был сделан вывод о том, что он умер в 1616 г. (ГДДПВ2, 380–381). Важно, что Г.Ф. Миллер на основе умозрительно предложенной даты не определял место смерти и погребения Кузьмы Минина.

Одновременность выхода труда Г.Ф. Миллера, содержащего сведения о смерти Кузьмы Минина в 1616 г., и «Дополнений к Деяниям Петра Великого» со ссылкой на упомянутый труд и этой же датой свидетельствует о быстром и некритическом освоении И.И. Голиковым информации, полученной от епископа Нижегородского и Алатырского. Епископ Дамаскин ознакомился с томом «Деяний Петра Великого», где говорилось о визите Петра I в Нижний Новгород в 1722 г. Его внимание должна была привлечь сцена интереса Петра I к потомкам Кузьмы Минина, проявленного после богослужения в Спасском соборе, и епископ провел изыскания. Подспорьем в этом опять-таки должен был стать СИН с его поминальным списком, где «сошлись» нижегородские князья, и Кузьма, Мефодий Минины. Замечание в «Дополнениях к Деяниям Петра Великого» о том, что Кузьму Минина и его сына Мефодия (тоже СИН) поминали на вселенских панихидах вместе с нижегородскими князьями, похороненными в Спасском соборе, свидетельствует об использовании и «гробного», и поминального списков СИН (здесь и произошла вторичная контаминация «гробного» списка и поминальника, из которого Кузьма и Мефодий Минины «переместились» в перечень «гробов»).

Предание Дамаскина в «Дополнениях к Деяниям Петра Великого» из единого текста распадается на ряд неоригинальных элементов (см. выше), уже известных к тому времени нижегородской культурной среде и российской исторической науке. Их соединение привело к порождению новой информации. Сюжет «Кузьма Минин пожалован думным дворянином и введен в Думу» – вместе с датой смерти Минина в 1616 г. – содержался в труде Г.Ф. Миллера и был задействован И.И. Голиковым. Сюжет «признательность первых Романовых Кузьме Минину была такова, что тело его (а потом и сына Мефодия) погребли вместе с нижегородскими князьями и поминали их на вселенских панихидах» – результат контаминации «гробного» и поминального списков СИН и совместного с нижегородскими князьями поминовения Косьмы и Мефодия в СИН. Очевидно, элемент имеет нижегородское происхождение и выводится «из прыжка от сходного [списку княжеских гробов] к сходному [поминальному княжескому списку, дополненному отцом и сыном Миниными]», вторично сделанного при Дамаскине в 1788–1789 гг. Рассказ о том, что 30 мая 1722 г. Петр I в день своего рождения служил литургию в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода, известен по двум нижегородским источникам – Отписке Филарета (20-е годы XVIII в.) и Новому Нижегородскому летописцу, но они упоминают две литургии Петра I в Спасо-Преображенском соборе – 27 и 30 мая, из которых в *предание* попала лишь служба 30 мая (в день рождения царя); отсутствие сведений

о службе в день памяти Исаакия Далматского, почитаемого Петром I, свидетельствует, что источником здесь был текст, близкий к Новому Нижегородскому летописцу (конца XVIII в.).

Два важных элемента – «могила Кузьмы Минина» и «воздание ей почестей Петром I» – «вышли» из нижегородских текстов, связанных с церковью. И если рассказ о почитании Романовыми Мининых и погребении их в главном нижегородском соборе есть результат контаминации 1788–1790 гг., то сюжет о литургии с присутствием царя 30 мая, ей порождаемый, выдает желание информатора И.И. Голикова наполнить визит Петра I в Нижний Новгород особым историческим смыслом. Доверяя контаминации двух списков СИН как свидетельству о могилах Мининых в Спасо-Преображенском соборе, Дамаскин должен был предположить, что интерес Петра I к Кузьме Минину не ограничился обедом у губернатора – ведь на литургии вместе с нижегородскими князьями и княгинями помянули бы Кузьму и Мефодия Мининых. Значит, их могилы тоже должны были там быть. Поэтому-то именно в храме Петр I и должен был «увидеть» могилу Минина и проявить к ней внимание. Эта информация и была сообщена И.И. Голикову, который ввел ее в «Дополнения к Деяниям Петра Великого». Она, кроме прочего, органично согласовывалась с его концепцией благодатности монархической власти для России.

В созданный сюжет историк И.И. Голиков внес и свой исследовательский вклад. Он объяснил, как Кузьма Минин – думный дворянин – вдруг оказался похороненным в Нижнем Новгороде. Используя дату смерти Минина в 1616 г. и факт исчезновения его из Боярской Думы (Г.Ф. Миллер), И.И. Голиков посчитал, что Кузьма Минин незадолго до кончины получил от царя разрешение удалиться на покой в Нижний Новгород. Этот «факт» впервые читается в «Дополнениях к Деяниям Петра Великого». Приобретенная на основе упомянутого предположения непреложность и является краеугольным камнем интеллектуального «обретения» могилы Кузьмы Минина в Нижнем Новгороде. Догадка о его погребении там проистекала из факта его смерти в Нижнем Новгороде же. Случившиеся потом публикации грамоты 1616 г., сообщающей в Нижний Новгород о смерти Кузьмы Минина, который жил в Москве (Акты, с. 116–117), и сведения о его смерти по дороге из Казани в Москву в 1616 г. «обнуляют» допущение И.И. Голикова. Вместе с признанием неверности его догадки лишается смысла и тезис о том, что Кузьма Минин был сразу похоронен в Нижнем Новгороде.

Кроме факта смерти Кузьмы Минина в дороге в 1616 г. И.И. Голиков и, естественно, Дамаскин, а также другие их современники не знали еще об одном визите Петра I в Нижний Новгород – более раннем. Известно о нем стало лишь после публикации в 1853 г. Походного журнала Петра I 1695 г. Тогда, идя на Азов, царь с 16 по 21 мая пробыл в Нижнем Новгороде (ПЖ95, с. 4–5). Не был знаком И.И. Голиков и с письмами Петра I из Нижнего Новгорода того же года [11, с. 220–222]. В «Деяниях Петра Великого» маршрут царя во время первого Азовского похода не был отражен (ГДПВ1, с. 264–265). А в «Дополнениях...» автор честно указал: 28 апреля «Монарх сел на струга и пошел Московую рекою... До которого места водяной путь продолжался не мог я отыскать» (ГДДПВ4, с. 131). Подобно Походному журналу 1722 г., вышеуказанные источники не сообщают о посещении Петром I ни Спасского собора, ни могилы

Кузьмы Минина, к которому, следуя логике Дамаскина – Голикова, царь должен был питать интерес. В подобном случае именно в 1695 г. и должно было состояться поклонение Петра I могиле Кузьмы Минина. И Дамаскин тоже ничего не поведал об этом визите, что обесценивает *предание* и позволяет сказать, что целенаправленный поиск им информации был предопределен лишь сведениями о визите Петра в Нижний Новгород в 1722 г.

Упомянутые обстоятельства на фоне отсутствия проверенных и достоверных свидетельств о захоронении в соборе (и вообще о захоронении где-либо) Кузьмы Минина и речи над ней Петра I, «непротиворечивого» сосуществования у И.И. Голикова только беседы царя о Кузьме Минине и речи царя над его могилой не позволяют доверять сцене из «Дополнений к Деяниям Петра Великого». Не-нижегородец Дамаскин мог довериться и тому, что эта сцена названа *преданием*, передававшимся «от отцов к детям». Правда, имена этих «отцов и детей» не были им приведены. И для самого народного *предания* неестественной выглядит точная дата «обретения» могилы Кузьмы Минина внуком Михаила Романова в его день рождения, лишь через три дня после присутствия на литургии в Спасо-Преображенском соборе (но тогда он интереса не проявил).

Созданный сюжет был нужен И.И. Голикову для истории Петра I, чтобы через сцену поклонения царя погребению Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе установить связь со временем первого Романова, обозначить преемственность курса по спасению России. При этом могила Кузьмы Минина (побочный результат описанного процесса) обретала реальность, а его смерть в Нижнем Новгороде удостоверяла упомянутое захоронение. Этот творческий продукт И.И. Голикова обрамлен мистифицированными «княжескими» усыпальницами в соборе и поминаниями Кузьмы и Мефодия Мининых на вселенских панихидах вместе с князьями (поминальный список СИН) – ведь во время панихиды, согласно И.И. Голикову, Петр I, услышав имя Кузьмы Минина, обратил внимание на его могилу. Перед читателем разворачивается полноценный литературный текст, отдельные детали которого основаны на домыслах.

После появления «Дополнений к Деяниям Петра Великого» И.И. Голикова оставалось только найти могилу Кузьмы Минина (и его сына Нефеда), что (применительно к «могиле Минина») и сделал Н.С. Ильинский, чиновник, который в 1794 г. оказался в Нижнем Новгороде по служебным надобностям. Кроме выполнения государственных поручений, итогом поездки стали отпечатанные в 1794 г. в нижегородской типографии стихи «В память славному нижегородскому купцу Козьме Минину. Стихотворное произведение в духе поэмы». Оно было преподнесено епископу Нижегородскому Павлу, Городской думе, Главному народному училищу и даже Екатерине II; позднее поэма в расширенном виде была опубликована в 1799 г. в столице под названием «Описание жизни и безсмертного подвига славного мужа нижегородскаго купца Козьмы Минина» [12, с. 13–14, 16–18] (И). Второе издание поэмы и сформировало представление о его смерти и захоронении в Нижнем Новгороде.

Рассказ о могиле Кузьмы Минина в поэме Н.С. Ильинского, увидевшей свет пять лет спустя после его нижегородского визита, включает следующие важные для нас моменты:

1) «Предисловие», в котором автор посредством цитат И.И. Голикова рассуждает об исторической значимости Кузьмы Минина (И, с. 5–6); затем следуют более 50 страниц, посвященных истории Смуты и подвигам Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского и нижегородцев, воцарению Михаила Романова;

2) «По окончании же великого своего подвига по желанию Государя жил он [Минин] при дворе целых три года, а после восчувствуя болезненные припадки и желая наслаждаться в тишине удовольствием совести и сердца, удалился он в Нижний Новгород, но сим однако же удовольствием не долго он наслаждался: ибо г. Миллер полагает кончину его в сем же самом 1616 году» (И, с. 62) (в основе – заимствование из «Дополнений к Деяниям Петра Великого» И.И. Голикова);

3) «Какая может быть большая признательность, как повелеть тело его погребсти в Нижегородском соборном Преображения Господня храме, вместе с Нижегородскими владетельными князьями и их фамилиями» и с сыном Мефодием поминать вместе с князьями на вселенских панихидах? (И, с. 63–64) (в основе – заимствование из «Дополнений...» И.И. Голикова);

4) мотив признательности со стороны царской власти сохранился: 30 мая 1722 г. на свой день рождения Петр I посетил храм и, слушая литургию, «спросил, где могила Кузьмы Минина, и над ней сказал: “На сем месте погребен свободитель и спаситель России”» (И, с. 64–65) (в основе — заимствование из «Дополнений...» И.И. Голикова);

5) в бытность в 1794 г. в Нижнем Новгороде автор посетил Спасо-Преображенский собор и узнал, что К. Минин погребен там «на левой стороне за первым столбом», что «нет на том месте ни памятника, ни надписи», и сочинил стихи, чтобы «были поставлены на том месте» (И, с. 66).

Содержание поэмы Н.С. Ильинского «В память славному нижегородскому купцу Козьме Минину» и обращения к епископу Нижегородскому Павлу, написанных и опубликованных и в 1794 г. и переизданных в 1799 г. (И, с. 67–74; 75–77), свидетельствует о том, что их автор, прочитав «Дополнения...» И.И. Голикова, уже ехал в Нижний Новгород с желанием увидеть гробницу Кузьмы Минина. Стихи представляют собой литературное произведение, создатель которого подводит читателя к намеченной цели – узнаванию и обретению места погребения героя и разочарованию из-за отсутствия там должного памятного знака. Примечательно и то, что указанная Н.С. Ильинскому могила не имела никакого обозначения. Любопытно, была ли «могила Кузьмы Минина» определена непосредственно во время этого визита или за несколько лет до него при Дамаскине?

«Обретение» погребения Кузьмы Минина и является вкладом Н.С. Ильинского в развитие сюжета о могиле Кузьмы Минина. Возможно, под влиянием его стихов был организован сбор средств на сооружение гробницы среди московского купечества; Нижегородскому епископу Павлу было прислано 200 рублей, и на них в 1797 г. гробница Кузьмы Минина была сооружена [13, с. 269]. Она сразу стала восприниматься как реликвия и особая достопримечательность, о чем свидетельствует фраза из дневника А.Н. Радищева 1797 г.: «29-е. Петров день. В соборе. Гробница Минина. Я – как редкая птица...» (Р, с. 758). В 1834 г. «могила Кузьмы Минина» была перенесена в новое здание Спасо-Преображенского собора и там более торжественно обустроена [12, с. 38].

В XVIII в. был создан важный культурный нарратив о могиле Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода. Значимыми условиями его рождения и бытования стали отсутствие исторических источников о смерти Кузьмы Минина, «гробный» и поминальный списки СИН, позволившие дополнить княжеские погребения захоронениями Кузьмы и Нефеда Мининых, а также домыслы о том, что Кузьма Минин был отпущен царем в Нижний Новгород и умер там. На основе текста «Дополнений к Деяниям Петра Великого» И.И. Голикова благодаря энтузиазму Н.С. Ильинского была «сформирована» реальная «могила Кузьмы Минина». Главная роль в создании этого нарратива принадлежит внешним по отношению к Нижнему Новгороду и его истории людям – А.И. Свечину, И.И. Голикову, Дамаскину и Н.С. Ильинскому. Именно они привнесли в культуру тогдашнего провинциального Нижнего Новгорода понимание ценности подвига Кузьмы Минина и памяти о нем. Впоследствии обозначенные сюжеты получили свое дальнейшее развитие.

Благодарности. Автор благодарит кандидата исторических наук, доцента КФУ Дмитрия Ивановича Люкшина; кандидата исторических наук, заместителя директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Ильнура Рафаэлевича Минуллина за содействие в подготовке статьи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Акты – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук: в 4 т. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1836. Т. 3 (1613–1645). 517 с.
- ГДПВ1 – *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: в 12 ч. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. Ч. I. 368 с.
- ГДПВ8 – *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: в 12 ч. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. Ч. VIII. 450 с.
- ГДДПВ12 – *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: в 15 т. М.: Типография Н. Степанова, 1838. Т. 12. 578, XLI с.
- ГДДПВ1 – *Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого: в 18 т. М.: В Унив. тип., у В. Острокова, 1790. Т. 1. 443 с.
- ГДДПВ2 – *Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого: в 18 т. М.: В Унив. тип., у В. Острокова, 1790. Т. 2. 487 с.
- ГДДПВ4 – *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого: в 18 т. М.: В Унив. тип., у В. Острокова, 1790. Т. 4. 430 с.
- И – *Ильинский Н.С.* Описание жизни и безсмертнаго подвига славнаго мужа нижегородскаго купца Козьмы Минина. СПб.: Тип. Губ. правления, 1799. 78 с.
- ПВ – *Комаров В.В.* Персидская война 1722–1725 гг. Материалы для истории царствования Петра I // Рус. вестник. 1867. Т. 68, кн. 4. С. 553–616.

- М – Миллер Г.Ф. Известие о дворянх [Российских] // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 180–225.
- ННЛ – Гациский А.С. Новый Нижегородский летописец // Гациский А.С. Нижегородский летописец. Н. Новгород: Нижегород. ярмарка, 2001. С. 644–661.
- Изб. – Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1869. II, 541, [6] с.
- ПЖ95 – Походный журнал 1695–1703 года. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1853. 148 с.
- ПЖ22 – Выдержки из путевого журнала Петра I о посещении им Нижнего Новгорода во время галерного похода по Волге // «От Петра губернии берем начало...» (становление Нижегородской губернии в документах первой четверти XVIII века). Н. Новгород: Центральный архив Нижегород. обл., 2014. С. 138–139.
- ОФ – Прибытие Петра I в Нижний Новгород [Отписка... архимандрита Филарета] // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. № 22.
- Р – Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М.: Госполитиздат, 1949. 559 с.
- Свеч. – Саначин С.П. Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 287 с.
- Син. – Синодик нижегородского кафедрального Спасо-Преображенского собора Нижегородская государственная областная научная библиотека. Ф. 1. Оп. 2. № 26. 259 л.

Литература

1. Севастьянова А.А. История и историки в провинции и столицах XVIII–XX вв. М.: Квадрига, 2020. 368 с.
2. Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин: человек и герой в истории и мифологии. М.: Рус. витязи, 2017. 159 с.
3. Козлов В.П. Тайны документальных фальсификаций, или Обманутая, но торжествующая Клио: анализ подделок документальных источников по российской истории в XVIII – начале XXI века. М.: Новый хронограф, 2015. 679 с.
4. Лисейцев Д.В. Новый источник о службе Нефёда Минина // Мининские чтения: сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в.: в память 400-летия Нижегородского Подвига. Н. Новгород: Кварц, 2012. С. 163–171.
5. Кузнецов А.А., Морохин А.В. Глава IV. Начало XVII века. Нижний Новгород в годы Смуты // Восемь столетий Нижегородской истории: в 2 т. Н. Новгород: Изд-во НГТУ, 2021. Т. I. С. 219–252.
6. Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII века. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 281 с.
7. Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетей, 2001. 759 с.
8. Кузнецов Е.В., Никулин И.В., Титков Е.П. Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин. Страницы жизни, деятельности, творчества. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 1998. 115 с.
9. Тихон (Затёкин), Дёгтева О.В. Дамаскин (Семёнов-Руднев) // Православная энциклопедия: в 72 т. / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. XIII. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2006. С. 694–695.

10. Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. 133 с.
11. Богословский М.М. Петр I: материалы для биографии: в 5 т. / Под ред. проф. В.И. Лебедева. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. Т. I. 435 с.
12. Галай Ю.Г. Минин в памяти нижегородцев. Н. Новгород: Книги, 2012. 286 с.
13. Макарий (Миролюбов Н.К.). Памятники церковных древностей. Н. Новгород: Нижегород. ярмарка, 1999. 701 с.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

пр. Гагарина, д. 23, Нижний Новгород, 603022, Россия

E-mail: nalbuz@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 105–120

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.105-120

Kuzma Minin's Tomb in the Historiography of the 18th Century

A.A. Kuznetsov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603022 Russia

E-mail: nalbuz@mail.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 20, 2024

Abstract

This article traces how the idea that Kuzma Minin's tomb is located in the Transfiguration Cathedral of Nizhny Novgorod developed in the 18th century and how it became intertwined with the narrative about Peter the Great visiting the place to venerate the relic. Together, these historical narratives formed an important plot determining the Russian socio-cultural identity. The analysis highlights a blurred boundary between pre-academic historiography and academic historical research. The methods used include a detailed study of historiographical sources and textual criticism. The belief in Kuzma Minin's tomb within the cathedral stemmed from its burial records and commemoration lists. Their contamination led to such interpretations. Colonel A.I. Svechin was the first to suggest the idea in 1765. It was further developed by I.I. Golikov, a Russian historian, under the influence of Damaskin, the Bishop of Nizhny Novgorod, and cemented by N.S. Ilyinsky's poem. The writings of I.I. Golikov and N.S. Ilyinsky rely on G.F. Müller's scholarly work and link Kuzma Minin's tomb to the image of Peter the Great paying homage to it.

Keywords: historiography, Kuzma Minin's tomb, Peter I, Nizhny Novgorod, Transfiguration Cathedral, Synodik, A.I. Svechin, G.F. Müller, I.I. Golikov, N.S. Ilyinsky

Acknowledgments. The assistance of Dmitri I. Lyukshin (PhD in History, Associate Professor, Kazan Federal University) and Ilnur R. Minullin (PhD in History, Deputy Director of Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences) is gratefully acknowledged.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Sevast'yanova A.A. *Istoriya i istoriki v provintsii i stolitsakh XVIII–XX vv.* [History and Historians in Provinces and Centers between the 18th and 20th Centuries]. Moscow, Kvadriga, 2020. 368 p. (In Russian)
2. Morokhin A.V., Kuznetsov A.A. *Kuz'ma Minin: chelovek i geroi v istorii i mifologii* [Kuzma Minin: A Man and Hero in History and Mythology]. Moscow, Russ. Vityazi, 2017. 159 p. (In Russian)
3. Kozlov V.P. *Tainy dokumental'nykh falsifikatsii ili Obmanutaya, no torzhestvuyushchaya Klio: analiz poddelok dokumental'nykh istochnikov po rossiiskoi istorii v XVIII – nachale XXI veka* [The Secrets of Documentary Falsifications, or Deceived but Triumphant Clio: An Analysis of the Forged Documents on Russian History in the 18th–Early 21st Centuries]. Moscow, Nov. Khronograf, 2015. 679 p. (In Russian)
4. Liseitsev D.V. A new source on Nefed Minin's service. In: *Mininskie chteniya: sbornik nauchnykh trudov po istorii Smutnogo vremeni v Rossii nachala XVII. V.: V pamyat' 400-letiya Nizhegorodskogo Podviga* [Minin's Lectures: A Collection of Scholarly Articles on the History of the Time of Troubles in Russia during the Early 17th Century: Commemorating the 400th Anniversary of the Nizhny Novgorod Feat]. Nizhny Novgorod, Izd. Kvarts, 2012, pp. 163–171. (In Russian)
5. Kuznetsov A.A., Morokhin A.V. Chapter IV: Early 17th century. Nizhny Novgorod during the Time of Troubles. In: *Vosem' stoletii Nizhegorodskoi istorii* [Eight Centuries in the History of Nizhny Novgorod]. Vol. I. Nizhny Novgorod, Izd. NGTU, 2021, pp. 219–252. (In Russian)
6. Shaidakova M.Ya. *Nizhegorodskie letopisnye pamyatniki XVII veka* [Nizhny Novgorod Chronicles of the 17th Century]. Nizhny Novgorod, Izd. NNGU, 2006. 281 p. (In Russian)
7. Likhachev D.S. *Tekstologiya (na materiale russkoi literatury X–XVII vv.)* [Textology (Based on the Russian Literature of the 10th–17th Centuries)]. St. Petersburg, Aleteiya, 2001. 759 p. (In Russian)
8. Kuznetsov E.V., Nikulin I.V., Titkov E.P. *Episkop Nizhegorodskii i Alatyrskii Damaskin. Stranitsy zhizni, deyatel'nosti, tvorchestva* [Damaskin, the Bishop of Nizhny Novgorod and Alatyrsk. Life, Work, and Artistic Endeavors]. Arzamas, Arzamas. Gos. Pedagog. Inst., 1998. 115 p. (In Russian)
9. Tikhon (Zatekin), Degteva O.V. Damaskin (Semenov-Rudnev). In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Alexy II, Patriarch of Moscow and All Russia (Ed.). Vol. XIII. Moscow, Tserkovno-Nauchn. Tsentr "Pravoslavnyaya Entsikl.", 2006, pp. 694–695. (In Russian)
10. Mezin S.A. *Russkii istorik I.I. Golikov* [I.I. Golikov, A Russian Historian]. Saratov, Izd. Sarat. Univ., 1991. 133 p. (In Russian)
11. Bogoslovskii M.M. *Petr I. Materialy dlya biografii* [Peter I. Biography Materials]. Vol. I. Moscow, Leningrad, Gos. Sots.-Ekon. Izd., 1940. 435 p. (In Russian)
12. Galai Yu.G. *Minin v pamyati nizhegorodtsev* [Minin in the Memory of Nizhny Novgorod Residents]. Nizhny Novgorod, Knigi, 2012. 286 p. (In Russian)
13. Makary (Mirolyubov N.K.) *Pamyatniki tserkovnykh drevnostei* [Early Church Monuments]. Nizhny Novgorod, Nizhegorod. Yarmarka, 1999. 701 p. (In Russian)

Для цитирования: Кузнецов А.А. Гробница Кузьмы Минина в историографии XVIII столетия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 105–120. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.105-120>.

For citation: Kuznetsov A.A. Kuzma Minin's tomb in the historiography of the 18th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 105–120. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.105-120>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.121-130

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ КВАРТИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ

Т.Н. Хасанов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены материальные условия жизни российской армии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Изучен ключевой фактор поддержания требуемого психофизического состояния солдат во время военных действий – организация удовлетворительных условий их размещения. Исследованы два основных способа снабжения армии жильем в военное время: казарменный и лагерный. Проанализированы нормативные особенности устройства расквартирования российских военнослужащих в населенных пунктах губерний Российской империи и на иностранных территориях. Особое внимание уделено помощи Румынского княжества России, а также подписанным между ними соглашениям. Отдельно изучено размещение российской армии в полевых условиях. На основе анализа различных типов палаток получены данные об уровне комфортности проживания в них. В исследовании проведены измерения их площади и вместимости.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., российская армия, условия проживания, расквартирование войск, походная палатка, лагерная палатка

Начавшаяся 12 апреля 1877 г. Русско-турецкая война не стала для российского военного руководства неожиданностью. Предшествовавшее ей крупнейшее в истории России военно-волонтерское движение косвенно втягивало Россию в неизбежную конфронтацию с Портой. Кроме того, Османская империя постоянно нарушала международные договоренности и продолжала притеснять славянские народы Балканского полуострова. С января 1877 г. Российская империя начала активную подготовку к войне. Ключевым пунктом приготовлений было создание условий для молниеносного перемещения войск на территорию Турции. Этому должны были служить договоренности, заключенные с румынским господарем Каролом I в декабре 1877 г. Они позволяли российской армии пройти через княжество Румыния (Конст. Рум.) и овладеть стратегической инициативой на территории турок (Пис. Гл., с. 21).

Ведение боевых действий на территории противника входит в военные доктрины практически всех стран. Подобное развитие событий позволяет избежать разрушений инфраструктуры своего государства и сохранить население. При реализации подобной стратегии перед командованием встает важная

задача по созданию для солдат надлежащих условий. Традиционным способом квартирования на территории своего государства продолжает оставаться размещение военнослужащих в домах гражданских жителей на условиях аренды. В отдаленности от мест проживания гражданских жителей создавались палаточные лагеря. По причине того, что война для российской армии предполагалась за пределами страны, перед Военным министерством с первых дней встала задача по обеспечению армии местами проживания. Так, проблема расположения российских войск на территории Румынии, Болгарии и Османской империи стала весьма актуальной.

Расквартирование войск на территории приграничных российских губерний и Румынского княжества стало началом в обеспечении армии местами проживания. Нормативной основой для этого стало Положение о преобразовании воинской квартирной повинности, высочайше утвержденное 8 июня 1874 г. Оно создавало правовую базу и порядок для размещения армии в частных помещениях. Согласно ст. 1 Положения, население Российской империи в случае наступления военного времени или введения чрезвычайного положения было обязано предоставлять войскам квартиры и другие помещения (Пол. о преобр., с. 1). Следовательно, в случае установления военным командованием особого режима, местные жители должны были обеспечить российскую армию квартирами и помещениями для проживания на безвозмездных условиях, до тех пор пока не будут найдены казарменные помещения внаем или построен военный палаточный лагерь. Помимо этого, вышеуказанное Положение устанавливало, что жилье должно было предоставляться с освещением и отоплением. Главное интендантское управление обязывалось оплачивать счета за данные услуги. Подобные условия проживания предполагались и для нижних чинов.

Особое внимание Верховное командование уделяло условиям квартирования командного состава на фронтах. Положение определяло правила размещения генералов и офицеров: их селили в отдельных квартирах или комнатах. В случае отсутствия возможности предоставления им отдельного жилья военным ведомством выделялись средства на наем помещений, которые они искали себе самостоятельно. Размер средств определялся квартирным окладом, установленным данным Положением в зависимости от местности, и делился на пять разрядов. К примеру, полный генерал в зависимости от местности получал от 500 до 2 000 руб., генерал-лейтенант – от 400 до 1 500 руб., генерал-майор – от 300 до 1 000 руб. Плата офицерам помимо разряда варьировалась в зависимости от наличия командирской должности. Штаб-офицерам командирского состава выделялось от 250 до 800 руб., прочим – от 150 до 500 руб. Обер-офицеры командирского состава получали от 100 до 300 руб., остальные – от 70 до 200 руб. Так называемые квартирные деньги выделялись ежемесячно (Пол. о преобр., с. 4). По данным Е.Д. Юхнёвой, в 70-е гг. XIX в. «барская квартира» в престижных частях Санкт-Петербурга (Адмиралтейской, Александро-Невской, Казанской, Литейной) обходилась арендатору в 2 000–5 000 руб. в год. К «барским квартирам» относили жилье от шести комнат и больше, оборудованное водопроводом, канализацией и отоплением [1, с. 182]. Благодаря достаточ-

ной сумме квартирных денег офицерский состав не испытывал финансовых затруднений с наймом жилья.

Важная роль в организации квартирования армии на российских территориях принадлежала органам местного самоуправления. Согласно ст. 9 Положения, местная администрация обязывалась предоставлять в ее распоряжение должностное лицо, содействующее войскам в поиске помещений и заселения в него (Пол. о преобр., с. 39). Впоследствии на месте расквартирования образовывалась комиссия, состоящая из земского, городского или уездного чиновника, полицмейстера и военного представителя. В ее обязанности входили наем жилья и материально-техническое оснащение армии, организация торгов на выявление поставщика топлива, осветительных материалов и остальных товаров. Если же найти подходящего подрядчика не удавалось, то эти обязанности брало на себя земство (Пол. о преобр., с. 42).

В случае отсутствия подходящих для проживания помещений следовало строить казармы на правительственные деньги (Пол. о преобр., с. 59). Построенные здания принимались специальной комиссией и проверялись на соответствие стандартам. Материальное обеспечение солдат оставалось «повинностью» городов. Все расходы местной администрации позже компенсировались за счет Государственного казначейства (Пол. о преобр., с. 63). На эти нужды ежегодно дополнительно выделялось 3 540 000 руб. из Государственного земского сбора в пользу казны (Пол. о преобр., с. 66).

Указанное Положение 1874 г. коренным образом изменило условия размещения солдат в военное время. Оно упростило финансовое обеспечение расквартирования. Взамен нескольких постоянных налогов, взимаемых с целью финансирования проживания армии, была введена единая постоянная повинность (Пол. о преобр., с. 1). Подобные условия позволили упростить размещение солдат на своих территориях. Помимо этого, данный акт стал единым универсальным нормативным документом, объединившим в себе все сферы материального обеспечения военнослужащих. Из 20 статей Положения четыре статьи регулируют условия жизни солдат, шесть – регламентируют порядок размещения офицеров и условия, в которых они должны проживать, а оставшиеся десять статей отведены финансовым отношениям.

3 марта 1877 г. начальник штаба генерал-адъютант А.А. Непокойчицкий издал приказ о реализации Положения, посвященного преобразованию воинской квартирной повинности. Это распоряжение носило комплексный характер: действовало на российских и приграничных территориях (Кв. рас., с. 225). Ускорение принятия данного решения было вызвано размещением на территориях Бессарабской, Херсонской и Таврической губерний большого военного контингента, который стали стягивать к границам весной 1877 г. В условиях проведения мобилизации войскам требовалось жилье в указанном регионе. Движение армии на вражескую территорию предполагалось начать из Кишинева. При вступлении войск в конце марта – начале апреля 1877 г. в Кишинев они, согласно Положению, были расквартированы в городе и его окрестностях. Условия жизни в этот период описывал в своих письмах лейб-медик С.П. Боткин. Он писал своей

жене, что делит с другим офицером арендованную для них отдельную квартиру (Пис. из Бол., с. 1). Условия проживания армии в Кишиневе считались хорошими, поскольку расположение на российской территории не вызывало проблем.

После объявления войны и перехода границы с княжеством Румыния трудностей с жильем для российских войск также не возникало. Солдаты передвигались по железной дороге от одного крупного города к другому. Румынское правительство оказывало российской армии посильную помощь во всех сферах. Так и в области содействия расквартированию войска у правительств России и Румынии были подписаны соглашения. Итоги данного договора были опубликованы в княжестве в декабре 1876 г. под названием «Перевод законоположения о реквизиционных повинностях» (Пер. зак., с. 1).

Согласно содержанию данного акта, российские войска были освобождены от всякой платы за проживание в румынских городах и деревнях. Помещения предоставлялись на тех же условиях, что и по Положению о преобразовании воинской квартирной повинности. Разница заключалась в том, что после проживания солдат государственная казна не возмещала румынской стороне деньги. Местное население могло потребовать плату лишь в том случае, если какое-либо здание занималось полностью. Однако это было лишь на усмотрение домовладельца. Для определения размера платы требовалось избрание из числа офицеров депутатов, которые по обоюдному согласию договаривались с местной сельской или городской властью. Помимо этого, акт предписывал обеспечение армии не только вещами, необходимыми для проживания, но и питанием, требуемыми материальными и людскими ресурсами (Пер. зак., с. 2). Казалось бы, румынская сторона несла крупные финансовые потери. Однако Россия обязывалась восполнить все затраченные средства в течение трех месяцев.

Ситуация менялась по мере того, как российская армия покидала территорию Румынии. Поскольку дальнейшее продвижение шло уже по Османской империи, солдатам приходилось размещаться в полевых условиях. Во время переходов между городами, на вражеской территории или в местности без постоянных построек российская армия строила палаточные лагеря. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. использовались палатки, созданные на основе нормативно-правовых актов Главного интендантского управления: приказа № 265 от 1865 г. (О введ., с. 176) и циркуляров № 5101 от 1870 г. и № 5542 от 1876 г. (Цир. Гл., с. 1). Они были изданы единым документом, который назывался «Сборник описаний предметов и материалов, заготавливаемых Интендантством для довольствия войск» и выдавался офицерам интендантской службы для пользования (СПП, с. 610). Палатки, которые являлись всесезонными, делились на два типа: походные и лагерные. Походные использовались при марш-бросках для ночевки. Лагерные же были более комфортными и устанавливались при разбивке лагеря на длительный промежуток времени. Однако характер назначения этих двух типов палаток мог совпадать, и, следовательно, они могли заменять друг друга (СПП, с. 610).

Походные палатки, как и все другое довольствие, делились на два вида: офицерские и солдатские. Солдатская походная палатка состояла из шести ква-

дратных полотнищ, устанавливаемых на три стойки, которые по краям натягивались восемью колышками. Сторона каждого полотнища равнялась 39 вершкам (179.35 см). Полотно изготавливалось из толстых материалов защитного цвета (СПП, с. 610). Стойка для установки палатки, регулирующая ее высоту, состояла из двух полустоек. Каждая из них составляла 1 аршин 12 вершков (124.46 см). В ремонте походные палатки были довольно сложными, поскольку в их производстве использовались станки. В силу этого их всегда заготавливали в большем количестве. Походная палатка отличалась от лагерьной тем, что могла также служить тюфяком или носилками благодаря своей прочности.

Очень многое в комфорте проживания солдат и офицеров зависело от вместительности палаток. В «Сборнике описаний предметов и материалов, заготавливаемых Интендантством для довольствия войск» приведены нормативы палаток всех типов. Кроме размеров в нем четко обозначался регламент использования палаток в боевых условиях. По нормативам одна солдатская походная палатка была рассчитана на шесть человек, поэтому армия разбивалась на «отделения», за которыми закреплялась одна палатка (СПП, с. 614). Каждый солдат получал для переноски часть деталей (одно полотнище, одну полустойку, десять веревок и восемь приколышей). По прибытии на место дислокации палатка без особых трудностей устанавливалась одним отделением по прилагавшейся к ней инструкции (СПП, с. 613).

Важно выяснить, насколько комфортно чувствовали себя военнослужащие, проживая в палатках. Так, боковины солдатской походной палатки представляли собой два прямоугольника со сторонами 1.8 м и 5.4 м. По бокам палатка имела проход треугольной формы. Для расчета площади палатки необходимо вычислить основание данного треугольника: его стороны составляли 1.8 м, соответственно, его основание равнялось 2.5 м. Значит, в основании палатка имела прямоугольник со сторонами 2.5 м и 5.4 м, а ее площадь равнялась 13.5 кв. м. Как было означено выше, по нормативам солдатская походная палатка вмещала шесть человек. Следовательно, на одного солдата приходилось около 2.25 кв. м. По современным российским военным стандартам в походной палатке на одного военнослужащего выделяется площадь 1.2–1.5 кв. м (Пр. МО РФ). Полученные данные позволяют рассчитать, что в палатках имперского периода на человека приходилось в 1.5 раза больше места, чем в современных. Исходя из этого, можно сделать вывод, что армия размещалась во вполне комфортных условиях и солдаты не испытывали тесноты во время проживания.

Офицерская походная палатка имела идентичную конструкцию. Она также состояла из шести полотнищ, каждое из которых сшивалось из двух квадратных кусков. Только в офицерской палатке сторона полотнищ равнялась 57 аршинам (262.25 см) и их края обшивались кожей для большей прочности (ОПП, с. 615). Высота стойки офицерской палатки тоже была выше и составляла 2 аршина 9 вершков (182.24 см). Ее разбивали по аналогии с солдатской, но она имела два выхода с обеих сторон.

Подобные изменения размеров позволяли сделать площадь офицерской походной палатки равной примерно 29 кв. м, что превышало площадь солдатской

в два раза. Увеличенный размер офицерской палатки позволял использовать ее как штаб или канцелярию. Если палатка не использовалась в служебных целях, в ней могли проживать шесть человек. Благодаря увеличению площади на каждого офицера приходилось уже около 4.8 кв. м. Это позволяло офицерам не только пребывать в большем комфорте, но и использовать палатки в иных целях.

Лагерные палатки, как и походные, делились на два вида: офицерские и солдатские. Вместе с палаткой офицеры получали чертежи раскроя палатки для того, чтобы в случае необходимости ее можно было починить, заменив элементы. Офицерская лагерная палатка представляла собой пирамиду, состоявшую из четырех равнобедренных треугольников из фламского¹ армейского полотна. Основание треугольника равнялось 3 аршинам 12 вершкам (269.94 см), а сторона – 2 аршинам 14 вершкам (204.47 см). Высота палатки составляла 2 аршина 7/8 вершка (146.12 см). Она изготавливалась из материала белого цвета. В гвардейских полках на крышу палатки стелилось зеленое полотно, а на ее боках размещался кусок кумача (ОЛП, с. 618). Палатка подпиралась в центре полотна высокими деревянными кольями, углы натягивались к земле. После установки палатки ее пол также выстилался полотном, которое было в 16 раз плотнее. Площадь офицерской палатки равнялась примерно 7.3 кв. м.

Однако в «Сборнике описаний предметов и материалов, заготавливаемых Интендантством для довольствия войск» отсутствуют сведения о вместимости лагерных палаток. В офицерской походной палатке проживало шесть человек. Если предположить, что лагерные палатки вмещали такое же количество офицеров, а ее размер равнялся 7.3 кв. м, то на каждого приходилось около 1.2 кв. м. Подобная площадь не позволяла бы комфортно проживать в течение длительного времени. В таком случае можно сделать вывод, что в них проживало меньшее число офицеров. По этой причине иным способом вычисления вместимости лагерной палатки может быть ее сопоставление с походной. Если в походной палатке на одного человека приходилось около 4.8 кв. м, то при площади лагерной палатки в 7.3 кв. м в ней с комфортом могло размещаться два офицера (на каждого из них приходилось 3.65 кв. м).

Солдатская лагерная палатка, в отличие от офицерской, изготавливалась из равендука², который был гораздо плотнее, чем фламское полотно. Палатка для солдат изготавливалась уже из 16 равносторонних треугольников (СЛП, с. 622). Это было обусловлено тем, что солдатские палатки использовались более активно и быстрее изнашивались. Палатки так же представляли собой пирамиды, однако отличались размерами. Сторона треугольника равнялась 4 аршинам 7.5 вершка (317.82 см), основание треугольника – 3 аршинам 7.25 вершка (245.59 см). В свою очередь, высоту палатки составляли 2 аршина 8 вершков (177.8 см) (СЛП, с. 622). Площадь палатки равнялась примерно 6 кв. м. Солдатская лагерная палатка устанавливалась по аналогии с офицерской. Гвардейские солдатские палатки также маркировались зеленым полотном и красным сукном.

¹ Льняное полотно, изготавливаемое по фламандской технологии.

² Похожая на парусину ткань, состоящая из льна и пеньки.

В «Сборнике описаний предметов и материалов, заготавливаемых Интендантством для довольствия войск» нет сведений и о вместимости солдатских лагерных палаток. Однако, исходя из имеющихся данных, можно ее рассчитать. Площадь солдатской лагерной палатки равнялась 6 кв. м. Если предположить, что она, подобно походной, вмещала шесть человек, то на каждого приходился 1 кв. м, чего для комфортного размещения солдат было недостаточно. По этой причине иным способом вычисления вместимости лагерной палатки может быть ее сопоставление с походной, в которой на одного солдата приходилось примерно 2.25 кв. м. Следовательно, в лагерной палатке могло размещаться четыре человека. В подобных условиях солдаты могли комфортно проживать длительный срок.

Палатки, в отличие от других материалов довольствия, отличались простотой производства, поэтому проблем с их поставками не было. Они шились и заготавливались с запасом, так как были очень востребованы. Ведь от постоянных сборок палатки протирались и приходили в негодность (СЛП, с. 622). Кроме того, солдаты имели возможность заниматься их починкой в полевых условиях: чертежи и выкройки всегда имелись в полковом штабе.

В декабре 1876 г. при первоначальной разработке планов по количеству довольствия Главное интендантское управление распорядилось о выдаче необходимого количества лагерных и походных палаток. При этом планировалось также создать склад в Бендерах. В действующую армию было направлено 750 офицерских и 3 000 солдатских лагерных палаток, 4 000 офицерских и 100 000 солдатских походных палаток. Указанного количества хватало на 3 150 офицеров и 165 000 солдат. Несмотря на то, что в армию было направлено достаточное их количество, военное руководство по повелению великого князя Николая Николаевича отправило дополнительное количество палаток на 10 598 офицеров и 166 963 солдата (О потреб., с. 24).

Российское командование держало вопрос обеспечения палатками под контролем. Главное интендантское управление в декабре 1876 г. заготовило в учрежденном в Бендерах складе, помимо выданных армии, лагерных палаток на 46 000 человек и походных на 102 000 человек. Военное руководство принимало во внимание климатические условия местности, сезон, возможные затруднения. Осознавая транспортную недоступность зимнего сезона на Балканах, Главное интендантское управление приказало выслать еще 50 000 походных палаток на 300 000 человек (О потреб., с. 21). К январю 1877 г. действующая армия была обеспечена палатками с избытком. Однако в конце января 1877 г. Управление желало иметь полную уверенность в том, что палаток заготовлено достаточное количество. С этой целью в действующую армию было выслано палаток еще на 80 000 человек. Последняя партия лагерных и походных палаток должна была прибыть в распоряжение армии не позднее конца февраля 1877 г. (О потреб., с. 24).

Таким образом, всего за время подготовки армии было запасено палаток обоих видов на 733 963 человека. По состоянию на 1 ноября 1877 г. армия насчитывала 382 960 человек. Количество палаток превышало численность армии в 1.9 раза. Следовательно, общее число палаток полностью покрывало потребность солдат в действующей армии. Кроме того, был постоянный запас на случай их порчи.

За весь период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. перед Военным министерством и Главным интендантским управлением стояло множество задач по созданию необходимых для солдат условий ведения военных действий. Единственной проблемой, которая была решена полностью, стала организация проживания и быта солдат. Удачно заключенное соглашение с княжеством Румыния позволило справиться с задачей размещения солдат вне территории Российской империи. Кроме того, созданная в ходе военных реформ Александра II нормативная база позволила решить эту проблему и на территории России, благодаря чему прибывавшие на место дислокации солдаты расквартировывались без задержек.

В условиях отсутствия возможности размещения войск в постоянных постройках на военной территории создавались палаточные лагеря. Умело выстроенная работа Главного интендантского управления по обеспечению армии лагерными и походными палатками позволила войскам не испытывать нужд в этом виде довольствия. За все время боевых действий Русско-турецкой войны в рапортах и телеграммах интендантства и местного командования, обращенных к военному руководству, не было выявлено ни одной жалобы по проблеме обеспечения палатками всех видов.

Благодаря слаженной работе интендантского управления заготавливались не только новые палатки, но и полотно для починки, а также запасные части. Разработанная военными инженерами конструкция палаток обоих видов позволяла производить быструю починку в полевых условиях. Командование заботилось и о беспроблемной их транспортировке войском во время переходов. Удачно продуманная конструкция позволяла разделить комплектующие части для сборки между закрепленными за ней людьми. Кроме этого, палатки имперского периода проектировались с учетом достаточной площади на каждого солдата, что отличало их от палаток современной российской армии и способствовало повышению качества жизни военнослужащих того времени. Грамотная политика по созданию комфортных условий, проводимая интендантством и военным командованием, позволяла поддерживать у солдат удовлетворительное психофизическое состояние.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Конст. Рум. – *Constitutiunea Romaniei din 1866* (Конституция Румынии 1866 г.). URL: <http://www.constitutia.ro/const1866.htm>, свободный.
- Пис. Гл. – Письмо Главнокомандующего Государю Императору от 4 марта 1877 года // Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове: в 111 т. СПб.: Военная типография, 1898. Вып. 10а. Соображения, касающиеся плана войны. С. 21–26.
- Пол. о преобр. – Положение о преобразовании воинской квартирной повинности, выс. утв. 8 июня 1874 г. и дополненное всеми состоявшимися после того постановлениями и разъяснениями по 1 января 1878 года. СПб.: Гл. штаб, 1879. 93 с.
- Кв. рас. – Квартирное расписание действующей армии к 3 апреля 1877 г. // Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове:

- в 111 т. СПб.: Военная типография, 1898. Вып. 11. Мобилизация русской армии и сосредоточение в Бессарабии. С. 225–233.
- Пис. из Бол. – *Боткин С.П.* Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. 374 с.
- Пер. зак. – Перевод законоположения о реквизиционных повинностях, обнаруженного в Румынии в первой половине декабря 1876 года // Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове: в 111 т. СПб.: Бережливость, 1899. Вып. 22. Стратегическое развертывание Русской армии в Румынии. С. 1–11.
- О введ. – О введении и заготовлении палаток французского образца // Указатель приказов Военного министра с 1859 г. по 1-е июня 1867 г. СПб.: Тип. артиллерийского журнала, 1867. С. 176.
- Цир. Гл. – Циркуляры Гл. интендант. упр. 1870 г. № 5101 и 1876 г. № 5542. СПб.: Военная типография, 1886. 5 с.
- СПП – Походные палатки. Солдатская походная палатка // Сборник описаний предметов и материалов, заготавливаемых Интендантством для довольствия войск. Петроград: Тип. Штаба войск Гвардии и Петроградского военного округа, 1915. С. 610–614.
- Пр. МО РФ – Приказ Министерства обороны Российской Федерации от 28 января 1996 года № 39 «Об утверждении Правил организации размещения и быта войск при расположении в полевых условиях (лагерях)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901850120>, свободный.
- ОПП – Походные палатки. Офицерская походная палатка // Сборник описаний предметов и материалов, заготавливаемых Интендантством для довольствия войск. Петроград: Тип. Штаба войск Гвардии и Петроградского военного округа, 1915. С. 614–615.
- ОЛП – Лагерные палатки. Офицерская лагерная палатка // Сборник описаний предметов и материалов, заготавливаемых Интендантством для довольствия войск. Петроград: Тип. Штаба войск Гвардии и Петроградского военного округа, 1915. С. 618–622.
- СЛП – Лагерные палатки. Солдатская лагерная палатка // Сборник описаний предметов и материалов, заготавливаемых Интендантством для довольствия войск. Петроград: Тип. Штаба войск Гвардии и Петроградского военного округа, 1915. С. 622–624.
- О потреб. – О потребностях продовольственных припасов и вещей для войск армии, местах сосредоточения этих предметов и сроках доставки их. Лагерь // Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове: в 111 т. СПб.: Бережливость, 1900. Вып. 18. Снабжение предметами интендантского довольствия за время с мобилизации 1876 г. по 18 июля 1877 г. С. 21–26.

Литература

1. *Юхнёва Е.Д.* Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2012. 383 с.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 15.09.2024

Хасанов Тимур Наилевич, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: t.moor.bauer@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.121-130

**The Development of Housing Infrastructure for the Russian Army
during the Russo-Turkish War of 1877–1878**

T.N. Khasanov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: t.moor.bauer@mail.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 15, 2024

Abstract

The material conditions in the Russian army during the Russo-Turkish War of 1877–1878 are studied. A focus is placed on adequate housing as a key factor in ensuring and maintaining the psychophysical well-being of soldiers throughout military operations. The two main ways of housing troops used by Russia in that period of time are discussed: barracks and camps. The regulations that governed the accommodation of Russian military personnel within the governorates of the Russian Empire and in foreign territories, as well as the requirements for barrack facilities, both constructed and requisitioned, are outlined. The role of the support provided by the Romanian Principality to Russia and the agreements between them is considered. The deployment of the Russian army in the field is examined. Various types of tents are singled out. The level of comfort they offered is assessed. Additionally, measurements of their size and capacity are performed, and the results are compared with modern standards accepted in Russia. The tent provision in the Russian army, including that at different stages of the war, is specified.

Keywords: Russo-Turkish War of 1877–1878, Russian army, living conditions, housing of troops, camp tent, field tent

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Yukhneva E.D. *Peterburgskie dokhodnye doma. Ocherki iz istorii byta* [St. Petersburg Apartment Buildings. Essays from the History of Everyday Life]. Moscow, ZAO Izd. Tsentrpoligraf, 2012. 383 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Хасанов Т.Н. Формирование инфраструктуры квартирования российской армии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 121–130. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.121-130>. ⟩

⟨ **For citation:** Khasanov T.N. The development of housing infrastructure for the Russian army during the Russo-Turkish War of 1877–1878. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 121–130. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.121-130>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.131-141

ЛЬГОТЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ ДАВАЛА ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА В ЦАРСКОЙ РОССИИ: СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В.П. Литвинов

Независимый исследователь, г. Елец, 399740, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме служебных льгот и преимуществ в царской России. Отмечается, что в стране сложилась целая система подобных преференций, имеющих как общий, так и особенный (региональный) характер. Они были законодательно закреплены применительно к отдаленным окраинам Российской империи, в том числе к российским областям в Средней Азии (Русскому Туркестану), находившимся в ведении Военного министерства. Учитывался соответствующий опыт Сибири и Кавказа. Указаны пенсионные льготы туркестанских чиновников, сокращенные сроки службы для их выслуги, увеличенные выплаты при въезде в край и выезде из него в губернии центральной России, периодическое повышение окладов содержания чиновников за каждые пять лет службы, более продолжительные отпуска, пособия на содержание детей чиновников, обеспечение их вакансиями в учебных заведениях и оплата проезда к ним, бесплатное лечение и обеспечение лекарствами чинов администрации и полиции и др. Сделан вывод о том, что служебные льготы и преимущества сыграли свою позитивную роль в привлечении на работу в российские области Средней Азии более квалифицированных, профессионально подготовленных и опытных кадров.

Ключевые слова: Россия, Средняя Азия (Русский Туркестан), служебные льготы, преимущества, пенсии, повышенные выплаты, бесплатная медицина

Хотя Российская империя объявлялась в соответствии с нормативно-правовыми документами «единым и неделимым» государством, в стране отсутствовала единообразная система административного управления. «Общее учреждение губернское» гласило: «Российская империя, в отношении к порядку ее управления, состоит: I. Из губерний по Общему учреждению управляемых. II. Из губерний, областей и земель, по Особым учреждениям управляемых» (СЗРИ1833, ст. 1). Накануне краха царизма «Общее учреждение» распространялось на 49 европейских губерний страны, а «Особое» – на 40 губерний, областей и округов Царства Польского, Кавказского края, «Киргизской степи», Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, четыре города (Одессу, Таганрог, Керчь-Еникаль и Измаил), а также «племена разных инородцев» (СЗРИ1833, ст. 1). Оно учитывало региональную специфику различных частей Российской империи. На наш взгляд, сочетание «общего» и «особого» видов управления в царской России

содержало в себе зачатки будущей федерализации страны в советский и современный периоды.

Значительный территориальный объем империи оказывал сильное влияние не только на хозяйственную, торгово-экономическую, культурную и иную жизнь населения, но и на функционирование институтов государственного управления. Сложилась система льгот и «преимуществ» чиновников, которые во многом зависели от места их службы. Естественно, что наиболее предпочтительные места службы располагались в отдаленных окраинах, к числу которых относились российские области Средней Азии (Русский Туркестан). В отличие от других регионов Российской империи, где военная власть была отделена от гражданской, в последнем обе ветви были слиты воедино, что называлось «военно-народным управлением». В связи с упомянутым фактом и полицейские службы, находившиеся повсеместно в стране в ведении Министерства внутренних дел, были подчинены Военному министерству, а их чины носили мундиры, присвоенные этому ведомству.

«Военно-народное управление» в Туркестанской области, образованной в феврале 1865 г., было установлено «Временным положением» от 6 августа того же года (ПСЗРИ2). Оно полностью возлагало всю власть, в том числе полицейскую, на военнослужащих, оставляя вместе с тем традиционные институты «туземного» населения. Однако условия службы в Туркестане не соответствовали возможности милитарного администрирования. Нужен был активный и, желательно, доверительный диалог власти с местным мусульманством. Кроме того, царское правительство намеревалось расширить свое присутствие в Средней Азии на уровне генерал-губернаторства (края). Так называемая «Степная комиссия», составлявшая проект временного «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г., рассмотрела и вопрос о правах и преимуществах, которые давала государственная служба в Туркестанском крае (Проект 1867). Поскольку в нем утверждались принципы «военно-народного управления», слияния административной и полицейской власти на всех уровнях руководства населением, то права, льготы и преимущества одинаково распространялись на всех чинов полицейских служб региона.

Предполагалось, что при определении на службу в упомянутые области полицейские получают двойные прогоны¹ и годовые оклады жалования, как это было установлено для служащих в Сибири и Ставропольской губернии (СЗРИ1857а, ст. 1287–1292). При отъезде из Средней Азии чиновников, беспорочно отслуживших не менее пяти лет, им должны были выдаваться прогоны до нового места жительства и полугодовой оклад жалования. Проект отмечал, что преимущества государственной службы в Туркестане распространяются и на военных чинов, занимающих должности по «военно-народному управлению» края. Устанавливались отпуска – один раз в три года. Они разрешались приказом туркестанского генерал-губернатора, а жалование сохранялось за отпускатниками в течение четырех месяцев. За каждые пять лет беспорочной службы назначались надбавки в

¹ Прогоны – плата за проезд на почтовых лошадях или оплата проезда по железной дороге офицеров и чиновников (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1983. С. 539).

четверть годового оклада. Предусматривались льготы по пенсионному обеспечению. Пять лет службы в Семиреченской и Сырдарьинской областях засчитывались за семь лет. Дети чиновников Туркестанского края получали казенные вакансии в высших и средних учебных заведениях, причем право их «назначения» принадлежало опять-таки туркестанскому генерал-губернатору.

Поясняя статьи проекта об особых правах полицейских и преимуществах службы в Семиреченской и Сырдарьинской областях, его авторы отмечали в объяснительной записке, что даже в самой России существует нехватка квалифицированных чиновников, так как они ищут места с более высоким содержанием, а служба в Туркестанском крае трудна и сюда знающие и толковые люди ехать не хотят, поскольку они могут найти работу и в самой России (Об. зап.). Поэтому их надо привлекать в Среднюю Азию более высокими окладами содержания, а также льготами и преференциями службы в этом регионе. По мнению авторов проекта, служба в Туркестане была более сложной, чем в Сибири, и нуждалась в расширении перечня льгот. Они выражали надежду, что на привилегированных условиях службы чиновники более охотно поедут работать в Туркестанский край. Поскольку проект «Туркестанского положения» 1867 г. был запущен в административный оборот с личного разрешения императора Александра II, то он приобрел ранг закона, в том числе и в части установлений о правах и преимуществах, которые предоставляла служба в крае. При этом от первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана потребовали представить новый проект с учетом замечаний министерств и ведомств по аналогичному документу 1867 г.

Было бы ошибочным полагать, что туркестанский генерал-губернатор впервые столкнулся с проблемой прав и преимуществ чиновников в отдаленных областях Российской империи. Он знал примеры законодательных установлений на сей счет. Раздел V «Устава о службе по определению от правительства» был посвящен именно указанной проблеме (СЗРИ18576, ст. 1254–1410). Ст. 1254 означенного документа предписывала, что к числу отдаленных местностей империи относились: Сибирь, Астраханская, Вятская, Олонецкая, Оренбургская и Ставропольская губернии, а также некоторые уезды Архангельской и Вологодской губерний. Наиболее «интересными» К.П. Кауфману казались права чиновников и преимущества государственной службы в губерниях и областях Сибири.

В 1871 г. К.П. Кауфман направил правительству искомый проект. Особым правам полицейских и преимуществам службы в Туркестанском крае в нем была посвящена гл. 4 (РГИА, л. 11–12 об.). Во многом они были схожи с положениями проекта «Степной комиссии», но были и некоторые новации. Например, срок выслуги для получения льгот и преимуществ в Туркестанском крае сокращался с пяти лет до трех. Но даже тем, кто не прослужил трех лет, при отъезде полагались прогоны до нового места жительства, а половина пособия, выданная при поступлении на службу в Туркестанском крае, не возвращалась. Сохранялись установления Проекта 1867 г. относительно предоставления отпусков чиновникам сроком на четыре месяца с сохранением содержания. Полагались надбавки в четверть оклада содержания за каждые пять лет службы. Предлагалось сокращать наполовину сроки для получения «классного» чина. Проект 1871 г. указывал: «Чиновникам, прослужившим в Туркестанском крае беспорочно и усерд-

но пять и более лет, пенсии назначаются не по разрядам прежде занимаемых должностей, а из оклада, получаемого перед увольнением, жалования в размере, какой будет причитаться по количеству лет всей их службы» (РГИА, л. 12). Сохранились положения проекта «Степной комиссии» о пособиях чиновникам на воспитание детей и об устройстве их в учебные заведения за казенный счет, а также о выплатах вдовам чиновников, беспорочно отслуживших в крае. Документ отмечал: «Предоставленными настоящим Положением преимуществами по службе пользуются все лица, поступившие на службу в Туркестанский край с 14 июля 1867 года, то есть со дня образования Туркестанского генерал-губернаторства, и те, которые поступят в течение 10 лет со дня утверждения сего Положения» (РГИА, л. 12 об.).

Данный проект не получил утверждения в высших инстанциях, и туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман через два года представил в правительство новый документ такого рода. Его суть была изложена в пояснительной записке. Ее авторы отмечали, что проект «Туркестанского положения» 1867 г. хорошо изъяснил права служащих и преимущества службы в Туркестанском крае, из которых «главнейшее заключается в одной пенсии, назначаемой не по разрядам, а из окладов получаемого жалованья» (Поясн. зап., с. 101), как мы уже писали выше. Они указывали, что необходимо «службу в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях подобно Закавказскому краю считать 5 лет за 7» (Поясн. зап., с. 101). В записке указывалось, что в проекте 1873 г. по изложенным выше причинам предлагается следующее: 1) все права и привилегии служащих в Сибири и на Кавказе распространить на служащих в Туркестанском крае; 2) увеличить суточные при переездах на службу в Туркестанский край: генералам – до пяти руб., штаб- и обер-офицерам – до четырех руб., как это было ранее, согласно высочайше утвержденному Положению Военного совета от 27 мая 1870 г. Авторы пояснительной записки предлагали материально поощрять тех, кто едет служить в Туркестанский край из «привилегированных» губерний, а также помогать чиновникам края устраивать детей на учебу в центральные высшие учебные заведения, чтобы они потом возвращались служить в Туркестанский край. Они рекомендовали «распространить права и преимущества службы, предоставляемые настоящим Положением чинам Общего управления, и на лиц, служащих в Туркестанском крае в ведомстве других министерств» (Поясн. зап., с. 103). По мнению авторов записки, сохранение и расширение прав полицейских и преимуществ службы в Туркестанском крае обеспечило бы «хороший состав чиновников, понимающих высокое назначение быть проводниками русского влияния в присоединенной стране» (Поясн. зап., с. 104).

В Проекте 1873 г. К.П. Кауфман предусмотрел возможность замещения должностей по управлению краем не только военными, но и гражданскими лицами. Отмечалось, что при этом было учтено высочайшее повеление от 7 ноября 1870 г. «о назначении военных офицеров в должности вне военного ведомства» (Поясн. зап., с. 104). В пояснительной записке указывалось, что только военными должны были быть губернаторы областей, начальники уездов (так как они командуют войсками в своих пределах) и их старшие помощники, которые замещают их во время отсутствия. Остальные могли быть и в гражданских,

«классных» чинах. Еще в рапорте военному министру Д.А. Милютину от 18 января 1873 г. К.П. Кауфман просил предоставить ему право «назначать на должности по управлению генерал-губернаторства безразлично, как чинов гражданских (кроме некоторых должностей, предназначенных к замещению исключительно военными чинами), так и чинов военных» (Поясн. зап., с. 105). Комиссия, рассматривавшая Проект 1873 г., тоже «проектировала постановление о том, что все должности по управлению замещаются безразлично, как военными, так и гражданскими чинами, кроме должностей военных губернаторов, уездных начальников и старших помощников их, на которые исключительно назначаются военные чины» (Поясн. зап., с. 105).

12 июня 1886 г. получило действительное законодательное утверждение новое «Положение об управлении Туркестанским краем» (ПСЗРИЗ, т. VI, с. 318–344, № 3814). Права служащих и преимущества государственной службы в этом генерал-губернаторстве документ не указывал, поскольку на следующий день, 13 июня, был издан закон об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского (ПСЗРИЗ, т. VI, с. 347–357, № 3817). В нем упоминалось об областях Туркестанского края, в том числе о Семиреченской и Закаспийской, вошедших в его состав только через десятилетие с лишним.

В преамбуле закона отмечалось, что выслуженные прибавки к жалованию и пенсии сохранялись за выслужившими установленные сроки в отдаленных местностях. Указывались пенсионные преимущества, о которых мы писали выше. Устанавливалась выплата пособий чиновникам Туркестанского края и Семиреченской области «пятилетних» единовременных пособий, разрешалось брать в Туркестанском крае на службу лиц без «классного» чина до должностей VIII класса включительно и давать им первый чин – коллежского регистратора. Вместе с тем указывалось, что на должности IX и VIII классов можно было назначать подходящих людей только с разрешения «главного местного начальства» (ПСЗРИЗ, т. VI, с. 348, № 3817). Закон допускал выдачу командированным «прогоны на всякие расстояния» (ПСЗРИЗ, т. VI, с. 348, № 3817). В «Правилах об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях» отмечалось, что в Туркестанском крае, Семиреченской и Закаспийской областях необходимо предоставить служащим особые права и преимущества службы, однако они не распространялись на их уроженцев, кроме тех, кто имел высшее образование или прожил вне Туркестана не менее десяти лет. Чинам в Туркестанском крае и Семиреченской области (не включая Закаспийскую) полагалось пособие на подъем и обзаведение хозяйством: семейным – в размере годового оклада жалования по должности, а одиноким – в две трети оклада, причем его половина выдавалась перед отправлением на службу, а другая – по прибытии. Чины Туркестанского края, Семиреченской и Закаспийской областей должны были прослужить в Средней Азии не менее двух пятилетий. Прибавки к жалованию назначались за усердную службу в течение одного или нескольких пятилетий. Служащие в областях Туркестанского генерал-губернаторства (тут не упоминались Семиреченская и Закаспийская области) по выслуге десяти лет получали пособие «в размере ординарных прогонов». Закон устанавливал казенные сти-

пендии для детей чиновников Туркестанского края, Семиреченской и Закаспийской областей, которые уезжали для обучения в учебных заведениях гражданского и военного ведомств. Для учащихся высших учебных заведений полагалась стипендия в 360 руб. в год, средних – 240, низших – 120. Если дети учились при родителях, то им до 13 лет выдавалось 100 руб. в год, а с 13 до 18 лет – 150. На поездку к месту учебы они получали прогоны. Далее в Правилах шли статьи о пенсионном обеспечении чиновников. Предусматривались выплаты вдовам и детям (до 17 лет) умерших чиновников. Положения приведенного закона были включены в «Свод законов Российской империи» (СЗРИ1912, ст. 2–38).

Следует отметить, что закон от 13 июня 1886 г. касался всех чиновников, работавших в отдаленных местностях Российской империи, включая западные губернии и Царство Польское. Однако законодатель счел необходимым выделить льготы, права и преимущества для служащих именно военного ведомства, к которым относилась вся российская бюрократия в Средней Азии, в связи с чем 15 июня 1887 г. был издан соответствующий закон (ПСЗРИЗ, т. VII, с. 339–350, № 4597). Это была фактически выжимка из положений закона от 13 июня 1886 г., но касавшаяся службы только по Военному министерству в отдаленных округах страны. В ст. 1 к ним причислялся Туркестанский военный округ, но Закаспийская область упоминалась отдельно с указанием, что она «признается не смежной с Закавказьем». Ст. 4 (п. 3) оговаривала права военного духовенства: православного, католического, лютеранского. В ст. 7 повторялись установления однозначной статьи закона от 13 июня 1886 г. Далее в новом законе от 15 июня 1887 г. тоже приводились положения последнего о пособиях на подъем и обустройство хозяйством, о прибавках к жалованию по выслуге. Ст. 30 устанавливала нормы документа 1886 г. о пособиях на воспитание детей чиновников, причем «без различия приезжих от местных жителей». Последнее обстоятельство было уточнено законом от 24 марта 1900 г., который предполагал довести кредит на воспитание детей военнослужащих с 13 950 до 19 500 руб., «а взамен сего сократить на 4 500 рублей сумму... на расходы по приему и содержанию посольств, определив таковую в размере 10 000 рублей» (ПСЗРИЗ, т. XX, с. 281, № 18356). Закон от 15 июня 1887 г. также разъяснял положения об отпусках чиновников военного ведомства (ПСЗРИЗ, т. VII, с. 348, № 4597). Он касался и их пенсионного обеспечения. В начале 1901 г. закон был дополнен новыми установлениями. Государственный совет постановил: 1) время командировок чинов военного ведомства в отдаленных окраинах империи не по делам государственной службы не включать во время, необходимое для получения единовременного пособия за 10-летний срок службы; 2) рассчитывать время на получение такого пособия для лиц, прибывших служить в отдаленных окраинах империи из «непривилегированных» губерний и областей (ПСЗРИЗ, т. XXI, отд. 1, с. 71, № 19680).

В законодательстве царской России, касавшемся Средней Азии, нередко не упоминалась Закаспийская область. На наш взгляд, есть необходимость в более подробном пояснении рассматриваемой проблемы в этой части Русского Туркестана. Область была образована в 1881 г. и подчинена кавказскому начальству (ПСЗРИЗ, т. I, с. 66, № 142). В 1882 г. было утверждено «Временное положение» об управлении ею. 9 января 1883 г. военный министр П.С. Ванновский издал

приказ, в котором излагались права служащих и преимущества службы в Закаспийской области (РГВИА1, л. 206–207). В нем отмечалось следующее:

1) едуший служить в Закаспийскую область «получает единовременное пособие и подъемные: при отправлении с Кавказа полугодовой, а из прочих мест – годовой оклад жалования, соответствующий должности, на которую они назначены, и на проезд двойные прогоны по чину до места их назначения» (РГВИА1, л. 206);

2) тем, кто будет в Закаспийской области «пользоваться жалованьем не по должностям, а по чинам, выдавать в пособие на подъем: при отправлении с Кавказа – семейным годовой, несемейным – полугодовой и из прочих мест – семейным по двухгодовому окладу, а несемейным по годовому окладу жалования из основных окладов, независимо от двойных прогонов как тем, так и другим» (РГВИА1, л. 207);

3) получившие эти пособия должны были прослужить в Закаспийской области не менее трех лет, а кто отъезжал раньше этого срока, тот должен был вернуть сумму, соответствующую окладу за недослуженный срок;

4) при этом те, кто не дослужил его по здоровью, или по распоряжению начальства, или по другим заслуживающим уважения причинам, от них не зависящим, не должны были ничего возвращать.

В январе 1885 г. права и преимущества государственной службы в Закаспийской области получили законодательное утверждение (ПСЗРИЗ, т. V, с. 23, № 2688). Правовой акт указывал, что до издания «закона о преимуществах гражданской службы в отдаленных краях Империи» надо распространить все льготы и привилегии для лиц, служащих в подобных местах, и на Закаспийскую область. Как отмечалось, такой закон был издан 13 июня 1886 г., и его положения были во многом повторены в Правилах от 15 июня 1887 г. В апреле 1887 г. была установлена прогонная плата в Закаспийской области: «При следовании по грунтовым дорогам – в размере 5 копеек, а при проезде по железной дороге – в размере двух с половиной копеек за версту и лошадь... впредь до устройства торговых сообщений в Закаспийской области» (ПСЗРИЗ, т. VII, с. 196, № 4401).

В феврале 1890 г. было утверждено новое «Временное положение об управлении Закаспийской областью» (ПСЗРИЗ, т. X, отд. 1, с. 70–75, № 6576). Частично права служащих и преимущества службы в Закаспийской области перечислялись в примечании к штатам управления ею (ПСЗРИЗ, т. X, отд. 2, с. 94, № 6576). Этого было достаточно, поскольку подробно они излагались в упоминавшемся выше законе от 22 января 1885 г. Вместе с тем установления последнего иногда вступали в противоречия с пунктами «Закаспийского положения» 1890 г. В начале 1892 г. военный министр П.С. Ванновский внес в Государственный совет представление, в котором просил сохранить за некоторыми чинами «военно-народного управления» в Закаспийской области права, которые они имели до издания «Временного положения об управлении Закаспийской областью» от 6 февраля 1890 г. «Соединенные департаменты» Государственного совета постановили оставить полностью прежние оклады содержания, причем вычеты из них в инвалидный, пенсионный капиталы и в эмеритальную кассу военного ведомства отнести за счет казны (ПСЗРИЗ, т. XII, с. 186, № 8455).

Одним из существенных преимуществ государственной, в том числе полицейской, службы в Туркестанском генерал-губернаторстве было льготное лечение чиновников и членов их семей в амбулаториях и больницах края. В конце 1889 г. был издан закон (ПСЗРИЗ, т. IX, с. 655), который указывал, что для получения права на бесплатное лечение и пользование медикаментами полицейские и иные чиновники должны были отчислять из своих окладов по 2.5 % в год на госпитали и лечение, а тем, кто не платил, полагалась прибавка в 2.5 %. Для того чтобы получить такое право, надо было подать прошение в областное правление, которое переправляло его в канцелярию туркестанского генерал-губернатора на утверждение «главного начальника» края. После этого список утвержденных «бесплатников» по лечению и лекарствам направляли в Туркестанское окружное военно-медицинское управление и областным врачам. Так, 4 января 1895 г. управляющий краевой канцелярией уведомил означенное управление о том, что среди служащих по административно-полицейскому управлению Туркестанского края право на бесплатное лечение и бесплатные медикаменты имеют 25 человек, в семьях которых числится 26 женщин и 55 детей обоего пола.

18 января 1895 г. военный губернатор Ферганской области генерал-майор А.Н. Повало-Швейковский писал в Туркестанское окружное военно-медицинское управление о том, что среди подведомственных ему служащих по административно-полицейскому управлению области правом на бесплатное лечение и бесплатные лекарства обладают 52 человека, имеющие жен и детей в количестве 130 душ обоего пола. К их числу относились также начальники уездных полиций и приставы. 20 января 1895 г. военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант Н.И. Корольков прислал тому же адресату список своих «бесплатников», среди которых числились: полицейский пристав, титулярный советник Езерский (жена и трое детей); полицейский пристав, коллежский асессор Седов (жена и пятеро детей); секретарь полицейского управления Русской части г. Ташкента, не имеющий чина, Михайлов (жена и шестеро детей); начальник Казалинской уездной полиции, полковник С.Р. Путинцев (жена и дочь) и др. 15 февраля 1895 г. список лиц, имеющих право на бесплатное лечение и лекарства, прислал военный губернатор Самаркандской области. Список включал всего 51 человека (РГВИА2, с. 7–10). Из лиц, относившихся к полиции, в нем были: полицмейстер г. Самарканда, капитан М.Д. Левшин (без данных о семье); секретарь полицейского управления г. Самарканда, титулярный советник М.П. Введенский (жена); полицейский пристав, коллежский асессор И.С. Добровольский (жена); Пенджекентский участковый полицейский пристав, капитан Пузыревский (без данных о семье); полицейский пристав г. Катта-Кургана, титулярный советник В.М. Соболев (жена и три дочери); Багдошский участковый полицейский пристав, капитан Скварский (без сведений о семье).

Следует отметить, что вышеупомянутый закон о бесплатном лечении и медикаментах касался только областей Туркестанского генерал-губернаторства (края), но не имел отношения к Закаспийской области, которая тогда не входила в его состав (в августе 1900 г. его действие уже распространялось на эту область, к тому времени подчиненную царской военной администрации в Средней Азии (ПСЗРИЗ, т. XX. отд. 1, с. 1003, № 19159)). Впрочем, он не касался и Семиреченской области, находившейся в ведении Степного генерал-губернаторства (края).

Иногда возникали проблемы с определением прав и преимуществ медицинских работников в Туркестанском крае. Так, например, в 1909–1913 гг. рассматривался вопрос о восстановлении в правах и возвращении преимуществ отдаленной службы по поводу 36 врачей и фармацевтов, перемещенных из одной отдаленной местности Туркестанского края. Он возник из-за того, что они перемещались по службе в пределах края без предварительного согласования с Военным министерством. Но в целом вопрос был разрешен положительно (РГВИАЗ). Поскольку все лучше познается в сравнении, то будет нелишним указать, что в 1902 г. был издан закон о том, что полиция «военно-народного управления» в Дагестанской области тоже могла пользоваться бесплатными лекарствами из окружных аптек за счет средств Главного военно-медицинского управления Военного министерства (ПСЗРИЗ, т. XXII, отд. 1, с. 844, № 22002).

Есть основания полагать, что в странах Западной Европы во второй половине XIX – начале XX в. положение полицейских в изучаемом аспекте отличалось от условий жизни их российских коллег. Так, исследователь И.А. Андреева не рассматривает вопрос о материальном обеспечении французских полицейских, их правах и привилегиях в период Нового времени – она лишь упоминает о том, что парижский префект Л. Лепин «добился повышения жалования стражам порядка в 1894 г., введения для них системы дополнительных пособий (на одежду, жилье, в случае отставки, рождения детей). Все эти преимущества сделали парижских полицейских предметом зависти их провинциальных коллег» [1, с. 138]. И не более того. Однако из этого можно заключить, что во всех прочих местах Франции ничего не делалось в обозначенном отношении ни до, ни после 1894 г.

Представляется очевидным, что в царской России единая и обширная система льгот и служебных преимуществ сложилась еще в начале Нового времени. Число таких преференций во многом зависело от местности проживания. Наиболее широкими они были в Сибири и Средней Азии, которая была фактически чисто мусульманским регионом. Льготы для служащих и преимущества полицейской службы в Русском Туркестане были связаны с зависимостью пенсионного обеспечения, дополнительных выплат к окладам содержания, отпусков и т. п. от сроков службы. К числу подобных преференций относилось и бесплатное лечение полицейских чиновников. В целом можно считать, что служебные льготы и преимущества сыграли свою позитивную роль в привлечении на работу в российские области Средней Азии более квалифицированных, профессионально подготовленных и опытных кадров.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Об. зап. – Объяснительная записка к Положению и штатам // Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях [С объясн. запиской и прил.]. Ташкент: Тип. Воен.-нар. упр., 1880. С. 234.
- Поясн. зап. – Пояснительная записка к проекту Положения об управлении областями Туркестанского генерал-губернаторства. СПб.: Воен. тип., 1874. 105 с.
- Проект 1867 – Ст. 388–398 // Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб., 1867. 59–61 с.

- ПСЗРИ2 – № 42372. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 авг. 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881: в 55 т. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1867. Т. XL. Отд. 1: 1865. С. 876–881.
- ПСЗРИ3 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: с 1 марта 1881 г. по 1913 г.: в 33 т. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии. Т. I. 1885. 623 с.; Т. V. 1887. 1478 с.; Т. VI. 1888. 1243 с.; Т. VII. 1889. 1146 с.; Т. IX. 1891. 1490 с.; Т. X, отд. 1. 1893. [2], 845, 245 с.; Т. X, отд. 2. 1893. [2], 805, 31, 53 с.; Т. XII. 1895. 1353 с.; Т. XX, отд. 1. 1902. [2], 1168, 10, [7] с.; Т. XXI, отд. 1. 1903 г. [2], 1265, 37 с.; Т. XXII, отд. 1. 1904. [2], 1030, 139 с.
- РГВИА1 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 760: Об устройстве управления Закаспийской областью. (2 января 1882 – 4 августа 1884 г.). Л. 206–207.
- РГВИА2 – Ф. 1402. Оп. 2. Д. 37: Сведения о количестве служащих по административно-полицейскому управлению края, имевших право на бесплатное лечение (1898). Л. 7–10.
- РГВИА3 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 546. Оп. 2. Д. 3856: О восстановлении в правах и преимуществах отдаленной службы 36-ти врачей и фармацевтов, перемещенных из одной отдаленной местности Туркестанского края в другую без предварительного разрешения военного министра (1909–1913). 70 л.
- РГИА – Российский государственный исторический архив Ф. 37. Оп. 53. Д. 815: С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). Л. 11–12 об.
- СЗРИ1833 – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1833. Т. 2. С. 1.
- СЗРИ1857а – Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. Т. 3. С. 273–274.
- СЗРИ1857б – О преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях Империи и в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской // Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. Т. 3. С. 265–301.
- СЗРИ1912 – Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. Издание 1906 года // Свод законов Российской империи: в 5 кн. СПб.: Рус. книж. тов-во «Деятель», 1912. Кн. 1 (Т. 1–3). 331–337 с.

Литература

1. *Андреева И.А.* Полицейская система Франции. Омск: ОМА МВД России, 2011. 231 с.

Поступила в редакцию 20.04.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Литвинов Вячеслав Петрович, кандидат исторических наук, независимый исследователь

г. Елец, 399740, Россия

E-mail: litwinov.slav@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.131-141

Benefits and Privileges of Police Service in Imperial Russia: Central Asia

V.P. Litvinov

Independent Researcher, Yelets, 399740 Russia

E-mail: litwinov.slav@yandex.ru

Received April 20, 2024; Accepted June 10, 2024

Abstract

This article analyzes service benefits and privileges in Tsarist Russia. During the Imperial period, the country developed a complex system of them, both general and specific (regional). They were established by law for the outskirts of the Russian Empire, including those in Central Asia (Russian Turkestan) under the jurisdiction of the Ministry of War. The system was also influenced by the experiences of Siberia and the Caucasus. The analysis considers the pension benefits for Turkestan officials, reduced service terms required for retirement, increased payments for relocation to or from the region to central Russian provinces, regular salary increases every five years of service, longer vacations, allowances for children's education, guaranteed placement of children in educational institutions with paid travel to them, as well as free healthcare and medication for administrative and police officials, etc. It is concluded that all these benefits and privileges attracted more qualified, professionally trained, and experienced personnel to serve in the remote Russian territories of Central Asia.

Keywords: Russia, Central Asia (Russian Turkestan), service benefits, privileges, pensions, increased payments, free healthcare

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Andreeva I.A. *Politseiskaya sistema Frantsii* [The French Police System]. Omsk, OMA MVD Ross., 2011. 231 p. (In Russian)

Для цитирования: Литвинов В.П. Льготы и преимущества, которые давала полицейская служба в царской России: Средняя Азия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 131–141. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.131-141>.

For citation: Litvinov V.P. Benefits and privileges of police service in Imperial Russia: Central Asia. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 131–141. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.131-141>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.142-152

КУПЕЧЕСТВО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

И.И. Лейман

*Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар, 167000, Россия
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар, 167000, Россия*

Аннотация

В статье на основе комплексного анализа архивных и опубликованных источников (в том числе популярного периодического издания – «Вологодских губернских ведомостей») представлена картина применения купечеством Вологодской губернии достижений научно-технического прогресса в предпринимательской деятельности и повседневной жизни во второй половине XIX – начале XX в. Отмечается, что изучаемый период российской истории характеризовался бурным развитием науки и техники, а также внедрением достижений научно-технического прогресса в повседневную жизнь. Купечество Вологодской губернии, как и представители торгового сословия других регионов страны, в числе первых осваивало технические новинки и приспособлявало их под потребности реализуемых направлений деятельности. В 50–60-е годы XIX в. в промышленном производстве и предпринимательской деятельности активно применялись машины и механизмы, в том числе выписанные из Англии. В 70–90-е годы XIX в. купцы открывали фотографические кабинеты, осваивали телефонную связь. Электрическое освещение в Вологодской губернии впервые было использовано в 80-х годах XIX в. на винокуренном заводе, принадлежавшем наследникам купца И.А. Первушина. В начале XX в. представителями торгового сословия были открыты электротeatры; принадлежавший купцу М.Д. Первушину электротeatр «Аполло» считался одним из лучших в Вологде. В числе первых семи автовладеельцев в губернском городе был купец Д.И. Титов.

Ключевые слова: купечество, Вологодская губерния, научно-технический прогресс, телефон, электричество, электротeatр, кинематограф, автомобиль

Во второй трети XIX в. в России под влиянием научно-технического прогресса произошел промышленный переворот, следствием которого стали совершенствование техники, развитие технологий, повышение эффективности производства. Наука все больше превращалась в непосредственную производительную силу. Купечество, занятое как в сфере торговли, так и в промышленности и предпринимательстве, а также заинтересованное в повышении качества путей сообщения (что было важно для ускоренной транспортировки

товаров и грузов), более чутко по сравнению с другими сословиями реагировало на различные технические новинки. При этом те или иные результаты научно-технического прогресса не только позволяли развивать существовавшие формы промышленного производства, но и становились основой новых направлений предпринимательства, а также обогащали быт и повседневную культуру представителей торгового сословия. Это было характерно и для центральных, весьма развитых в промышленном отношении губерний, и для российской провинции. Купечество обширной Вологодской губернии, расположенной на северо-востоке европейской части страны, в этом смысле не стало исключением.

В научной литературе в контексте изучения развития и распространения различных технических новинок в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. авторы отмечают особую роль купечества в этих процессах. Купцы были среди тех, кто открывал первые кинотеатры в Вологодской, Пермской, Тобольской губерниях [1, с. 8–9; 2, с. 80; 3, с. 224; 4, с. 466]. Представители торгового сословия становились первыми владельцами такой совершенно невообразимой для начала XX в. технической новинки, как автомобиль или даже мотоцикл [5, с. 42–44; 6, с. 351–352]. Более того, купцы довольно быстро освоили новое направление предпринимательства – продажу автомобилей и деталей к ним [5, с. 43; 7].

В то же время комплексной работы, которая бы иллюстрировала взаимодействие представителей торгового сословия с различными проявлениями научно-технического прогресса во второй половине XIX – начале XX в., пока не представлено. В настоящей статье, базируясь на архивных материалах и публикациях губернской периодической печати, рассмотрим, когда и каким образом купечество Вологодской губернии внедряло технические новинки в повседневную жизнь. Базовыми методами исследования стали метод систематизации исторических данных и их дальнейшая интерпретация на основе анализа и синтеза информации.

В Вологодской губернии уже в середине XIX в. на принадлежавших купечеству фабриках и заводах использовались различные механизмы, в том числе зарубежного производства. К примеру, в начале 50-х годов XIX в. в Вельском уезде работала писчебумажная фабрика купца второй гильдии А.П. Мартянова «с превосходно устроенными в оной машинами англинскою бумагоделательною и паровую в 24 силы завода Шепелева и со всеми другими необходимыми инструментами» (в 1852 г. фабрика была выставлена на продажу за долги владельца) (I, с. 261–262).

В 1851 г. проживавший в Великом Устюге архангельский купец первой гильдии, почетный гражданин П.К. Люрс учредил «льнопрядильный, ткацкий и аппретурный¹ с белильнею завод» (II, с. 474). Импульсом для открытия завода послужило распространение «в некоторых более промышленных губерниях» механических льнопрядилен, которые значительно превосходили «трудный ручной способ приготовления тонкой пряжи» и сокращали время производства (II, с. 474). Завод – «едва ли не первый и единственный в России» – находился

¹ Аппретура – завершающий этап отделки тканей.

в 27 верстах от Великого Устюга при селе Красавино, принадлежавшем никольскому купцу первой гильдии, почетному гражданину И.Я. Грибанову, «известному в торговом мире своей неутомимою деятельностью» (поначалу многие считали, что ему принадлежал и сам завод) (II, с. 474). Завод был расположен в каменном здании, крытом железом, длиной около 40 метров и шириной с учетом примыкающих флигелей около 30 метров. Машины, «изумляющие посетителя своею многосложностью, изяществом отделки и приуроченностию к делу», были выписаны из Англии и стоили около 60 тысяч руб. серебром (II, с. 475).

Завод состоял из четырех отделений. В первом находилась «двигательная сила завода – водяное наливное колесо» диаметром около 6,5 м, шириной около 3 м и мощностью до 35 лошадиных сил (II, с. 475). Это колесо, а также ряд других колес и веретён были получены из Манчестера (Англия) от Уильяма Фэйрберна, известного шотландского инженера-строителя. Во втором отделении помещалась прядильня, в которой были два станка для чесания льна (выписаны из города Солфорда, Англия); станок для резки льна, восемь станков для приготовления льна и столько же для прядения льна (выписаны из города Лидса, Англия); паровой котел (выписан из Манчестера у Уильяма Фэйрберна). В третьем отделении была ткацкая с двадцатью станками и несколькими машинами: для навивания на станки, крахмаления и очищения пряжи. Четвертое отделение составляла аппретурная, для которой из города Барнсли (Англия) были выписаны котел, валы для прессования, колотушка, машина с паровыми цилиндрами для сушения полотна, аппретурная машина и прочие принадлежности.

Завод был запущен 6 июня 1851 г.²; аппретурная, «по неполучению к машинам некоторых принадлежностей», заработала ближе к концу года. Для «примотра за машинами и вообще для указания порядка работы» на заводе находилось пять английских мастеров; всего на заводе работало около ста человек (II, с. 475). Интересное описание непосредственной работы заводских машин оставил современник: «Лежащий у первой машины нечесанный нечистый лен, пущенный в дело, в железных руках третьей машины, а уже тем более четвертой нельзя узнать; он как бы какою-то волшебною непонятною силою превращается в белые широкие атласные и нескончаемые ленты, которые на следующей машине делаются уже, потом обращаются в толстые нити, наконец, в тонкие, а там готово и полотно, ровное, тонкое и гладкое» (II, с. 476). Устройство завода, на которое купец П.К. Люрс не щадил «ни издержек, ни личных трудов и попечений», а также его расположение на торговом пути и территории, «обильной прекрасным льном», составляло «все условия выгодного существования» и позволяло надеяться на успешное развитие в будущем (II, с. 476). В августе 1853 г. произошло чрезвычайное событие: накопление дождевой воды в р. Силеге повредило шлюз при льнопрядильной фабрике, в результате чего «стремление воды разрушило угол каменного фабричного здания, сорвало вал водяного колеса и снесло каменную кузницу, деревянный амбар, баню и чугунный ящик водяного колеса». Обломки строений были прибиты к мосту, образовав тем самым плотину и спровоцировав выход реки из берегов, в результате чего были

² Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

залиты поля государственных крестьян, уничтожено до 2 200 снопов хлеба и обрушено несколько крестьянских построек. Ущерб купца П.К. Люрса составил до 10 000 руб., крестьян – 586 руб. (III, с. 379). Льнопрядильное производство в Красавине сохранялось как на протяжении второй половины XIX в., так и в начале XX в. (IV, с. 66; V, с. 78).

Достижения научно-технического прогресса использовались купечеством не только в сфере промышленности, но и в предпринимательской деятельности. Еще в конце XVIII в. в Европе был изобретен новый, весьма богатый по изобразительным возможностям, а также сравнительно легкий, удобный и быстрый вид полиграфии – литография (печатание с плоской поверхности камня, на которой сделан рисунок). В начале XIX в. литография быстро распространилась по Европе, а в 1815 г. первая литографская мастерская была открыта в России [8, с. 3–6]. В начале 50-х годов XIX в. купец Н. Боченин содержал в Вологде литографию, где принимал заказы на «разного формата визитные и свадебные билеты, бланки и проч.» (VI, с. 222–223).

Во второй половине XIX в. расширяется спрос на типографские услуги. В начале 1866 г. вологодский купец второй гильдии В.А. Гудков-Беляков подал прошение на имя губернатора об открытии в Вологде в собственном деревянном доме частной типографии и указал при этом, что предполагает «иметь при своей типографии два ручных станка»; прошение купца было удовлетворено (VII, л. 1–2).

В 60–70-х годах XIX в. в Вологде и других городах губернии (Вельске, Кадникове, Устюге) получают распространение фотографические кабинеты, о чем свидетельствует довольно большое количество рекламных объявлений в «Вологодских губернских ведомостях». К примеру, в 1876 г. купец Калиновский получает разрешение на открытие фотографического кабинета в Устюге (VIII).

В 1880 г. в Санкт-Петербурге была введена в действие первая в Российской империи установка наружного электрического освещения лампами накаливания, а в 1883 г. здесь же была открыта первая электростанция общего пользования [9, с. 9]. 12 августа 1885 г. в России утвердили Временные правила канализации электрического тока большой силы и устройства проводов и прочих приспособлений для электрического освещения [9, с. 11]. «Возникающие в местных общественных учреждениях предположения относительно электрического освещения» теперь нужно было отправлять на утверждение в Министерство внутренних дел; кроме того, местные власти должны были предоставить сведения об уже существовавших сооружениях с электрическим освещением (IX, л. 1–1 об.). В этой связи в 1890 г. Вологодское губернское правление запросило информацию о наличии электрического освещения в городах и уездах. Оказалось, что во всей губернии электричество применялось лишь в г. Вологде на винокуренном заводе наследников александровского купца И.А. Первушина (причем еще в середины 80-х годов XIX в.). Освещение было организовано техником фирмы «Джон Слент» из Москвы и осуществлялось «посредством устроенного от паровиков привода к динамо-электрической машине и проложенных внутри завода изолированных проводов» (IX, л. 13). Всего внутри завода было 50 ламп, и еще две – во дворе «на особых деревянных столбах с проволочными проводами на расстоянии 3 саж. от земли» (IX, л. 13). Согласно данным Государственного

архива Вологодской области (далее – ГАВО), появление прошений, связанных с использованием электричества на территории Вологодской губернии, относится преимущественно к концу XIX – началу XX в. Три из шести таких дел касаются деятельности купцов. Так, в 1911 г. была освидетельствована электрическая установка на уже упомянутом заводе братьев Первушиных (X). В 1912–1913 гг. купец А.И. Ноготков проводил электрическое освещение своего имения, расположенного недалеко от Устюга (XI). В 1916–1917 гг. происходило освидетельствование электрической установки на мукомольной мельнице устюжского купца В.Е. Корельского (XII).

В начале 90-х годов XIX в. в Вологде начинает развиваться телефонная связь. В ГАВО хранятся дела об устройстве телефонного сообщения для первых частных абонентов: всего в фондах Вологодского губернского правления за конец XIX – начало XX вв. таких дел выявлено пять, три из которых были связаны с купцами. К примеру, в 1895 г. купец Н. Волков обратился с просьбой установить телефонную связь между его домом и маслодельным заводом (XIII). В 1897 г. купец В.И. Грачев изъявил желание устроить телефонное сообщение между собственным домом и овощно-железным рядом на Гостиннодворской площади, а купец П. Беляев – между домом и мебельным магазином на Золотушной набережной (XIV; XV).

В указанном ключе интересно привести выдержку из рассказа М. Горького «Н.А. Бугров», в одном из эпизодов которого показано отношение современников к упомянутой технической новинке. Н.А. Бугров (1837–1911) – нижегородский купец, миллионер, крупный торговец хлебом, владелец паровых мельниц, десятка пароходов, флотилии барж и др., известный благотворитель Нижегородской губернии и один из крупнейших благотворителей Российской империи. Телефон также стал неотъемлемой частью его повседневной жизни, в то время как его подчиненные относились к новинке с большой опаской: «Я [Н.А. Бугров] ученых спрашивал: “Это что значит – электричество?” – “Сила, говорят, а какая – неведомо”. Даже – ученые. А каково мужику видеть это? Ведь ему не скажешь, что бог вагоны по улицам гоняет. А что не от бога, то – от кого? То-то. Да тут еще телефоны и всякое другое. У меня артельщик – умный парень, грамотей – до сего дня, к телефону подходя, – крестится, а поговорив, руки мылом моет – вот как! Всё – фокусы. Польза в них есть, я – не против этого, я только спрашиваю: как понять это мужику, лесному-то человеку?» (XVI, с. 223). Описанная ситуация демонстрирует, что освоение тех или иных достижений технического прогресса требовало не только определенных финансовых средств, знаний и умений, но также и преодоления психологического барьера, что, в свою очередь, было доступно далеко не каждому.

В 1908 г., через 12 лет после первого в Российской империи киносенсационного, в Вологде открылся первый кинотеатр [1, с. 8]. Всего по данным ГАВО с указанного времени и до 1917 г. в Вологодское губернское правление было подано 23 прошения об открытии кинотеатров (или, как их иногда называли, электротеатров и кинематографов); три прошения было написано от имени купцов. Так, в 1909–1910 гг. купцом Шишкаревым был устроен электротеатр в Устюге (XVII).

В марте 1910 г. купец М.Д. Пермяков открыл кинотеатр в Вологде (XVIII). В сентябре 1909 г. он подал прошение в Вологодское губернское правление, желая «устроить и открыть театр-кинематограф» на втором этаже принадлежавшего ему каменного дома на Ярмарочной площади г. Вологды. М.Д. Пермяков просил «назначить комиссию для осмотра назначенного помещения» и выдачи разрешения в том числе на помещение во дворе дома, где был установлен керосиновый двигатель фирмы «Отто Дейтц» для приведения в действие «аппарата и электрических установок» (XVIII, л. 1–2, 21 об.). Помещение на втором этаже дома, предназначенное для кинотеатра, было в длину около 18 м, в ширину около 7 м и высотой чуть более 3 м, что, согласно нормам того времени, предполагало вместимость от 200 до 225 человек (XVIII, л. 2–2 об.). Последний ряд находился выше первого примерно на 0.7 м (1 аршин) (XVIII, л. 1). Зал имел два основных выхода в фойе и еще один запасной на лестницу. В примыкавшей каменной пристройке были приспособлены «ватерклозеты с уборными и особыми отделениями для дам в верхнем и мужчин в нижнем этажах» (XVIII, л. 21 об.). В целях безопасности был проведен водопровод и размещены пожарные краны с рукавами; снаружи была установлена металлическая пожарная лестница. Кинотеатр получил название «Аполло» (XVIII, л. 24). Он единственный в Вологде имел собственную эмблему и в целом считался одним из лучших в городе [1, с. 9].

В 1910 г. купец Р.С. Шрамм подал прошение об устройстве в Вологде «кинематографа при жилом помещении» (XIX, л. 13). В 1913–1914 гг. он же открыл новый зрительный зал при кинотеатре «Рекорд» (XX). Количество электротеатров увеличивалось довольно быстро, что привело местные власти к мысли ввести налог с дохода этих предприятий в пользу города. Однако данная инициатива пришла в противоречие с действовавшим законодательством и практически сразу была отменена (XIX, л. 51–56).

Еще одним «чудом» провинциальной жизни начала XX в. стало появление на улицах города автомобилей. В 1915 г. в Вологде в собственности семи человек числились четыре автомобиля и пять мотоциклов; в числе владельцев был и купец Д.И. Титов (XXI, л. 76). Ввиду наличия в городе целого автопарка в том же году местными властями был установлен «особый сбор в пользу города с автомобилей и мотоциклетов», а именно по одному рублю с каждой лошадиной силы (XXI, л. 1–2, 8, 13). Кроме того, летом 1915 г. было издано постановление о порядке движения по Вологде автоматических экипажей (XXI, л. 1–6, 9–9 об.). Согласно новым правилам, к управлению автомобилем допускались лица исключительно с 18 лет, предоставившие информацию о себе (имя, возраст, адрес), заключение полиции об отсутствии каких-либо препятствий для вождения, удостоверение о знании устройства автоматических двигателей и медицинское свидетельство об отсутствии физических недостатков, мешающих управлению автомобилем (близорукости, глухоты и т. п.) (XXI, л. 9 об.).

Отдельно были прописаны технические требования к автомобилям. Так, каждый «автоматический экипаж» должен был иметь «приспособление для моментальной остановки»; «пневматическую грушу или электрических прибор (гудок) для подачи сигналов»; два белых фонаря спереди и один красный фонарь сзади для освещения номера; приспособление, которое лишало посторон-

них лиц «возможности пускать в ход экипаж во время отсутствия управляющего им» (XXI, л. 9). Автомобиль, который прошел технический осмотр специальной комиссией (ее состав определялся городской управой), получал номерной знак. Этот знак имел срок действия, по истечении которого терял силу, и помещался «на задней стороне экипажа на видном месте» (XXI, л. 9 об.). Езда «для собственной надобности и для легкового пассажирского извозного промысла» была возможна по всем городским улицам; для перевозки грузов существовали некоторые ограничения (XXI, л. 9). Скорость движения не должна была превышать 15 верст в час (около 16 км/ч). В случае если автомобиль «будет вызывать беспокойство лошадей или других животных», следовало сбавить скорость или вовсе заглушить двигатель (XXI, л. 9 об.).

После введения в действие новых правил в октябре 1915 г. автовладельцы, в том числе и купец Д.И. Титов, должны были приготовить транспортные средства к осмотру «командированными управою лицами совместно с представителями полиции» (XXI, л. 35). По итогам осмотра выяснилось, что «никаких документов, из которых можно было бы получить данные о размерах цилиндров, ходе поршней, количестве сил машин и собственном весе экипажей» у автовладельцев не оказалось (XXI, л. 39–39 об.). В связи с этим все данные были определены «приблизительно, путем наружного осмотра и устных сведений, сообщаемых владельцами экипажей» (XXI, л. 39 об.). Подобным путем было установлено, что Д.И. Титов владеет автомобилем марки «Форд» с четырехцилиндровым двигателем мощностью 8 лошадиных сил (XXI, л. 57 об.–58). Исходя из технических характеристик транспортного средства, купец уплатил за 1915 г. налог в сумме 8 руб. (XXI, л. 45, 57 об.–58). Прочих документов – заключения полиции, медицинского свидетельства и удостоверения о знании устройства автоматических двигателей – у Д.И. Титова не было (как, впрочем, и у остальных автовладельцев, за исключением Н.В. Прибыткова, который имел удостоверение Московской школы шоферов).

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. представители купечества Вологодской губернии активно использовали различные достижения научно-технического прогресса в своей повседневной практике. В 50–60-х годах XIX в. это были машины и механизмы, в том числе выписанные из Англии. В 70-е гг. XIX в. популярность обрели фотографические кабинеты, в числе владельцев которых также были представители торгового сословия. В 80-х годах XIX в. в Вологде было впервые применено электрическое освещение – на винокуренном заводе, принадлежавшем наследникам купца И.А. Первушина (хотя в целом распространение электричества в Вологодской губернии в большей степени характерно для второго десятилетия XX в.). В 90-х годах XIX в. с началом развития в Вологде телефонной связи большую часть первых частных абонентов составляли купцы, использовавшие телефон для сообщения с собственными торговыми точками и предприятиями. В начале XX в. в Вологодской губернии произошел настоящий кинематографический бум, когда открылось более двух десятков электротеатров. В числе их владельцев также были представители купечества, а один из лучших электротеатров Вологды – «Аполло» – принадлежал купцу М.Д. Пермякову. И даже среди первых семи автовладельцев из Вологды

был представитель торгового сословия. В совокупности представленные факты свидетельствуют о большой степени открытости купечества к достижениям научно-технического прогресса и довольно быстрой адаптации ими технических новинок под задачи повседневной практики.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I. Вологодские губернские ведомости. Отдел первый. 1852. № 44.
- II. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1851. № 42.
- III. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1853. № 43.
- IV. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России: Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1894. [4], XVI, 827 с.
- V. Список фабрик и заводов Российской империи: Сост. по офиц. сведениям Отд. промышленности М-ва торговли и промышленности под ред. В.Е. Варзара. Ч. 1. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1912. 720 с.
- VI. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1852. № 22.
- VII. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2436: Дело об открытии в городе Вологде типографии купцом Владимиром Гудковым-Беляковым. 10 л.
- VIII. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2878: Дело о разрешении купцу Калиновскому открытия в городе Устюге фотографии. 8 л.
- IX. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3481: Дело об устройстве электрического освещения в городах губернии. 74 л.
- X. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7555: Дело об освидетельствовании электрической установки на заводе бр. Первушиных. 32 л.
- XI. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7739: Дело о разрешении купцу Ноготкову А.И. устройства электрического освещения в его имении близ г. В. Устюга. 65 л.
- XII. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8932: Дело об освидетельствовании электрической установки на мукомольной мельнице в.-устюгского купца В.Е. Корельского. 31 л.
- XIII. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3768: Дело о разрешении вологодскому купцу Н. Волкову установить телефонную связь между его домом и маслодельным заводом. 4 л.
- XIV. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4166: Дело об устройстве телефонного сообщения между домом Грачева на Глинковской набережной и овощножелезным рядом на Гостиннодворской площади г. Вологды. 10 л.
- XV. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4167: Дело об устройстве телефонного сообщения между домом вологодского купца П. Беляева на Екатерининской улице и мебельным магазином на Золотушной набережной. 8 л.
- XVI. Горький М. Н.А. Бугров // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. Т. 15: Рассказы, очерки, заметки из дневника, воспоминания. С. 208–241.
- XVII. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6776: Дело об открытии вологодским купцом Шишкаревым электротeatра в г. Устюге. 39 л.

- XVIII. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6775: Дело о разрешении вологодскому купцу Пермякову открытия театра кинематографа. 32 л.
- XIX. ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 773: Дело об устройстве в г. Вологде кинематографов. 56 л.
- XX. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7881: Дело о разрешении купцу Шрамм Р.С. открытия нового зрительного зала при кинематографе «Рекорд» в 1-м участке г. Вологды. 50 л.
- XXI. ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 1643: Сведения о владельцах автомобилей в г. Вологде. 58 л.

Литература

1. *Канунова Т.Н.* Кино Вологодчины. Вологда: Вологодский обл. информ. центр, 2013. 269 с.
2. *Собакина А.А.* Синематограф как фактор модернизации провинциальной культуры России (на примере культуры Вологодской губернии рубежа XIX–XX веков) // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2021. № 3 (60). С. 79–83. https://doi.org/10.53115/19975996_2021_03/
3. *Устюгова В.В.* «Новый Парадиз»: институциональные аспекты деятельности кинематографических театров российской провинции начала XX в. // *Новейшая история России*. 2016. № 2 (16). С. 217–235. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.211>.
4. *Юнина Е.А.* Процесс распространения и условия открытия стационарных кинотеатров в городах Тобольской губернии в начале XX века // *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 451–468. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-451-471>.
5. *Габдрафикова Л.Р.* «Телеги нечестивых оскорбляют религию...» (Транспортные средства татарского сообщества начала XX в.) // *Эхо веков*. 2015. № 3-4. С. 41–46.
6. *Касанов А.С.* Кузьма Лаптев. Противоречивый портрет пионера технического прогресса в Вятке // *Общество. Наука. Инновации (НПК-2019): сб. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф., Киров, 1–26 апр. 2019 г.: в 4 т. Киров, Изд-во ВятГУ, 2019. Т. 3. С. 350–358.*
7. *Алексашина А.М., Алексушин Г.В.* Опыт самарского купечества начала XX века по продаже автомобилей // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 5-1(33). С. 241–245.
8. *Суворов П.И.* Литография. Практическое руководство для художников. М.: Искусство, 1941. 188 с.
9. *Грищенко А.И., Зиноватный П.С.* Энергетическое право России (правовое регулирование электроэнергетики в 1885–1918 гг.). М.: Юрист, 2008. 279 с.

Поступила в редакцию 15.07.2024

Принята к публикации 15.09.2024

Лейман Ирина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы¹; старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России²

¹Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Октябрьский просп., д. 55, г. Сыктывкар, 167000, Россия

²Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
ул. Коммунистическая, д. 26, г. Сыктывкар, 167000, Россия
E-mail: irinaleyman@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)**2024, vol. 166, no. 4, pp. 142–152**

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.142-152

Merchants and Technological Progress (A Case Study of the Vologda Governorate during the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries)*I.I. Leyman**Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, 167000 Russia
Institute of Language, Literature, and History, FRC Komi Science Center,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, 167000 Russia*E-mail: irinaleyman@gmail.com

Received July 15, 2024; Accepted September 15, 2024

Abstract

This article shows, based on a detailed analysis of both archival and published sources (including the periodical “Vologodskie Gubernskie Vedomosti” (“Vologda Provincial Gazette”)), how Vologda merchants used various technological advancements in their business and daily practices during the second half of the 19th and early 20th centuries. In the Russian Empire, it was the time of rapid science and technology development, with innovations becoming increasingly integrated into everyday life. The merchants of the Vologda Governorate, like those in other regions, were the early adopters of this progress, adjusting and exploiting the changes for their benefit. In the 1850s–1860s, they already actively used machinery and equipment, some imported from England, to facilitate industrial manufacturing and ease commercial operations. In the 1870s–1890s, they opened photography studios and began utilizing telephone communications. During the 1880s, electric lighting made its debut in the Vologda Governorate, which was at a distillery owned by the heirs of the merchant I.A. Pervushin. The emergence of electric theaters in the region is also associated with the efforts of local merchants. In the early 20th century, cinematography flourished, with M.D. Pervushin’s electric theater “Apollo” being one of the best in Vologda. Besides, the merchant class was at the forefront of promoting the use of cars, and among the first seven car owners in Vologda was the merchant D.I. Titov.

Keywords: merchants, Vologda Governorate, technological progress, telephone, electricity, electric theater, cinematography, car

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Kanunova T.N. *Kino Vologodchiny* [Cinematography in the Vologda Region]. Vologda, Vologod. Obl. Inf. Tsentr, 2013. 269 p. (In Russian)
2. Sobakina A.A. Cinematography as a driving force of modernization in Russian provincial culture (a case study of the Vologda Governorate culture between the 19th and 20th centuries). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)*, 2021, no. 3 (60), pp. 79–83. https://doi.org/10.53115/19975996_2021_03/. (In Russian)
3. Ustyugova V.V. “New Paradise”: Institutional aspects of cinematic theaters in provincial Russia during the early 20th century. *Noveishaya Istoriya Rossii*, 2016, no. 2 (16), pp. 217–235. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.211>. (In Russian)
4. Yunina E.A. The process of expansion and the conditions for opening of permanent cinemas in the cities of the Tobolsk Governorate during the early 20th century. *Nauchnyi Dialog*, 2021, no. 1, pp. 451–468. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-451-471>. (In Russian)

5. Gabdrafikova L.R. "The carts of the wicked insult religion..." (transportation in the Tatar community during the early 20th century). *Ekho Vekov*, 2015, nos. 3–4, pp. 41–46. (In Russian)
6. Kasanov A.S. Kuzma Laptev. A controversial portrait of Vyatka's trailblazing technology innovator. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2019): Sb. st. XIX Vseros. nauch.-prakt. konf., Kirov, 1–26 apr. 2019 g.* [Society. Science. Innovations (SPC-2019): Proc. XIX All-Russ. Sci.-Pract. Conf., Kirov, Apr.1–26, 2019]. Vol. 3. Kirov, Izd. VyatGU, 2019, pp. 350–358. (In Russian)
7. Aleksashina A.M., Aleksushin G.V. Car sales by Samara merchants in the early 20th century. *Skif. Voprosy Studencheskoi Nauki*, 2019, no. 5-1(33), pp. 241–245. (In Russian)
8. Suvorov P.I. *Litografiya. Prakticheskoe rukovodstvo dlya khudozhnikov* [Lithography. A Practical Guide for Artists]. Moscow, Iskusstvo, 1941. 188 p. (In Russian)
9. Grishchenko A.I., Zinovatnyi P.S. *Energeticheskoe pravo Rossii (Pravovoe regulirovanie elektroenergetiki v 1885–1918 gg.)* [Energy Law of Russia (Legal Regulation of the Electric Power Industry in 1885–1918)]. Moscow, Yurist, 2008. 279 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Лейман И.И. Купечество и научно-технический прогресс (на примере Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 142–152. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.142-152>. ⟩

⟨ **For citation:** Leyman I.I. Merchants and technological progress (a case study of the Vologda Governorate during the second half of the 19th and early 20th centuries). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 142–152. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.142-152>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470.41-25) "18/19"

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.153-167

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ГРАУЭРТ – ГЛАСНЫЙ КАЗАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

А.А. Трегубов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящее время очевидно, что традиционное для отечественной историографии отношение к чиновникам царской России как к людям, чуждым всего прогрессивного и равнодушным к общественному благу, привело к забвению большого числа достойнейших из них. Значительный интерес представляет изучение биографий лиц, принимавших активное участие в органах местного или общественного самоуправления провинциальных городов Российской империи, внесших заметный вклад в развитие различных сфер городского хозяйства. К числу таких людей принадлежит Николай Федорович Грауэрт – казанский общественный деятель, гласный Казанской городской думы и член Городской управы (с 1897 по 1916 г.), входивший в состав различных городских исполнительных комиссий (Училищной, Театральной и Лесной), биография которого до сих пор не была предметом специального изучения. Вовлеченный в октябрьские события 1905 г. в Казани, он был признан государственной властью одним из основных виновников «казанской смуты». В результате архивных исследований реконструирована биография Н.Ф. Грауэрта. Отмечена его роль в качестве председателя Училищной комиссии Городской управы по улучшению положения городского учебного дела, а также в осуществлении устройства школьной сети в связи с вопросом всеобщего обучения в Казани.

Ключевые слова: Казанская городская дума, XX век, местное самоуправление, гласные городской думы, биографии, Грауэрт Н.Ф., 1905 год, общественная деятельность

Революционные выступления, произошедшие в Казани 17–23 октября 1905 г. и вошедшие в отечественную историографию под названием «казанской смуты», сделали известными широкой общественности ряд лиц, одним из которых был Н.Ф. Грауэрт. Именно он исполнял должность городского головы, под председательством которого 19 и 20 октября 1905 г. состоялись экстренные заседания Казанской городской думы с целью оглашения Высочайшего манифеста 17 октября и предотвращения последующего кровопролития в Казани.

После проведенного расследования всю ответственность за «казанскую смуту» власть возложила на заступающего место городского головы Н.Ф. Грауэрта и А.П. Попядухина, принявшего исполнение обязанностей городского головы вечером 20 октября [1, с. 62–63, 93]. В Российском государственном историческом архиве отложилось дело: «О привлечении к ответственности членов городского управления Н. Грауэрта и А. Попядухина за предоставление убежища в

общественных зданиях демонстрантам и создание городской милиции в Казани в октябре 1905 года» (РГИА). Дело было передано в Сенат и разбиралось Соединенным присутствием Первого и Уголовного кассационного департаментов Правительствующего Сената, который специализировался на вопросах предания суду обвиняемых в должностных преступлениях.

Проявивший преступное бездействие казанский губернатор П.Ф. Хомутов к суду привлечен не был. Сдав управление губернией вице-губернатору Д.Д. Кобеко 1 ноября 1905 г. «по случаю болезни», через несколько дней Именным Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, он и вовсе был «Всемилоостивейше уволен, согласно прошению, от занимаемой им должности, с причислением к Министерству внутренних дел» (КГВ, с. 1). Что же касается самих «милиционеров», захвативших здание Городской думы и устроивших перестрелку, то дело в отношении большинства из них – 92 человек – вскоре было прекращено довольно загадочным образом. Несмотря на показания многочисленных свидетелей и заключение экспертов об использовании в процессе перестрелки восьми револьверов, следствие так и не установило, кто же конкретно из них стрелял. Что еще более странно, предварительным следствием не было установлено, «чтобы обвиняемые собрались к зданию Городской думы с какой-либо противоправительственной целью и чтобы ими было оказано какое-либо противодействие военной силе» [1, с. 93].

Несмотря на уголовное дело и обвинение в должностном преступлении, А.П. Попрядухину¹ впоследствии все-таки удалось стать городским головой Казани, а вот Н.Ф. Грауэрту кроме пошатнувшегося здоровья это стоило думской карьеры – отношением губернатора М.В. Стрижевского от 30 октября 1910 г. за № 3036 городскому голове было предложено уволить его с должности члена Городской управы. Сложив с себя полномочия члена Городской управы и заступающего должность городского головы, Н.Ф. Грауэрт остался гласным Думы и председателем Училищной комиссии, что, согласно ст. 121 Городового положения 1892 г., уже не давало никаких привилегий государственного служащего и приравнивало его к вольнонаемным (ГА РТ1, л. 70, 78).

Николай Федорович Грауэрт родился 26 апреля (по ст. ст.) 1845 г. (ГА РТ1, л. 18 об.) в семье военного. Род Грауэртов принадлежал к потомственному дворянству Гродненской губернии Белостокского уезда. Кроме Николая в семье были старший брат Александр и младшая сестра София². В отложившейся документации Государственного архива Республики Татарстан не удалось обнаружить сведений о матери и начальном образовании Николая Федоровича. Зато известно, что его отец, Федор Федорович Грауэрт, был пехотным офицером и служил в карабинерном Гросс-Герцога Фридриха-Франца II Мекленбургского полку. Военная карьера Грауэрта-старшего хорошо прослеживается по официальным изданиям – Высочайшим приказам о чинах военных, «Списку майорам

¹ Попрядухин Александр Павлович (26 окт. 1856 г. – 19 февр. 1916 г.) – ветеринарный врач, по окончании Иркутской гимназии поступил в Казанский ветеринарный институт, курс которого окончил в 1881 г., городской голова Казани с 1906 по 1909 г.

² В замужестве – Кривская София Федоровна; вышла замуж за одного из представителей древнего дворянского рода Кривских, однокурсника своих братьев по Санкт-Петербургскому лесному и межевому институту Кривского Владимира Сергеевича (1843 – 18 дек. 1901), в браке у супругов родились дочери Наталия и Екатерина.

по старшинству» и «Памятной книжке для Псковской губернии» за различные годы. С 1848 по 1853 г. он – пограничный надзиратель Виленской бригады пограничной стражи Юрбургского таможенного округа (ИСЧПС), затем капитан Троицкого полубатальона военных кантонистов, Псковского батальона военных кантонистов. В последующем Ф.Ф. Грауэрт становится офицером Софийского пехотного полка³ (СМС, с. 299). За участие в усмирении польского мятежа 1863–1864 гг. он был награжден орденом св. Станислава 2-й ст. (СМС, с. 111). Получив чин подполковника, в 1866 г. вышел в отставку (ГА РТ2, л. 13).

Оказавшись перед выбором профессии, Николай Грауэрт не продолжил дело своего отца. Решающим аргументом в пользу предпочтения гражданской службы для Александра и Николая Грауэртов, вероятно, был пример родного дяди, Юлия Федоровича Грауэрта. Поступив в Институт инженеров путей сообщения имп. Александра I и успешно окончив полный курс наук 6 июня 1826 г., Юлий Федорович был произведен в чин поручика (СОИИПС, с. 13). Дослужившись до чина инженер-полковника, став кавалером орденов св. Станислава 2 ст., св. Анны 3 ст. и медали «В память войны 1855–1856 гг.», он был назначен помощником начальника V округа Главного управления путей сообщения и публичных зданий (г. Ярославль) инженер-генерал-майора Ф.Ф. Зеге-фон-Лауренберга (АЯГ, с. 42).

Николай Грауэрт вместе со старшим братом Александром в 1860 г. был зачислен кадетом в первую (лесную) роту Санкт-Петербургского лесного и межевого института.

16 апреля 1863 г. Н.Ф. Грауэрт окончил полный курс обучения седьмым в списке успеваемости, со званием лесного кондуктора. Как и все выпускники лесной роты, он был переведен для практических занятий в Лисинское учебное лесничество. Спустя год за отличие в экзаменах Высочайшим указом по Корпусу лесничих Н.Ф. Грауэрт был произведен в прапорщики Корпуса⁴ с назначением запасным лесничим. В 1866 г. он стал подпоручиком Корпуса лесничих и вместе со старшим братом Александром направлен в Казанскую губернию. По распоряжению Палаты государственных имуществ Казанской губернии Н.Ф. Грауэрт был назначен лесничим I Цивильского лесничества (ГА РТ1, л. 18 об.).

Главными функциями лесничего всегда были лесоохрана и обеспечение доходности лесничества. Однако, находясь, как правило, на периферии губернии, лесничие выступали в качестве представителей интересов царской власти – являлись членами земских органов управления. Так, например, в Царевококшайском уезде до 90-х годов XIX в. всем ведали лесничие: были членами училищного совета и ревизионной комиссии, служили членами управы. «Земством нескольких лиц» было Козьмодемьянское земство, где членом управы в течение десяти лет был лесничий В.С. Кривский⁵ [2, с. 424–427]. С 4 октября 1881 г. в должности почетного мирового судьи по Козьмодемьянскому судебному округу

³ Софийский пехотный полк принял участие в подавлении польского мятежа 1863–1864 гг. 19 марта 1863 г. полк отличился в сражении при мызе Беликова, 20 апреля 1863 г. – в сражении в Выгановском лесу, а 7 сентября 1863 г. – в «деле» у местечка Пионткова при уничтожении отряда В.А. Врублевского.

⁴ Выпуск 1864 г., в числе выпускников которого были и братья Грауэрт, являлся последним выпуском Санкт-Петербургского лесного и межевого института. В 1863 г. институт был преобразован в Лесную академию, а в 1864 г. – в Санкт-Петербургский земледельческий институт.

⁵ С 1 июля 1901 г. вплоть до дня своей смерти 18 декабря 1901 г. В.С. Кривский состоял в должности городского лесничего г. Казани.

состоял и Н.Ф. Грауэрт, а приказами по Министерству юстиции от 20 февраля и 23 июня 1881 г. Николай Федорович приглашался к участию по делам Уездного по крестьянским делам присутствия, в котором по 29 ноября 1886 г. исполнял должность члена Присутствия (ГА РТ1, л. 22–22 об.).

Согласно Формулярному списку о службе, хранящемуся в фонде Казанской городской управы ГА РТ, Н.Ф. Грауэрт последовательно прошел все классные чины от коллежского секретаря до статского советника, стал кавалером орденов св. Станислава 3 ст. и св. Анны 3 ст., дважды, в 1874 и в 1876 гг., по Всеподданнейшему докладу министра госимуществ императору был награжден 200 руб. (ГА РТ1, л. 18 об.–21).

Увеличению значимости общественного положения Николая Федоровича среди казанского чиновничества послужила его женитьба на Серафиме Петровне Колосовой, дочери надворного советника, смотрителя Вещевого склада Окружного интендантского управления Петра Ефимовича Колосова (АКГ1, с. 64). В браке у супругов родилось четверо детей: Леонид (1876 г.), Сергей (1880 г.), София (1886 г.) и Лев (1889 г.) (ОРРК НБЛ КФУ, л. 77 об.–78).

Со 2 сентября 1874 г. Н.Ф. Грауэрт был назначен лесничим I Козьмодемьянского первого разряда лесничества (ГА РТ1, л. 20 об.–21). В отличие от Цивильского уезда, где леса составляли лишь 18 % удобной земли, из которых на долю лиственных пород (дуб и липа) приходилось 80.13 %, а пятая часть лесов (хвойные породы) состояла в основном из ели (ОЗ, с. 174–175), Козьмодемьянский уезд был более богат лесами – они занимали 65.5 % всех удобных земель. Особенно облесенными являлись северный и западный районы уезда, где росли в основном хвойные породы (ели, сосны и пихты) (МСОЗУ, с. 134, 138). И если доходность I Цивильского лесничества, возглавляемого Н.Ф. Грауэртом, в значительной степени зависела от колебания урожаев хлеба – урожаями определялась покупная способность местного населения (ОЗ, с. 177, 182), то важным фактором, позволявшим поддерживать доходность I Козьмодемьянского лесничества, было наличие в уезде Козьмодемьянской лесной ярмарки, которая по праву считалась крупнейшей, имея всероссийское значение.

Став 29 сентября 1879 г. старшим лесным ревизором, Н.Ф. Грауэрт (ГА РТ1, л. 20 об.–21) уже не руководил лесничеством, в его обязанности входили осмотр и проверка целостности лесов лесничеств Козьмодемьянского уезда, инспекция лесной стражи, освидетельствование значительных торговых операций и отпусков леса; он подтверждал и подписывал хозяйственные планы, составляемые лесничими; ему были предоставлены полномочия наблюдения за точным исполнением должностных обязанностей и «лесных» законов местными лесными чинами.

В 1888 г. семья Грауэртов переехала в Казань, в карьере лесного ревизора произошли серьезные перемены – приказом по Корпусу лесничих его назначили ревизором-инструктором Управления государственными имуществами Казанской губернии, а с 9 октября 1888 г. Н.Ф. Грауэрт становится старшим запасным лесничим, исполняющим обязанности ревизора. Значительно увеличилось и годовое жалованье, которое теперь составляло 2 500 руб. (ГА РТ1, л. 22 об.–23 об.). Семья поселилась рядом с Казанским Кремлем в родительском доме Серафимы Петровны Грауэрт (по Касаткиной улице), которым она владела совместно со

своей сестрой, Зинаидой Петровной Вараксиной, женой одного из представителей известного в Казани купеческого рода Вараксиных (ГА РТЗ, л. 9).

Находясь в должности старшего запасного лесничего Управления государственными имуществами Казанской губернии, а с 18 января 1889 г. став статским советником, Н.Ф. Грауэрт исполнял специальные поручения управляющего, статского советника Федора Юльевича Юргенсона (ГА РТ1, л. 22 об.–23).

С 1 по 10 августа 1889 г. в Казани состоялся VII Всероссийский съезд лесовладельцев и лесохозяев. Основной темой казанского съезда было обсуждение уже вступившего в силу Положения о сбережении лесов от 4 апреля 1888 г. Своим докладом «По вопросу о влиянии на лесное хозяйство в приволжских губерниях замены древесного топлива нефтью и другими суррогатами» представлял Казанскую губернию и Н.Ф. Грауэрт [3, с. 27–35].

Не менее ответственным поручением руководства стало следующее задание. По предписанию Лесного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ летом 1896 г. Николай Федорович устраивал лесную дачу Казанской сельскохозяйственной фермы с предоставлением подробного отчета по устройству дачи, хозяйственного и геометрического планов, но уже через несколько месяцев приказом по Корпусу лесничих от 29 июля 1896 г. за № 17 он был по болезни уволен со службы, согласно прошению, с мундиром и присвоенным чином (ГА РТ1, л. 22 об.–23 об., 97 об.–98).

С отставкой в жизни Н.Ф. Грауэрта начинается новый этап – служение городскому общественному управлению. После повторного голосования, получив 112 избирательных шаров и 91 неизбирательный, 4 марта 1897 г. Казанским городским собранием Николай Федорович Грауэрт был избран гласным Казанской городской думы. Торжественная церемония принятия присяги состоялась 15 марта 1897 г. в Благовещенском соборе Казанского кремля. Приводил к присяге известный в Казани кафедральный протоиерей Евфимий Малов (ГА РТ4, л. 259, 264, 280).

Первое задание для нового гласного Казанской городской думы было связано с городскими лесами – профессиональные знания оказались кстати. 13 мая 1897 г. под руководством Н.Ф. Грауэрта была создана особая комиссия для рассмотрения вопроса об изменениях в ведении городского лесного хозяйства и о переустройстве лесных дач с составлением подробного хозяйственного плана по производству таксационных работ. На основании проведенной в 1897–1898 гг. инвентаризации городского леса был составлен «Отчет по устройству лесных дач города Казани». Николай Федорович писал, что ввиду ценности для города его лесных владений настоятельной необходимостью является уход за лесами и забота о сосновых насаждениях должна стоять на первом плане. С целью облесения прогалин на некоторых участках, которые естественным путем никогда не смогут обсемениться, в даче «Въезжий лес» им проектировалась закладка питомника. В будущем идея была реализована. Он считал важным, чтобы для лучшего контроля за охраной лесов городской лесничий имел постоянное местожи-тельство в лесу (впоследствии такой постоянной квартирой городских лесничих стал дом на Лебяжьем озере). Но самое главное – для увеличения доходности лесных дач Н.Ф. Грауэрт предложил приступить к хозяйственным заготовкам

леса собственными силами, так как значительная часть дохода при существовавшем способе продажи леса с торгов поступала не в кассу владельца леса, то есть города, а в пользу покупателя. Уже 25 апреля 1900 г. своим постановлением Городская дума запретила продажу делянок и предложила начать хозяйственную разработку леса. Был составлен план рубок на 1898–1908 гг. [4, с. 29–30].

4 марта 1899 г. вместо оставившего службу гласного А.В. Козакова Николай Федорович был избран на должность члена Городской управы с правами государственного служащего (ГА РТ1, л. 4). Определением Управы на него было возложено заведование оценочным и расходным отделениями (дела по постройке и ремонту городских мостовых, кроме Кизической дамбы, тротуаров, дорог, мостов, канализации, водопровода; работы по внешнему благоустройству города и устройству и содержанию городских садов и бульваров; постройка и ремонт училищных зданий и здания городского театра; надзор за свалками нечистот; покупка и продажа булыжного камня). С 24 июня 1900 г. к этому добавились заведование инвентарным отделением, а также приходным в части, касающейся устройства и эксплуатации городских лесов, лугов, выгонов, и вообще все межевые работы городских земель как в черте города, так и вне его. По распорядительному отделению Николай Федорович отвечал за утверждение планов и фасадов частных построек и разрешение различных строительных работ, а также за ежемесячную ревизию Городского ломбарда (ГА РТ5, л. 5, 8).

За 19 лет службы в Городском общественном управлении Н.Ф. Грауэрт был членом различных исполнительных комиссий – Лесной, Театральной, Технической. С 1 февраля по 16 мая 1900 г. Николай Федорович являлся председателем Казанского сиротского суда. 20 марта 1901 г. он был приглашен в Казанский городской комитет попечительства о народной трезвости (ГА РТ1, л. 13, 98 об.), действительным членом которого был до 1905 г. (АКТ2, с. 135). Состоял членом Временного строительного Комитета по переустройству и расширению зданий Казанского исправительного арестантского отделения и за усердное и внимательное отношение к своим обязанностям 18 января 1906 г. получил от государя через министра юстиции, С.С. Манухина, Высочайшую благодарность (ГА РТ1, л. 98 об.–100). С 27 сентября по 9 декабря 1905 г. Н.Ф. Грауэрт – председатель особого комитета по заведованию Казанской городской общественной библиотекой (ВИНБ, с. 75). Дважды, 18 марта 1903 г. и 6 ноября 1907 г., он избирался Казанской городской думой на должность заступающего место городского головы, был заместителем и исполняющим обязанности городского головы в его отсутствие. 22 ноября 1912 г. по ходатайству Казанской городской думы перед губернатором за 50-летнюю службу правительству и городскому общественному управлению Николай Федорович был награжден орденом св. Владимира 4 ст. и 23 августа 1913 г. – знаком отличия за 40 лет беспорочной службы на владимирской ленте (ГА РТ1, л. 98 об.–101).

Но дело, которое Николай Федорович по-настоящему любил, которому отдавался всецело, «всемерно заботился о наилучшей постановке его в Казани», было дело народного образования. Как отмечалось в одном из докладов Управы Казанской городской думы, «его отношение к учебному делу не ограничивалось формальным только исполнением служебных обязанностей, но было самое

живое, проникнутое любовью и искренним желанием поставить [учебное дело] на подобающую ему высоту». В Государственном архиве Республики Татарстан сохранились многочисленные ходатайства Н.Ф. Грауэрта о повышении жалованья отдельным учителям, о выдаче пенсий и о различных разовых выплатах в качестве помощи, а газета «Город Казань» отмечала такие его качества, как прямодушие, добросердечие, честность и неподкупность (КГ).

Став председателем Исполнительной училищной и по народному образованию комиссии 4 марта 1899 г. (ГА РТ1, л. 4), Николай Федорович возглавлял ее до 1 декабря 1916 г. (ГА РТ6, л. 5).

Образовавшаяся 16 марта 1893 г. Училищная комиссия заведовала всей учебной частью г. Казани. Ее основные обязанности заключались в попечении об устройстве или найме помещений для школ, составлении проектов арендных договоров, представлении на утверждение Городской думе соображений о постройке городских домов для помещения училищ и о необходимом ремонте в училищных помещениях, наблюдении за здоровьем учащихся и принятии мер для устранения обнаруженных недостатков, наблюдении за состоянием школ в гигиеническом и санитарном отношении, поиске и избрании кандидатов на учительские должности, а также в размещении детей по школам и решении вопросов по стипендиям и денежным субсидиям учебным заведениям (ИПК, с. 1–2). Училищная комиссия была одной из многочисленных. В разные годы в нее входило от 20 до 24 человек, включая представителей от мусульман.

На попечении Казанского городского управления находились все так называемые городские по Положению 1872 г. училища, созданные на основании Городского положения 1870 г. (впоследствии 1892 г.) и Положения о городских училищах от 31 мая 1872 г., а также частные учебные заведения, финансируемые из городского бюджета. С 1899 г. в городские училища были преобразованы и все уездные училища, существовавшие в городе [5, с. 144]. Как правило, это были начальные учебные заведения с трехгодичным курсом обучения, где получали образование дети беднейших слоев городского населения. Обучение в начальных училищах г. Казани было в основном бесплатное, что составляло одно из преимуществ казанских училищ перед училищами других больших городов. Здесь за счет города беднейшим учащимся выдавались учебники и письменные принадлежности, а от попечителей училищ – одежда и обувь [6, с. 26].

Положение городских школ было таково, что большинство из них размещалось в наемных квартирах и в домах частных лиц, испытывая значительные стеснения и трудности. Это было неудобным в гигиеническом и педагогическом отношениях. В условиях квартирного кризиса и высоких цен на квартиры Городскому управлению приходилось тратить с каждым годом все больше средств на наем помещений [7, с. 159].

Таким образом, на попечении города в 1898 г. находилось 24 русских начальных училища, из которых только восемь располагались в собственных зданиях (ППШЗ, с. 2), и два училища для мусульман (ОУК1, с. 13).

В 1902 г. в Училищной комиссии под руководством Н.Ф. Грауэрта был составлен перспективный план по строительству специализированных школьных зданий, для возведения которых предполагалось привлечь городской ссудно-бла-

готворительный капитал или взять заем в Общественном банке. Планировалось построить одно кирпичное двухэтажное и пять деревянных зданий (три двухэтажных и два одноэтажных), каждое из которых должно было состоять из шести классных комнат, шинельной, учительской совместно с библиотечной, квартиры для заведующего училищем, помещения для сторожа и рукодельного класса. По предварительному подсчету на строительство школьных зданий требовалось 100 000 руб. (ПШЗ, с. 22).

Динамика открытия новых городских училищ хорошо видна по отчетам Казанской городской исполнительной училищной комиссии. Так, на средства Городского общественного управления содержалось: в 1904–1906 гг. – 28 русских начальных училищ и три для детей мусульман (ОУК2, с. 4); в 1910 г. – 33 начальных училища (30 русских и три русско-татарских) (Отчет УО1, с. XII); в 1911–1912 гг. – 34 начальных училища (30 русских и четыре русско-татарских) (Отчет УО2, с. VIII); в 1912–1913 гг. – 35 начальных училищ (30 русских и пять русско-татарских) (Отчет УО3, с. 22); в 1916 г. – 39 городских училищ (четыре высших училища и 35 низших училищ) (АКГЗ, с. 252–263).

В 1906 г. Министерством народного просвещения был выработан проект введения всеобщего обучения, а 3 мая 1908 г. правительство приняло закон «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования»⁶ (ПСЗ1, с. 228–229), и с этого времени начинается широкий отпуск средств на народное образование и планомерное открытие школ, имеющее своей конечной целью обеспечение доступности начального обучения для всего населения империи. Основные положения правительственного проекта сводились к следующему: 1) формирование школьной сети и плана ее создания возлагалось на учреждения местного самоуправления, которые должны были выполнить эту работу в двухгодичный со дня введения закона срок; 2) нормальным пределом, который должна обслуживать одна школа, признавалась местность с трехверстным радиусом; 3) для населения обеспечивалась бесплатность обучения в училищах, входящих в школьную сеть; 4) церковно-приходские школы, вошедшие в школьную сеть, получали казенное пособие на равных основаниях со школами Министерства народного просвещения; 5) отпускаемые из казны кредиты предназначались на вознаграждение учителей.

По решению Министерства народного просвещения с 1 сентября 1910 г. в Казани было введено всеобщее обучение, с этого же времени назначено и казенное пособие на содержание учащихся 79 существующих школьных комплектов – 30 810 руб. ежегодно (по 390 руб. на комплект, то есть на школу с одним учителем и 50 учащимися) (Отчет УО 2, с. II). Весь предыдущий 1909 г. Училищная комиссия занималась вопросом введения всеобщего обучения. Были рассмотрены представленные инспектором городских училищ А.С. Рождествовским план городской школьной сети и финансовый план введения всеобщего обучения в Казани, а также проект школьного строительства члена Комиссии Л.И. Писарева, которые были утверждены Городской думой 9 и 22 февраля 1909 г. По планам

⁶ Законом от 10 июня 1909 г. размер кредита на удовлетворение нужд начального образования, связанных с введением всеобщего обучения, был повышен с 6 900 000 до 12 900 000.

Министерства народного просвещения для осуществления в Казани всеобщего обучения город должен был открыть 52 новых учебных заведения, 34 русских и 18 русско-татарских (Отчет УО 1, с. III–IV). Уже по статистическим данным Учебного отдела Казанской городской управы на 1912–1913 учебный год с учетом существовавших ранее и недавно открытых городских училищ (благодаря как покупке зданий, так и их строительству) во всех городских училищах Казани обучалось 5 000 детей (Отчет УО 3, с. 20). Важно отметить, что по закону от 25 июня 1912 г. «О высших начальных училищах» в Казани было образовано четыре высших начальных училища – на Черноозерской улице, в Адмиралтейской слободе, в Суконной слободе и – смешанное – в деревне Плетени (АКГ4, с. 242–243). В отличие от низших, высшие начальные училища давали законченное начальное образование. Их учебная программа была приближена к программам первых четырех классов средней школы. Ученики, успешно прошедшие курс первого, второго или третьего класса высших начальных училищ, могли поступать соответственно во второй, третий или четвертый класс общеобразовательных средних учебных заведений, а окончившие все четыре класса училища – в пятый класс при условии сдачи экзамена по иностранным и древним языкам, составляющим предмет обязательного преподавания в том учебном заведении, в которое они переходят (ПС32, с. 949–958). Однако разразившаяся в 1914 г. Первая мировая война не позволила полностью реализовать программу расширения школьной сети.

Тем не менее за период председательства Н.Ф. Грауэрта Училищной и по народному образованию комиссии при его непосредственном участии удалось построить семь отдельных зданий для городских училищ, четыре из которых были каменные и рассчитаны на 2 200 учащихся, а также осуществить устройство школьной сети в связи с вопросом введения всеобщего обучения в городе (ГА РТ1, л. 103 об.). При посещении весной 1914 г. Казани министром народного просвещения Л.А. Кассо был представлен ему и Николай Федорович, а построенные училищные здания получили одобрение (ПМК, с. 576).

Став членом Казанского городского училищного совета, Н.Ф. Грауэрт добился устройства горячих завтраков для учащихся городских училищ, чему радовался и чем заслуженно гордился (Гр.).

Кроме начальных учебных заведений, которые находились на обеспечении города, Казанское городское управление финансировало некоторые частные учебные заведения, это давало право выбирать почетных попечителей и представителей от города в их педагогический совет. Они присутствовали на заседаниях педагогического совета с правом голоса, а также обладали правом участия в оценке письменных работ и устных ответов учеников на экзаменах (ЦКУО). В 1916 г. Казанским городским управлением Н.Ф. Грауэрт был избран почетным попечителем частной женской гимназии Л.П. Шумковой (ГА РТ7, л. 24).

В начале лета 1916 г. в Казани произошло важное событие – с 3 по 11 июня состоялся съезд директоров, начальниц, председателей попечительных и педагогических советов, родительских комитетов и преподавателей средних учебных заведений Казанского учебного округа, на котором обсуждались вопросы значения семьи и школы в деле воспитания и обучения подрастающего поколения,

приемы и методика преподавания предметов, воспитательное значение правильной постановки обучения, физическое воспитание в школе, ручной труд и его виды в учебных заведениях. Первым приветствовал съезд от лица Городского управления Казани председатель городской Училищной комиссии Н.Ф. Грауэрт, Казанское губернское земство представлял А.Н. Боратынский (СД). Нам не удалось найти фотографии Н.Ф. Грауэрта, однако в фонде Музея им. Е.А. Боратынского хранится неатрибутированная групповая фотография. Среди множества людей в центре безошибочно угадывается А.Н. Боратынский, в верхнем левом углу – настоятель Борисоглебской церкви священник П.М. Руфимский (фото 1). Многолюдность и торжественность события говорит о том, что, возможно, данный фотоснимок может относиться как раз к казанскому съезду директоров, состоявшемуся 3–11 июня 1916 г. В первом ряду официальных лиц, вторым справа, в мундире сотрудника Лесного департамента стоит, предположительно, Н.Ф. Грауэрт – в пользу этой версии говорит наличие на мундире нагрудного знака об окончании Лесного института и эмблемы лесного ведомства (перекрещенные дубовые листья) на петлицах воротника, а также звезда с «сиянием», соответствующая чину статского советника.

Фото 1. Съезд директоров, начальниц, председателей попечительных и педагогических советов, родительских комитетов и преподавателей средних учебных заведений Казанского учебного округа (Казань, 3–11 июня 1916 г.). В первом ряду второй справа Н.Ф. Грауэрт (предположительно). Из фонда Музея им. Е.А. Боратынского

После известных событий в Казани в октябре 1905 г. здоровье Николая Федоровича сильно пошатнулось, это заставило его написать в январе 1907 г. духовное завещание (ГА РТ6, л. 3). Оправившись от болезни, он снова приступил

к исполнению обязанностей гласного Казанской городской думы и председателя Училищной комиссии. Н.Ф. Грауэрта не стало 1 декабря 1916 г. в результате крупозного воспаления легких. После чина отпевания в Покровской церкви 4 декабря состоялись похороны на городском Арском кладбище (ГА РТ6, л. 4 об.–5). Принимая во внимание заслуги покойного перед городским управлением, Городская управа выделила на его похороны 600 руб. (ГА РТ1, л. 104), а Городская училищная комиссия постановила представить в Думу доклад о присвоении новому училищу в Суконной слободе имени Н.Ф. Грауэрта и поместить в нем, а также в думском зале его портрет, учредить в городской гимназии и в женском коммерческом училище по одной стипендии имени Н.Ф. Грауэрта, а вдове, Серафиме Петровне Грауэрт, назначить пенсию в размере 150 руб. в месяц (ПГ1).

В знак благодарности Казанское отделение Общества распространения просвещения среди евреев в России возложило на гроб Н.Ф. Грауэрта венок с надписью: «Истинному поборнику народного образования глубокоуважаемому Николаю Федоровичу Грауэрту – Казанское отделение Общества распространения просвещения среди евреев в России» (ПГ2).

Таким образом, на основании документов Государственного архива Республики Татарстан удалось реконструировать биографию Н.Ф. Грауэрта, одного из деятельных представителей элиты казанского чиновничества, оставившего заметный след в истории Казани 1905 г. и городского самоуправления. Несмотря на то, что он являлся специалистом лесного хозяйства, надо в первую очередь отметить роль Н.Ф. Грауэрта в развитии городского народного образования в должности председателя исполнительной Училищной и по народному образованию комиссии, которую он возглавлял с 1899 по 1916 г. Являясь проводником государственной политики Министерства народного образования в распространении городской школьной сети и всеобщего городского образования, Николай Федорович руководствовался прежде всего интересами города. За годы его председательства в Училищной комиссии было открыто 15 городских училищ – построено семь отдельных зданий, из которых четыре каменных.

С деятельностью Н.Ф. Грауэрта связано превращение к 1916 г. народного образования из обузы для городского бюджета с необязательностью его финансирования в конце XIX в. в отдельную отрасль городского хозяйства Казани. «Забытые училища», «плебейская школа» – под такими заголовками в дореволюционных журналах помещались статьи, посвященные городским училищам. А между тем, предоставляя возможность доступного образования детям из малообеспеченных семей, они являлись для наиболее способных и предприимчивых из них социальным лифтом для перемещения на более «качественный» уровень жизни. Если в низших городских училищах получали элементарное религиозно-нравственное образование, то высшие давали подросткам в возрасте до 15–16 лет законченное начальное образование. В результате основная масса окончивших эти училища шла на работу в конторы, магазины и канцелярии, на производство, почту и телеграф, пополняя ряды мелкого служилого люда Казани.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- РГИА – О привлечении к ответственности членов городского управления Н. Грауэрта и А. Попрядухина за предоставление убежища в общественных зданиях демонстрантам и создание городской милиции в Казани в октябре 1905 года // Российский государственный исторический архив. Ф. 1354, Оп. 3. Д. 980. 19 л.
- КГВ – [Объявление о передаче управления губернией в связи с болезнью казанского губернатора П.Ф. Хомутова вице-губернатору Д.Д. Кобеко] // Казанские губернские ведомости. 1905. 5 нояб. (№ 110). С. 1.
- ГА РТ1 – Документы об избрании Н.Ф. Грауэрта членом Городской управы за 1899–1916 гг. // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 98. Оп. 3. Д. 3160. 104 л.
- ГА РТ2 – Грауэрт Леонид Николаевич // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 1 л. д. Д. 32589. 24 л.
- ГА РТ3 – О выдаче свидетельства о наследовании к имуществу умершего гражданина Грауэрт Серафимы Петровны // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-2458. Оп. 10. Д. 60. 14 л.
- ГА РТ4 – Документы об избрании Казанской городской думы за 1896 г. // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2219. 346 л.
- ГА РТ5 – Документы о распределении занятий между членами Управы за 1897–1900 гг. // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2582. 9 л.
- ГА РТ6 – Об утверждении к исполнению домашнего духовного завещания умершего статского советника Н.Ф. Грауэрта // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 41. Оп. 3. Д. 5693. 7 л.
- ГА РТ7 – Документы учащихся, подаваемые с прошениями // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 313. Оп. 1. Д. 14. 45 л.
- ОРРК НБЛ – Дворянская родословная книга [Казанской губернии] // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 402. Ч. 3, т. 4. 401 л.
- ИСЧПС – Именные списки чинов пограничной стражи. URL: <http://pogranec.ru/showthread.php?t=35030&page=22>, свободный.
- СМС – Список майорам по старшинству [на 1861 г.]: Исправлено по 13-е марта. СПб.: В воен. тип., 1861. XLIV, 592 с.
- СОИИПС – Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения императора Александра I за сто лет. 1810–1910. [СПб., 1910]. 225 с.
- АЯГ – Адрес-календарь для Ярославской губернии на 1858 г. Ярославль: В тип. Губ. правл., [1858]. 175 с.
- АКГ1 – Адрес-календарь Казанской губернии [на 1875 г.]. Казань: В губ. тип., 1875. 136, XIII с.
- ОЗ – Оценка земель [Казанской губернии]: в 5 т. Казань: Типолитогр. В.М. Ключникова, 1902. Т. 2: Цивильский уезд: [Земельные и лесные угодья]. 228, 72 с.
- МСОЗУ – Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Казань: Тип. Губ. правл., 1891. Вып. 10: Козьмодемьянский уезд. [2], V, 147, 120 с.
- АКГ2 – Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 г. Казань: Типолитогр. Казан. ун-та, 1905. XII, 361, 57 с.
- ВИНБ – Вехи истории Национальной библиотеки Республики Татарстан: [в 2 кн.]. Казань: Милли китап, 2015. Кн. 2 / Сост.: Р.К. Юнусова, Р.У. Елизарова. 175 с.

- КГ – Кончина Н.Ф. Грауэрта // Город Казань. 1916. 2 дек. (№ 972). С. 3.
- ИПК – [Об избрании председателя комиссии и о назначении ему содержания: доклад Училищной комиссии Казанской городской думе № 79. Казань, 1910. 5 с.]
- ПШЗ – [По вопросу о постройке школьных зданий: доклад Городской управы Казанской городской думе № 13. Казань: Тип. Губ. правл., 1903. 24 с.]
- ОУК1 – Отчет Казанской городской исполнительной училищной комиссии и данные о состоянии городских училищ на 1898–1899 уч. год. Казань: Тип. Губ. правл., 1900. [3], 20, 95 с.
- ОУК2 – Отчет Казанской городской исполнительной училищной комиссии: данные о состоянии городских училищ за 1904/1905 и 1905/1906 уч. гг. Казань: Эл. тип. Л.П. Антоновой, 1907. 125 с.
- Отчет УО1 – Отчет Учебного отдела Казанской городской управы за 1910 учебный год. Казань: Центральная тип., 1911. [1], XIV, 93 с.
- Отчет УО2 – Отчет Учебного отдела Казанской городской управы за 1911–1912 учебный год. Казань: Эл.-литотип. Торг. Дома «Бр. Каримовы», 1912. [2], XII, 43 с.
- Отчет УО3 – Отчет Учебного отдела Казанской городской управы о деятельности Исполнительной училищной и по народному образованию комиссии... за 1912 год и статистические данные о состоянии городских начальных училищ за 1912–1913 учебный год. Казань: Эл. тип. Л.П. Антоновой, 1913. 25, 43, 39 с.
- АКГЗ – Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. Казань: Тип. Губ. правл., 1916. [1118] с.
- ПС31 – Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования (№ 30328) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб.: Гос. тип., 1911. Т. 28, отд-ние 1: 1908. 1008, [53] с.
- АКГ4 – Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 г. Казань: Тип. Губ. правл., 1914. XLIII, 819 с.
- ПС32 – О высших начальных училищах (№ 37513) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб.: Гос. тип., 1915. Т. 32, отд-ние 1: 1912. [2], 1790, [53] с.
- ПМК – Пребывание г. министра [народного просвещения Л.А. Кассо] в г. Казани и обозрение учебных заведений // Вестн. образования и воспитания. 1914. № 5/6. С. 576–583.
- Гр. – Гусев Н. Н.Ф. Грауэрт // Камско-Волжская речь. 1916. 2 дек. (№ 267). С. 3.
- ЦКУО – По вопросу о допущении почетных смотрителей городских училищ к оценке письменных работ и устных ответов учащихся // Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1905. № 8. С. 706.
- СД – Съезд директоров, начальниц, председателей попечительных и педагогических советов, родительских комитетов и преподавателей средних учебных заведений Казанского учебного округа, бывший в г. Казани с 3 по 11 июня 1916 г. // Вестн. образования и воспитания. 1916. № 7/9. С. 532–569.
- ПГ1 – Памяти Н.Ф. Грауэрта // Камско-Волжская речь. 1916. 9 дек. (№ 272). С. 3.
- ПГ2 – Памяти Н.Ф. Грауэрта // Камско-Волжская речь. 1916. 4 дек. (№ 269). С. 3.

Литература

1. *Алексеев И.Е.* Черная сотня в Казанской губернии. Казань: ДАС, 2001. 334 с.
2. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет: в 4 т. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. Т. 4. VIII, 696, 104, XXIX, XXVI с.

3. Татаринова Е. VII Всероссийский съезд лесохозьев, 1–10 августа 1889 г., Казань: «Вы можете принести великую пользу отечеству правильной постановкой лесного дела» // Российский музей леса. Вып. 6. М., 2010. С. 27–35.
4. Трегубов А.А., Трегубов Д.А. Лесные владения городского самоуправления Казани по Городовому положению 1870 и 1892 гг. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2019. № 4. С. 18–35.
5. Роков Г. Городские по Положению 1872 г. училища // Вестн. воспитания. 1899. № 5. С. 144–146.
6. Юревич Л. Народные училища как центры начального образования детей г. Казани // Библиотеч. вестн. 2010. № 1. С. 23–26.
7. Н.К. Начальное образование в больших русских городах // Вестн. воспитания. 1899. № 6. С. 144–182.

Поступила в редакцию 20.02.2024

Принята к публикации 19.04.2024

Трегубов Алексей Алексеевич, главный библиограф Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: atregubow@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 153–167

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.153-167

Nikolai Fedorovich Grauert – a Councilor of the Kazan City Duma

A.A. Tregubov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: atregubow@yandex.ru

Received February 20, 2024; Accepted April 19, 2024

Abstract

In Russian historiography, the officials of Tsarist Russia have long been portrayed as refusing progressive ideals and pursuing their personal goals, i.e., as being unconcerned with the public good. However, this perspective on the history of Russian officialdom has led to the neglect of many distinguished individuals who contributed immensely to the public life of their country. Due to their active roles in both local and public self-government of Russian provincial cities and the exceptional impacts they made on the urban well-being of the Russian Empire, there has now been a growing interest in their biographies among researchers. One such individual is Nikolai Fedorovich Grauert, once a prominent public figure in Kazan. He served as a member of the Kazan City Duma and the City Council (from 1897 to 1916), participating in a number of city executive commissions (those related to school, theater, and forestry management). Despite his fruitful work in the public service, N.F. Grauert's biography has never been specifically addressed. He happened to be involved in the events in October 1905 that took place in Kazan and thus was labeled by the state authorities as a culprit of the Kazan “upheaval.” Here, using archival sources, N.F. Grauert's biography is reconstructed. His role as the chairman of the City Council's School

Commission for improving the situation with urban education, as well as in expanding the school network to promote universal education in Kazan, is emphasized.

Keywords: Kazan City Duma, 20th century, local self-government, councilors of the City Duma, biographies, N.F. Grauert, 1905, public activity

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Photo Captions

Photo 1. Congress of directors, supervisors, and chairmen of the boards of trustees and pedagogical councils, parent committees, and teachers of secondary educational institutions of the Kazan Educational District (Kazan, June 3–11, 1916). N.F. Grauert (presumably) is second from the right on the first row. From the collection of the E.A. Boratynsky Museum.

References

1. Alekseev I.E. *Chernaya sotnya v Kazanskoi gubernii* [The Black Hundred in the Kazan Governorate]. Kazan, DAS, 2001. 334 p. (In Russian)
2. Veselovskii B.B. *Istoriya zemstva za sorok let* [A History of the Zemstvo over Forty Years]. Vol. 4. St. Petersburg, Izd. O.N. Popova, 1911. viii, 696, 104, xxix, xxvi p. (In Russian)
3. Tatarinova E. VII All-Russian Congress of Forest Owners, August 1–10, 1889, Kazan: “You can bring great benefit to the Fatherland by properly managing forestry”. In: *Rossiiskii muzei lesa* [Russian Forest Museum]. Moscow, 2010, no. 6, pp. 27–35. (In Russian)
4. Tregubov A.A., Tregubov D.A. Forest land tenure of Kazan municipal self-government according to the Municipal Statutes of 1870 and 1892. *Gasyrlar avazy (Ekho Vekov)*, 2019, no. 4, pp. 18–35. (In Russian)
5. Rokov G. City schools according to the Statute of 1872. *Vestnik Vospitaniya*, 1899, no. 5, pp. 144–146. (In Russian)
6. Yurevich L. Public schools as centers of primary education for children in Kazan. *Bibliotechnyi Vestnik*, 2010, no. 1, pp. 23–26. (In Russian)
7. N.K. Primary education in big Russian cities. *Vestnik Vospitaniya*, 1899, no. 6, pp. 144–182. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Трегубов А.А. Николай Федорович Грауэрт – гласный Казанской городской думы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 153–167. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.153-167>. ⟩

⟨ **For citation:** Tregubov A.A. Nikolai Fedorovich Grauert – a councilor of the Kazan City Duma. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 153–167. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.153-167>. (In Russian) ⟩

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(929)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.168-177

СЕФЕВИДСКИЙ ШЕХЗАДЕ АЛКАС МИРЗА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

О. Юрдакал

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены события, связанные с недолгой жизнью сефевидского шехзаде Алкаса Мирзы (1516–1550), второго сына шаха Исмаила. Отмечается, что в первые годы своей взрослой жизни он исполнял обязанности наместника (бейлербея) Ширвана, находясь в зависимости от старшего брата Тахмаспа, будущего правителя Ирана. Позже он боролся за независимость своей провинции, но проиграл в борьбе против брата и укрылся в Османской империи. Алкас Мирза был принят при османском дворце не как шехзаде, то есть сын султана, а как законный правитель независимого государства. После нескольких встреч с султаном Сулейманом он смог убедить его выступить в поход против шаха Тахмаспа. В 1548–1549 гг. Алкас Мирза не просто участвовал в походе Османской империи против Сефевидов, но и играл активную роль во время данной военной кампании. Однако использование шахом Тахмаспом разнообразных методов противостояния армии султана Сулеймана привело к поражению последнего, а также к тому, что Алкас Мирза, в короткие сроки потеряв свою репутацию и влияние при османском дворе, был вынужден покинуть страну, вскоре попал в руки своего брата, а затем погиб при невыясненных обстоятельствах. При работе в Османском архиве (г. Стамбул) автором выявлен ряд новых документов дипломатического характера, которые проливают свет на описываемые события, ставшие важным моментом в истории осmano-иранских взаимоотношений середины XVI столетия.

Ключевые слова: Алкас Мирза, Османская империя, Сефевидское государство, султан Сулейман, шах Тахмасп

В отечественной историографии сведения об Алкасе Мирзе относятся преимущественно к его статусу наместника (бейлербея) провинции империи Сефевидов – Ширвана. Советский историк-востоковед И.П. Петрушевский лишь частично коснулся периода правления его в качестве наместника (бейлербея) и его мятежа [1, с. 57]. М.С. Иванов в своей работе и вовсе не упомянул Алкаса Мирзу [2]. Более подробная информация о нем была приведена лишь в первом комплексном исследовании истории Ирана, написанном советскими востоковедами [3], в котором также отмечается, что восстанию Алкаса Мирзы способствовали действия Османской империи в отношении государства Сефевидов. Кроме этого, в исследовании

довании упоминается о побеге Алкаса Мирзы в Османскую империю [3, с. 259], но, к сожалению, не приводится никакой информации о его деятельности там.

С учетом вышеизложенного настоящая статья фокусируется на жизни и деятельности Алкаса Мирзы в период его пребывания в Османской империи. Османские хроники, которым в российской историографии уделено мало внимания, показывают, что, помимо функции наместника шаха в Ширване, в политике Османской империи Алкас Мирза также выполнял важную роль, пытаясь играть на традиционном противостоянии двух держав. Кроме того, правители Османской империи внимательно следили за ним, что следует из ряда документов, выявленных нами в Османском архиве (г. Стамбул). В частности, анализируемые материалы по-новому раскрывают определенные обстоятельства некоторых важных исторических событий, в частности похода султана Сулеймана на сефевидские земли в 1548–1549 гг. Таким образом, в настоящей работе сделана попытка осветить жизнь и деятельность шехзаде на основе ряда новых документальных источников, хранящихся в упомянутом архиве. В статье раскрываются деятельность Алкаса Мирзы как бейлербея Ширвана и его активное участие в конфликте и противостоянии двух империй в середине XVI в., серьезно повлиявших на взаимоотношения Османской империи с Сефевидами в дальнейшем.

Ранние годы Алкаса Мирзы. Алкас Мирза родился в Тебризе 15 марта 1516 г. в семье шаха Исмаила и его жены Таджлы-бегум и был вторым сыном в шахской семье после старшего наследника Тахмаспа [4, р. 428; 5]. Сведений об Алкасе Мирзе с момента его рождения и вплоть до 1533 г. практически нет. В тот год шах Тахмасп, вступивший на престол в 1524 г., отправил своего младшего брата в Астрабадскую экспедицию. Шах поручил ему направиться в город Астрабад, захваченный узбеками. В ходе сражения Алкас Мирза нанес серьезное поражение узбекам и вернул Астрабад под власть Сефевидов (А.Т., s. 492). Шах оценил военные успехи молодого шехзаде и в 1534–1535 гг. отправил его в Мерв и Ирак.

Алкас Мирза – бейлербей Ширвана. Ширванская область получила свое название от сасанидского правителя Ануширвана (501–579). Территория попала в руки арабов в VII в. и находилась под властью династии Ширваншахов вплоть до завоевания провинции Сефевидами. После того как регион захватили арабы, ими был основан город Шемахи, ставший центром Ширванской области [6; 7].

Шах Тахмасп, внимательно следивший за неурядицами на престоле Ширваншахов, немедленно направил туда войско под предводительством своего младшего брата. Сефевидская армия численностью 20 тыс. человек захватила крепости Ширваншахов одну за другой. К 1538 г. земли государства Ширваншахов вошли в состав государства Сефевидов и стали их бейлербейликом¹ [8, с. 211]. Шах передал управление регионом своему брату Алкасу Мирзе, который стал первым бейлербеем, то есть управителем, Ширвана [8, с. 82]. За время правления в Ширване он расширил границы провинции за счет таких территорий, как Салиян и Мехмуд-и-Абад (Т.А., s. 85).

С другой стороны, в XVI в. Кавказом стало пристально интересоваться Османское государство. Его особое внимание привлекал богатый Ширванский

¹ Бейлербейлик (بکریک) – крупнейшая административная единица, провинция в Османской империи.

регион. По этой причине Стамбул велел своим чиновникам в провинциях, граничивших с Ширванской областью, немедленно сообщать в центр обо всех событиях, в ней происходивших. Поэтому Мехмет-паша, один из османских пограничных беев, донес в столицу, что 29 Зуль-хиджа 946 г. хиджры² шах отправил в Ширванскую область своего брата Алкаса Мирзу (О.А.1). Как можно понять из приведенного архивного документа, Османская империя была не очень довольна присутствием в Ширванском регионе империи Сефевидов.

Постепенно Алкас Мирза укрепил власть шаха в Ширване. С 1546 г. под влиянием своего окружения он начал действовать более самостоятельно по отношению к шахской власти и через короткое время объявил себя независимым правителем [1, с. 14]. Шехзаде Алкас Мирза повелел чеканить монеты и читать хутбу в мечетях с упоминанием своего имени, что являлось прерогативой верховных правителей [3, с. 259]. Кроме того, османские источники объясняли мятеж Алкаса Мирзы склонностью к суннизму (N.M., s. 208). Причиной подобной интерпретации может быть продолжавшийся в то время конфликт между суннитской Османской империей и шиитами Сефевидами.

Получив известие о восстании своего брата, шах Тахмасп немедленно отправил людей в регион, чтобы убедиться в достоверности новостей. Алкас Мирза испугался таких действий шаха, попросил у брата прощения и снова стал его подданным бейлербеем. Так закончилась первая попытка мятежа Алкаса Мирзы. Однако верховный правитель уже не доверял ему и решил выступить против брата в так называемом грузинском походе (1547 г.). Узнав об этом, Алкас Мирза был напуган и выступил в поход против черкесов, чьи земли располагались в противоположном от грузинских территорий направлении. Оба похода сефевидской армии закончились неудачей, поскольку она оказалась к ним не готова, рассматривая их как второстепенную задачу [9, p. 76].

Шах Тахмасп послал армию в Шемаху, чтобы схватить непокорного шехзаде. Получив такое известие, Алкас Мирза увел свою семью в крепость Гюлистан. Шах же с основной армией направился к Ширвану, в то время как Алкас Мирза совершал атаки против шахской армии, но не смог добиться желаемого результата. Понимая, что он, имея лишь немногих оставшихся с ним людей, больше не сможет сражаться, Алкас Мирза в 1547 г. отправился в Дербент. Отсюда он пошел в Дешт-и-Кипчак, а оттуда направился от Азовского моря в сторону Кафы (Феодосия). Шехзаде хотел заключить союз, потому что у него не было сил воевать против брата Тахмаспа самостоятельно. Наконец он решил, что Османская империя, как злейший враг шаха, сможет помочь ему взойти на сефевидский трон, и отправился из Кафы в Стамбул [8, с. 84–85] (Т.А.А., s. 139–140).

Между тем в ноябре 1547 г. шах Тахмасп снова взял под свой контроль города Ширван и Дербент, назначив новым бейлербеем (правителем) Ширвана своего сына – будущего шаха Исмаила II (А.Т., s. 538). На этом первый этап открытого конфликта и противостояния братьев завершился.

Пребывание сефевидского шехзаде в османских землях и иранский поход 1547–1548 гг. Наиболее подробные сведения о событиях, развернувшихся во время пребывания Алкаса Мирзы в Османской империи, содержатся в трудах Ма-

² 6 мая 1540 г. от Р. X.

тракчи Насуха [10, s. 63], поскольку он принимал участие во встрече, проведенной во время приема мятежного шахзаде в особняке Рустем-паши (M.N., s. 50). Когда Алкас Мирза прибыл в Османскую империю, султан Сулейман охотился в окрестностях г. Эдирне (позднее в русской традиции г. Адрианополь).

Несомненно, султан Сулейман был доволен приездом Алкаса Мирзы: получив новости, он повелел оказать беглецу хороший прием (M.N., s. 424–425). Османский султан и его визири посчитали, что прибытие шахзаде может дать им преимущество с точки зрения развития событий на восточной границе. Поэтому вскоре султан направился из Эдирне в Стамбул, чтобы лично пообщаться с Алкасом Мирзой. Последний 26 мая 1547 г. поселился в стамбульском доме Джафера Челеби недалеко от Шейх Вефа (M.N., s. 425). Через несколько дней султан прибыл в Стамбул и отправил Алкасу богатые дары (M.N., s. 425). По некоторым сведениям, денежная стоимость даров превышала сумму в десять тыс. цехинов (К.А., s. 629). Драгоценные подарки показывают, что расположение султана к Алкасу Мирзе было чрезвычайным. Он принял гостя в Диване и назначил аудиенцию. Вдобавок ко всему, он всегда брал его с собой во время своих поездок по городу (M.N., s. 427).

Султан был не единственным человеком, от которого Алкас Мирза получал подарки. Рустем-паша³ также преподнес ему большое количество даров по приказу и указанию султана. За ним последовали и другие важные государственные чиновники. По всей вероятности, на приеме, устроенном в особняке Рустем-паши 16 июня 1547 г., правящие группировки вступили в «соревнование» по преподнесению подарков (M.N., s. 426). Однако самым поразительным во время церемонии их вручения было то, что Хюррем-султан также одарила Алкаса Мирзу ценными подарками (Р., s. 192). Очевидно, его приветствовали не только как шахзаде, но и как будущего правителя Ирана. Это показывает, что у османских государственных деятелей существовала серьезная уверенность в том, что он способен добиться успеха.

Однако нельзя сказать, что такое же положительное мнение об Алкасе Мирзе разделяло высшее османское общество, до которого дошли слухи о том, что он оставил шиизм и предпочел суннизм (Р., s. 193). Более резкое неприятие Алкаса Мирзы выразили религиозные круги. Бали-эфенди из Софии в своем письме к Рустем-паше резко критиковал Алкаса и заявлял, что никогда нельзя доверять тем, кто пришел в османские земли от Сефевидов [11, s. 160].

Алкас Мирза начал интриговать против своего брата Тахмаспа сразу после того, как укрылся в Османской империи в 1547 г. Он намеревался набрать при помощи османского султана армию, чтобы организовать поход против шаха и самому сесть на трон Сефевидов. Однако, когда этот замысел не был одобрен султаном, он попытался склонить его к новому иранскому походу. Раз за разом Алкас Мирза являлся к султану и убеждал в легкости завоевания Ирана (M.N., s. 426). На очередной аудиенции 4 июля 1547 г. он утверждал, что в Иране есть серьезные силы, поддерживающие его, и что они тоже выступят против шаха. Если османская армия пойдет походом на Иран, она сможет объединиться

³ Рустем-паша – османский государственный деятель, занимавший пост великого визиря между 1544–1553 и 1555–1561 гг. во время правления Сулеймана Великолепного.

с этими силами и свергнуть Тахмаспа (§., s. 198–199). И султан, желавший укрепить османское господство в Грузии и Басре, под косвенным влиянием Алкаса Мирзы дал добро на новую иранскую кампанию. Когда султан решился начать экспедицию, то назначил Улума-пашу дядькой-наставником (*лала*) для Алкаса Мирзы и назначил пашу бейлербеем Эрзурума. Улума-паша ранее служил в государстве Сефевидов, а затем встал на сторону Османского государства [12, s. 180].

Весной 1548 г. османская армия отправилась во второй иранский поход. Алкасу Мирзе были вручены флаг, *туз*⁴ и барабан, которые считаются тюрскими государственными символами [12, s. 180]. Султан послал Алкаса Мирзу в качестве законного главы государства. Он считал, что с его помощью положит конец вражде с империей Сефевидов, фактически поставив ее в зависимость от своей державы. Маршрут похода следовал по дороге Измит – Енишехир – Эскишехир – Акшехир – Конья – Нигде – Кайсери. Одновременно султан отправил письмо узбекскому хану Абдуллатифу с призывом напасть на Сефевидов [12, s. 180–183]. Во время похода султан оставил одного из своих сыновей в Конье, а другого в Амасье в качестве меры предосторожности против восстания Кызылбаши в Анатолии [12, s. 183].

Когда шах Тахмасп получил известие о том, что султан Сулейман вышел в поход, он уклонился от полевого сражения с войском султана, выжег посевы и отравил воду во всех районах, через которые могла пройти османская армия (А.Т., s. 540). Таким образом он решил ослабить ее. Когда войско султана подошло к Эрзуруму, Сулейман отправил отряд для контроля над Ширваном, а Алкаса Мирзу с другим отрядом послал в сторону Хоя. Узнав об этом, шах немедленно направил против Алкаса Мирзы собственный отряд. Эти два отряда вскоре сошлись на поле боя, и османская армия одержала победу (А.Т., s. 541). Сам султан направился к Тебризу. Шах ушел из города с другой стороны, уничтожив продовольствие и отравив воду во всех землях, включая Тебриз. 27 июля 1548 г. султан Сулейман вошел в город.

Пока султан находился в Тебризе, он понял, что все обещания, данные Алкасом Мирзой, были напрасны. Ни один из сефевидских беев, упомянутых им, не приехал в Тебриз и не изъявил покорности. Более того, некоторые из бывших беев Алкаса Мирзы перешли на сторону шаха (§., s. 199) [13, s. 66]. Можно искать причину произошедшего в религиозной сфере: во время продолжающегося суннитско-шиитского конфликта переход шиита Алкаса Мирзы в подчинение к суннитскому правителю привел к падению его популярности среди шиитов. Кроме того, шехзаде попал в немилость и к султану Сулейману. Разочарованный пустыми обещаниями Алкаса Мирзы, поняв, что ситуация с военным походом принимает нежелательный оборот, султан отказался назначить его правителем Тебриза. Пробыв в городе несколько дней, Сулейман направился на захват крепости Ван. Осада Вана, в которой также участвовал Алкас Мирза, длилась с 15 по 24 августа [12, s. 188]. Отступив в связи с приближением зимы, Сулейман решил перезимовать в г. Алеппо. Тем временем шах Тахмасп совершил набеги на города Карс,

⁴ Туг – в государственной традиции тюркских народов символ суверенитета. Традиционный древнетюркский туг представлял собой конский хвост (или пучок конского волоса), прикрепленный к жерди. Его также называют *тог* или *тук*.

Муш и Эрзинджан. В ответ на эти грабительские действия шаха находившийся в Алеппо султан послал Алкаса Мирзу грабить сефевидские земли (Ş., s. 200; А.Т., s. 543). Последний вернулся в Багдад с ценной добычей, которая досталась ему после грабежей в таких регионах, как Диневвер, Хамадан, Кум, Исфахан, Шираз и Луристан, и часть которой он отправлял султану. Таким образом он намеревался снова завоевать его благосклонность. Одновременно целью действий Алкаса Мирзы был поиск в южной части Ирана той поддержки, которую он не получил в северных сефевидских землях (Тебризе, Ширване) [9, p. 77–78].

После того как султан Сулейман провел зиму в Алеппо, он со своей армией отправился в г. Диярбекр. Услышав, что грузины совершают набеги на г. Эрзурум, он послал против них армию и восстановил контроль над территорией (Р., s. 202). Когда султан понял, что шах уклоняется от полевых сражений, он решил вернуться в столицу Османской империи. Таким образом, второй иранский поход, осуществленный османской армией под влиянием увещаний Алкаса Мирзы, закончился бесславно и безрезультатно для последнего.

Бегство Алкаса Мирзы из Османской империи и его гибель. После неудачного похода османский султан потерял надежду на успех и перестал ценить Алкаса Мирзу, как раньше. Кроме того, во время военной кампании у последнего возникли разногласия с османскими визирями Ахмет-пашой и Рустем-пашой. Они начали настраивать султана против Алкаса Мирзы [14, p. 245–246]. Также во время пребывания Алкаса Мирзы в Багдаде распространялись слухи о том, что когда он находился в Кербеле во время грабежей, то совершал ритуалы в соответствии с шиитской практикой [12, s. 197]. Но самое главное – все его обещания, данные правителю Османской империи, оказались невыполненными.

Алкас Мирза, зная все это, понимал, что в Османской империи не осталось никого, кто мог бы его поддержать, а потому у него не было никакого резона оставаться здесь далее. Поэтому он решил покинуть османские земли и вместе со своей свитой укрылся в Эрдеванском⁵ бейлике⁶ (Т.А.А., s. 145; А.Т., s. 547). После побега Алкаса Мирзы османский правитель немедленно направил приказ в провинцию Диярбекр, которая граничила с государством Сефевидов. Султан отдал распоряжение наместнику (бейлербею) Диярбекра Аяз-паше раздобыть сведения о местонахождении Алкаса Мирзы, а также проинформировать о месте пребывания шаха (О.А.2). Как следует из упомянутого документа, султан Сулейман не хотел выпускать Алкаса Мирзу из своего поля зрения и был намерен даже после побега мятежного шехзаде оставаться в курсе его деятельности.

С другой стороны, шах Тахмасп, проведав о том, что мятежник укрылся в Эрдеванском княжестве, отправил туда свой отряд и захватил Алкаса Мирзу, который вскоре вместе со своими детьми был заключен в крепость Кахгахе (Ş., s. 201; Т.А.А., s. 146). Через некоторое время (9 апреля 1550 г.), находясь в заключении, шехзаде «выпал» из крепости и погиб при невыясненных обстоятельствах. До сих пор доподлинно неизвестно, было ли это хладнокровное убийство или же самоубийство.

⁵ Эрдеван; к северу от Керманшаха упоминается провинция Ардалан, а к югу от нее – нагорья, населенные племенами луров (см. подробную информацию в Т.М.).

⁶ Бейлик (بک‌الک) – княжество.

Таким образом, сефевидский шехзаде Алкас Мирза прожил жизнь короткую, но наполненную бурными событиями, связанными с борьбой за власть. Неудачная попытка обрести независимость во время пребывания на посту наместника шаха в Ширване стала поворотным моментом в его жизни. Его перспективы после бегства в Османскую империю, на тот момент самое могущественное, но являвшееся злейшим врагом империи Сефевидов государство на Ближнем Востоке, поначалу было обнадеживающими и многообещающими. Однако все попытки османского правителя посадить шехзаде на сефевидский трон и сделать, по сути, своим вассалом, вопреки уверениям последнего, не увенчались успехом.

Активная, но неоднозначная роль Алкаса Мирзы в организации неудачного антииранского похода 1547–1548 гг. предопределила трагический исход в его борьбе за сефевидский престол. Когда османские правящие круги охладели к персоне Алкаса Мирзы, разуверившись в его способности захватить сефевидский трон, его бегство из Османской империи и последующая трагическая гибель в заключении у старшего брата были предрешены. Примечательно, что ровно через десять лет история повторилась, но в зеркальном отображении: на этот раз шехзаде Баязид, сын султана Сулеймана, бежал из Османской империи и попытался укрыться у Сефевидов, но позже был убит по приказу своего отца.

Печальная судьба Алкаса Мирзы (как и шехзаде Баязида через десятилетие) показала бесперспективность использования внешнего фактора, то есть опоры на поддержку османских правителей, для попыток захвата власти в государстве Сефевидов. Более того, изложенная выше история показала, что нахождение в Османской империи царственных беглецов из Ирана небезопасно для последних. Как только вчерашние союзники теряют веру в возможность использования беглеца в своих интересах, их покровительство становится не только бесполезным, но и опасным. Возможно, поэтому в последующем не было случаев бегства сефевидских принцев в Османскую империю. В свою очередь, иранский поход османской армии 1547–1548 гг., в организации которого Алкас Мирза принял самое активное участие и который явился по сути эпизодом в борьбе за сефевидский престол, стал важным моментом во взаимоотношениях двух держав – Османской империи и державы Сефевидов.

В результате правители Османской империи не смогли использовать Алкаса Мирзу так, как планировали: в качестве альтернативного кандидата на престол империи Сефевидов. Но обозначенная конфликтная ситуация значительно обострила взаимоотношения между двумя государствами, поскольку османы все еще были не в состоянии решить «проблему» Сефевидов и не смогли взять под свой контроль весь Кавказский регион. Но именно благодаря этой экспедиции середины XVI столетия правители Османской империи узнали о богатствах Ширвана. Этому значительно поспособствовало то обстоятельство, что Алкас Мирза являлся его бейлербеем. Следует отметить, что поход на сефевидский город Тебриз был осуществлен османами еще в 1534–1536 гг. Однако в ареал вторжения не входили северные кавказские земли, находившиеся под контролем сефевидского государства. Только во время похода 1548–1549 гг. армия султана Сулеймана вторгается в кавказские земли и узнает о богатствах этого региона.

Иными словами, османский военный поход 1548–1549 гг., предпринятый при активном подстрекательстве со стороны Алкаса Мирзы, фактически стал

началом реализации идеи по взятию Кавказа под полный османский контроль. Третий восточный поход (Нахичеванская экспедиция) 1553–1555 гг. султана Сулеймана (1520–1566), Астраханская экспедиция 1569 г. султана Селима II (1566–1574) и Османско-сефевидская война 1578–1590 гг. в период правления Мурата III (1574–1595) – все эти походы на Кавказ были предприняты с целью взять весь регион под свой контроль. И в череде упомянутых военных кампаний второй восточный поход султана Сулеймана 1548–1549 гг., а также деятельность сефевидского принца Алкаса Мирзы стали важным звеном «освоения» османами Кавказского региона.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- T.M. – *Tadhkirat Al-Muluk: A Manual Of Safavid Administration (circa 1137–1725)* / Translated and Explained by V. Minorsky. Cambridge: Luzac & Co, 1943. vii, 218 p.
- T.A. – *Abdi Beğ Şirazi. Safeviler (Tekmiletü'l-Ahbar)* / Trans. Şefaattin Deniz, Hasan Asadi. İstanbul: Bilge Kültür Sanat, 2019. 160 s.
- K.A. – *Gelibolulu Mustafa Âli. Kühnü'l Ahbâr: 2 c.* // Ed. Ali Çavuşoğlu. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2019. C. 3. 1171 s.
- M.N. – *Matrakçı Nasuh. Rüstem Paşa Tarihi Olarak Bilinen Târîh-i Âl-i Osmân (Osmanlı Tarihi 699–968/1299–1561)* / Ed. Göker İnan. İstanbul: Türkiye Yazma Eserler Kurumu Başkanlığı, 2019. 504 s.
- N.M. – *Nişancı Mehmed Paşa. Hadisat: Nişancı M. Paşa Tarihi ve Osmanlı Tarihi Zeyli* / Ed. Enver Yaşarbaş. İstanbul: Kamer Neşriyat ve Dağıtım, 1983. 326 s.
- P. – *Peçevi İbrahim Efendi. Peçevi Tarihi I: 2 c.* / Ed. Bekir Sıtkı Baykal. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1981. C. 1. xix, 356 s.
- Ş. – *Şeref Han. Şerefname Osmanlı-İran Tarihi* / Trans. Mehmet Emin Bozarslan. İstanbul: Ant Yayınları, 1971. C. 2. 312 s.
- A.T. – *Həsən Bəy Rumlu. Əhsənüt-Təvərix (Tarixlərin ən Yaxşısı)* / Trans. Oktay Efendiyev, Namig Musalı. Kastamonu: Uzanlar Kopyalama Merkezi, 2017. 662 s.
- T.A.A. – *İsgəndər Bəy Münşi Türkman. Tarix-i Aləmara-yi Abbasi (Abbasın Dünyanı Bəzəyən Tarixi): 3 t.* Bakı: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası A.A. Bakıxanov Adına Tarix İnstitutu, 2009. T. I. 712 s.
- O.A.1 – Османский Архив (BOA), TS.MA.e, 756-90, (№: 6364/2).
- O.A.2 – Османский Архив (BOA), İE.AS., 1–25.

Литература

1. *Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А.А. Жданова (тип. им. Евг. Соколовой), 1949. 384 с.
2. *Иванов М.С.* Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. 468 с.
3. История Ирана с древнейших времён до конца XVIII века / И.В. Пигулевская, А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский, Л.В. Строева, А.М. Беленицкий. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 390 с.
4. *Savory R. Ālqaş Mīrzā* // *The Encyclopedia of Islam: New Edition*. 13 v. Leiden: E.J. Brill, 1986. V. I: A–B. P. 406.

5. *Aliiev S.M.* Elkas Mirza // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi: 44 c. Ankara: TDV, 1995. C. XI. S. 55.
6. *Ашурбейли С.А.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку: ЭЛМ, 1983. 343 с.
7. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. / Отв. ред. А.А. Али-Заде. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 265 с.
8. *Эфендиев О.А.* Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку: ЭЛМ, 1981. 307 с.
9. *Walsh J.R.* The Revolt of Alqas Mirza // Wien. Z. Kunde Morgenlandes. Bd. 68. Vienna: Univ. of Vienna, 1976. S. 61–78.
10. *Şefkat U.M.* Elkas Mirza İsyanı: Master's thesi. Ankara, 2022. 124 s.
11. *Gündüz T.* Kızılbaşlar, Osmanlılar, Safeviler. İstanbul: Yeditepe Yayınları, 2018. 208 s.
12. *Kırzioğlu F.* Osmanlılar'ın Kafkas Elleri'ni Fethi (1451–1590). Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1998. 550 s.
13. *Sümer F.* Safevi Devleti'nin Kuruluşu ve Gelişmesinde Anadolu Türklerinin Rolü. Ankara: Güven Matbaası, 1976. 263 s.
14. *Murphey R.* Süleymân's eastern policy // Süleymân the Second and His Time / Ed. by H. Inalcik, C. Kafadar. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2010. P. 229–248. <https://doi.org/10.31826/9781463231774-018>.

Поступила в редакцию 15.07.2024

Принята к публикации 19.09.2024

Юрдакал Осман, аспирант кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: osmaanyurdakal@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 168–177

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.168-177

Safavid Shehzade Alkas Mirza and His Role in the Ottoman Empire

O. Yurdakal

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: osmaanyurdakal@gmail.com

Received July 15, 2024; Accepted September 19, 2024

Abstract

This article explores the short life of the Safavid Shehzade Alkas Mirza (1516–1550), the second son of Shah Ismail. In the early adult years, he served as the governor (beylerbey) of Shirvan, where he ruled under the authority of his elder brother Tahmasp, who would later become a shah of Iran. Alkas Mirza sought independence for his province. These ambitions brought him into conflict with Shah Tahmasp and ended in defeat. In search of support, he fled to the Ottoman Empire and was received there as a legitimate ruler of an independent state rather than a shehzade in exile. After several meetings

with Sultan Suleiman, he persuaded him to march against Shah Tahmasp. In the 1548–1549 campaign, Alkas Mirza not only participated but played an active role in the Ottoman military operations against the Safavid forces. However, the campaign ultimately failed due to the clever military strategy devised by Shah Tahmasp to counteract the enemy, thus leading to Alkas Mirza's loss of favor and diminishing influence at the Ottoman court. Forced to leave the country, he soon fell into his brother's hands and died under mysterious circumstances. During the research at the Ottoman Archives in Istanbul, new diplomatic documents, which shed light on the described events marking a significant milestone in the history of the Ottoman–Iranian relations over the mid-16th century, were discovered.

Keywords: Alkas Mirza, Ottoman Empire, Safavid state, Sultan Suleiman, Shah Tahmasp

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Petrushevskii I.P. *Ocherki po istorii feodal'nykh otnoshenii v Azerbaidzhane i Armenii v XVI – nachale XIX vv.* [Essays on the History of Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia from the 16th to the Early 19th Century]. Leningrad, Izd. Leningr. Gos. Ordena Lenina Univ. im. A.A. Zhdanova (Tip. im. Evg. Sokolovoi), 1949. 384 p. (In Russian)
2. Ivanov M.S. *Ocherk istorii Irana* [An Essay on the History of Iran]. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 468 p. (In Russian)
3. Pigulevskaya I.V., Yakubovskii A.Yu., Petrushevskii I.P., Stroeva L.V., Belenitskii A.M. *Istoriya Irana s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka* [A History of Iran from Ancient Times to the Late 18th Century]. Leningrad, Izd. Leningr. Univ., 1958. 390 p. (In Russian)
4. Savory R.M. Ālqaş Mirzā. In: *The Encyclopedia of Islam: New Edition*. Vol. I: A–B. Leiden, E.J. Brill, 1986, p. 406.
5. Aliev S.M. Elkas Mirza. In: *Encyclopedia of Islam by the Turkish Religious Foundation*. Vol. XI. Ankara, TDV, 1995, p. 55. (In Turkish)
6. Ashurbeili S.A. *Gosudarstvo Shirvanshakhov (VI–XVI vv.)*. [The State of the Shirvanshahs (6th–17th Centuries)]. Baku, Elm, 1983. 343 p. (In Russian)
7. Minorskii V.F. *Istoriya Shirvana i Derbenda X–XI vv.* [A History of Shirvan and Derbend in the 10th–11th Centuries]. Ali-Zade A.A. (Ed.). Moscow, Izd. Vost. Lit., 1963. 265 p. (In Russian)
8. Efendiev O.A. *Azerbaidzhanskoe gosudarstvo Sefevidov v XVI veke* [The Azerbaijani State of the Safavids in the 16th Century]. Baku, Elm, 1981. 307 p. (In Russian)
9. Walsh J.R. The Revolt of Alqas Mirza. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Vienna, Univ. of Vienna, 1968, Bd. 68, S. 61–78.
10. Şefkat U.M. The rebellion of Elkas Mirza. *Master's thesis*. Ankara, 2022. 124 p. (In Turkish)
11. Gündüz T. *Qizilbash, Ottomans, Safavids*. Istanbul, Yeditepe Publ. 2018. 208 p. (In Turkish)
12. Kırzioğlu F. *The Ottoman Conquest of the Caucasus (1451–1590)*. Ankara, Turk. Hist. Soc. Publ. 1998. 550 p. (In Turkish)
13. Sümer F. *The Role of the Anatolian Turks in the Establishment and Development of the Safavid State*. Ankara, Guven Publ. House, 1976. 263 p. (In Turkish)
14. Murphey R. Süleymân's eastern policy. In: Inalcik H., Kafadar C. (Eds.) *Süleymân the Second and His Time*. Piscataway, NJ, Gorgias Press, 2010, pp. 229–248. <https://doi.org/10.31826/9781463231774-018>

⟨ **Для цитирования:** Юрдакал О. Сефевидский шехзаде Алкас Мирза и его деятельность в Османской империи // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 168–177. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.168-177>. ⟩

⟨ **For citation:** Yurdakal O. Safavid Shehzade Alkas Mirza and his role in the Ottoman Empire. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 168–177. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.168-177>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 37(595.6)+94(595.6)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.178-191

СИНГАПУРСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

И.К. Калимонов, Е.К. Кулаева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена истории формирования системы образования в Сингапуре – городе-государстве, который, в отличие от многих бывших колоний, после обретения независимости не только удачно вписался в международную систему разделения труда, но и стал своеобразным эталоном модернизации традиционного общества в современных условиях. Предмет исследования – сравнительный системный анализ образовательной системы Сингапура в контексте исторического развития. Выявлена специфика развития системы образования в Сингапуре, обусловившей его лидерство по обозначенному показателю в регионе Юго-Восточной Азии. Применение системного, типологического, сравнительного и ретроспективного методов исследования позволило констатировать противоречие между формированием наднационального и национального типов личности. Описан процесс совмещения двух указанных тенденций в образовательной политике. Обозначены как достижения, так и недостатки, выявленные в процессе развития системы образования Сингапура, предпринята попытка прогноза ее дальнейшего развития. Использование методов философской герменевтики и истории повседневности осуществлено в контексте изменившихся подходов к изучению исторического процесса. За основу взяты принципы социокультурной истории, разработанные английскими историками XX в.

Ключевые слова: Сингапур, глобализация, система образования, тенденции развития образования, история образования, экономика знаний, информационная эпоха, постиндустриальное общество, человеческий капитал

Согласно доминирующей сегодня теории развития общества, мы вступаем в информационную эпоху, получившую название «экономика знаний»¹. В подобной ситуации залогом успеха для любой страны является создание качественной, легко приспособляющейся к изменению условий системы образования, которое становится производительной силой: от уровня образования работников зависит процветание государства. Чем выше уровень их квалификации, тем больше у страны возможностей занять достойное место в системе международного разделения труда [2].

¹ Под экономикой знаний принято понимать экономическую систему, в которой создание, распространение и использование знаний и информации играют центральную роль в процессах экономического роста и инноваций (подробнее о концепции национальных систем инноваций см. [1]).

В современном мире сталкиваются две тенденции в развитии образования [3]. В обществе модерна последнее находилось под контролем национального государства и было направлено на формирование национальной идентичности [4]. В постиндустриальном обществе появляется другая тенденция – образование выполняет функцию подготовки наднациональных кадров, не привязанных к определенному государству [5]. Сегодня эти две тенденции противоречат друг другу, что проявляется в разных подходах к организации всей системы образовательного процесса [6]. При этом нельзя однозначно утверждать, что преобладание одной из тенденций будет иметь только негативные последствия, а второй – позитивные. Плюсы и минусы есть в обоих случаях. То, что предлагают транснациональные корпорации, – это подготовка людей, способных успешно действовать вне рамок государственного контроля на глобальном уровне [7]. Такие специалисты будут неизбежно противопоставлять свои интересы государственным, но в то же время будут гораздо лучше приспособлены к выполнению задач в современных условиях: они более мобильны, имеют более широкий кругозор, умеют решать проблемы на мировом уровне [8]. Им не нужна «привязка» к институтам для осуществления тех или иных работ. Они собираются по сетевому принципу для решения определенных задач, а затем расходятся по новым группам [9].

Упомянутые тенденции вызывают оживленные дискуссии, непримиримые споры. Сторонники национального образования делают упор на критике утраты идентичности в условиях глобализации, в то время как приверженцы глобализации образования обвиняют первых в консерватизме и непонимании реалий современного мира [4]. При этом пример формирования образовательной системы Сингапура показал, что на практике точка зрения сторонников глобализации ближе к истине [10]. Однако это обусловлено тем, что сам Сингапур находится в ситуации, при которой именно такой подход в современных условиях является для него оптимальным [1]. Актуальность упомянутой дискуссии для всех стран без исключения становится очевидной в свете пересмотра роли культуры и опыта в эволюции человечества [3]. Если мыслители прошлого в значительной степени делали упор на решающей роли средств производства, технологий в развитии человечества, то сегодня акцент смещается со средств производства в сторону производственной культуры и социального опыта [5; 11]. Культура – не надстройка над базисом, как считали раньше, она сама может рассматриваться в качестве базиса, основы для развития, формирующейся в процессе как материальной, так и духовной деятельности людей. Стало очевидным, что не столько сами средства производства определяют успешное развитие экономики, сколько квалификация и заинтересованность людей, которые этими средствами производства пользуются. В частности, известный казанский историк В.Д. Жигунин в книге «Древность и современность» писал: «Если понятие “производительные силы” сколь-нибудь состоятельно, то в содержание этого понятия необходимо включать и науку, и другие духовные феномены – этику, религии и т. д.» [12, с. 64–65].

Возрастающая роль транснациональных корпораций в экономической и научной деятельности в условиях, когда наука становится решающим фактором производства, ставит перед руководителями различных ТНК задачу подготовки специалистов соответствующего уровня, а поскольку Сингапур оптимальным

образом включен в эту глобальную систему международного разделения труда, то его образовательная система легко вписывается в обозначенный процесс; поэтому руководство Сингапура в равной степени содействует развитию обеих тенденций в области образования, не забывая про национальное образование и всячески стимулируя включение в образовательный процесс структур, созданных ТНК [3; 5; 10]. Например, крупнейшая международная компания Unilever намеревается проводить образовательные тренинги для своих работников, сотрудничая при этом с университетами Сингапура (S.P.M.).

Тенденция к развитию образования, вписывающегося в систему образовательной экономики, сложившейся в Сингапуре, обуславливает растущий интерес у иностранных студентов, которые осознают, что именно здесь они могут не просто получить соответствующее образование, но и найти рабочее место, поскольку сам процесс обучения соотнесен с деятельностью ТНК [10]. Это связано с тем, что центры многих транснациональных корпораций расположены в Сингапуре как в крупном логистическом центре региона [13] и в развитие инфраструктуры постоянно вкладывались финансы [14], а также с традициями конфуцианской культуры, согласно которым образование считается одним из важнейших видов деятельности и социальный статус преподавателя очень высок [15]. Созданные за последнее время комфортные условия как для преподавателей, так и для студентов не только в плане быта, но и в плане проведения образовательной и научной деятельности обеспечивают приоритет Сингапура в обозначенной сфере [16].

Новейшую историю образовательных реформ в Сингапуре можно охарактеризовать как одно большое инновационное начинание, воплощенное в Постановлении об образовании 1977 г., за которым последовали различные инновационные акты и программы, непосредственно из него вытекающие. Именно этот документ стал отправной точкой для воплощения намерений в действия [17, р. 241]. В работах британского историка К.М. Тернбулл, которая известна своими исследованиями Юго-Восточной Азии, в частности Сингапура, выделяется три ключевых периода развития сингапурской системы образования:

- 1) период разрешения конфликтов (1946–1956 гг.);
- 2) период активных действий (1959–1968 гг.);
- 3) период качественной консолидации (с 1969 г. и далее) [18].

История Сингапура берет свое начало с создания усилиями Британской Ост-Индской компании торговой зоны на территории острова. Со временем Сингапур стал крупным портовым городом, привлекающим внимание Великобритании своим выгодным географическим положением [19, р. 140]. Сингапурская система образования уходит корнями во времена британского колониализма. В Британской империи была широко распространена практика подготовки управленческого персонала из местного населения, что существенно облегчало процесс управления колониями [20]. Кроме того, лица, получавшие образование в Великобритании, становились надежной опорой колониального режима, проводниками колониальной политики. Это правило распространялось и на Сингапур. Представители политической элиты острова, в том числе и первый премьер-министр Ли Куан Ю, получили высшее образование в университетах

Великобритании. «Отец-основатель» сингапурской нации после Второй мировой войны учился в Лондонской школе экономики, затем перевелся в Кембриджский университет [14].

Характерной особенностью Сингапура является его многонациональный состав (большую часть населения составляют китайцы), что отличает его от других стран Юго-Восточной Азии [20]. При этом он является космополитичным городом-портом, поэтому для интеграции в мировую экономику руководству Сингапура было необходимо внедрить в свою образовательную систему английский язык, чтобы облегчить поступление в зарубежные вузы для молодежи Сингапура и предоставить им возможности получения работы в ТНК, а также предотвратить конфликты между различными этносами, проживающими на его территории [14]: кроме китайцев, говорящих на китайском языке и его диалектах, на острове также живут малайцы, индийцы и другие этносы. Важно понимать, что Сингапур не сможет существовать как независимое государство, если утратит свой статус международного порта и ключевого логистического центра в регионе [13].

Во времена британского владычества практически не предпринималось попыток построить интегрированную систему образования с общими целями и задачами, не говоря уже о создании общей идентичности среди детей в различных школах. Японцы, господствовавшие на территории Сингапура с 1942 по 1945 г., стремились подорвать гегемонию британцев и укрепить свое влияние, поэтому поощрялось развитие национальных языков: учителя из английских школ впервые смогли работать совместно с преподавателями из малайских, китайских и тамильских школ. В этот отрезок времени система образования Сингапура развивалась согласно интересам и целям оккупантов. Население подчинялось планам новых хозяев, которые пытались реализовать концепцию «Азия для азиатов», предполагавшую освобождение азиатских народов от западного колониализма. Играя на чувствах местного населения, начавшего испытывать разочарование в мощи Британской империи, не сумевшей защитить Сингапур, японцы стремились установить свои новые порядки. Японская администрация заставила всех школьников острова ежедневно посещать церемонию поднятия флага, за которой следовали физические упражнения [21]. Японцы также форсировали интеграцию, используя общий язык – «ниппон-го» [22].

Период японской оккупации Сингапура закончился в августе 1945 г., а в 1946 г. он стал отдельной колонией, независимой от остальной Малайи [23]. После завершения японской оккупации власти Британии снова были вынуждены укреплять свое влияние в колониях. Для осуществления данной задачи на руководящие места там были поставлены люди, получившие образование в Великобритании и ставшие впоследствии лидерами самостоятельных государств (среди них можно назвать первого президента Индонезии Сукарно, первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, Мухаммада Али Джинна и других политических лидеров) [24]. С этого момента начался процесс становления новой государственности и системы образования, ориентированной на потребности местного населения. На первых порах молодые государства стремились создать прослойку специалистов, заинтересованных в экономической независи-

мости стран, вставших на путь самостоятельного развития. Национализм доминировал как идеология в большинстве новых независимых государств [25].

Первые послевоенные годы были ознаменованы восстановлением системы образования и нацелены на повышение престижа образования и научной деятельности [26]. Необходимо было выстроить такую систему, которая способствовала бы объединению в одну нацию различных этносов Сингапура, поэтому к концу 1947 г. Консультативным советом была принята Десятилетняя программа образовательной политики в колонии Сингапур. Основные принципы и цели, лежавшие в основе этого плана, в некоторой степени предвосхитили те, которые были изложены позднее в «Белой книге по образованию» 1956 г. и Указе об образовании 1957 г. [27, р. 44].

В период с 1957 по 1959 г. активно проводились реформы системы образования [14]. Это было связано с тем, что в условиях нехватки ресурсов необходимо было консолидировать усилия общества для достижения всеобщего блага после обретения Сингапуром независимости. Немаловажную роль при этом сыграл сам Ли Куан Ю, который использовал тревожные настроения среди населения для сплочения перед лицом внешних вызовов [21]. Перед правительством Сингапура остро стоял вопрос о выживании государства в одиночку в условиях ограниченности ресурсов, с единственным имеющимся преимуществом: Сингапур – портовый город. Большое число руководителей Сингапура приняло верное решение о долгосрочной стратегии развития страны: ставка была сделана в первую очередь на прирост количества образованных и высококвалифицированных специалистов, для чего в Сингапуре было увеличено количество школ и университетов [26]. В дальнейшем оказалось, что это был шаг в верном направлении, ибо не столько инвестиции играют решающую роль в развитии экономики, сколько высокая квалификация работников.

В 1959 г. Сингапур добился полного внутреннего самоуправления. Подход к решению проблем в области образования новоизбранной Партии Народного Действия (далее – ПНД) заключался в том, чтобы рассматривать их в увязке с политическими и социальными потребностями. Еще во время избирательной кампании ПНД объявила об основных целях, которых она собирается достичь в ходе проведения образовательных реформ в Сингапуре. Во-первых, планировалось обеспечить равное отношение ко всем этносам, проживавшим на территории страны, и школам, в которых велось преподавание на их языках. Во-вторых, ПНД намеревалась сделать больший упор на преподавание в школах и университетах точных и естественных наук [28, р. 168]. Это можно объяснить тем, что правительство Сингапура собиралось в дальнейшем привлекать иностранных студентов для развития самой системы образования и научной деятельности. Руководство острова, осознавая, что после японской оккупации народы стран Азии относились к Японии как к стране-агрессору, попыталось сформировать в своем государстве альтернативу для получения первоклассного высококачественного образования, в первую очередь технической направленности, так как для развития экономик развивающихся стран требовались инженеры. Иностранных студентов сингапурские власти также начали привлекать и по той причине, что своих человеческих ресурсов в Сингапуре было недостаточно.

Монополия Запада на мышление и национальную науку закончилась. Итогом эпохи колониализма стало то, что население колоний переработало западный опыт и восприняло западную науку и технологии [29]. Можно констатировать тот факт, что в результате в самих западноевропейских странах и США местное население все меньше и меньше стремится заниматься фундаментальными исследованиями в области технических наук, эту нишу сейчас занимают представители стран Дальнего Востока и Южной Азии. (Например, на данный момент на первое место по количеству зарегистрированных патентов на научно-технические изобретения вышла КНР [30, р. 7]). И это является одной из причин популярности системы высшего образования Сингапура как места, где жители упомянутых регионов могут получить подобное образование, не выезжая далеко в страны с чуждой им культурой. Как многонациональный центр, в котором легко может приспособиться представитель любой культуры, Сингапур стал очень привлекательным. Иными словами, в его высших учебных заведениях иностранцам легче адаптироваться к процессу учебы, чем в каком-либо другом месте [14]. Положение Сингапура в современной мировой экономике позволяет ему получать достаточно средств и финансировать развитие тех секторов образования, которые должны обеспечивать задачи расширения глобальной экономики. В данном случае у острова есть исторически сложившиеся преимущества перед соседями, у которых нет ни денежных средств, ни кадровой основы. К тому же правительство Сингапура имеет финансовые возможности для привлечения иностранных экспертов [31]. По этой причине даже руководство КНР предпочитает готовить специалистов высокого уровня не в своих учебных заведениях, а в университетах Сингапура, правительство которого в 2013 г. запустило адаптированный под китайский рынок образования проект Singapore talent development alliance, в рамках которого предоставляются образовательные услуги и проводятся тренинги (SMU).

Успешное развитие системы образования в Сингапуре в период перехода к независимости в значительной степени определялось наличием продуманной государственной политики. Управление системой образования было достаточно гибким, что видно на следующем примере. В процессе перехода к независимости оказалось, что многие учителя не могут вести занятия на английском языке, тогда как население стремилось отдавать детей в школы с обучением на нем, что было обусловлено экономическими интересами. Объективные обстоятельства позволили избежать возможного конфликта на экономической основе: большинству было понятно, что встраивание Сингапура в международную систему разделения труда предполагает в первую очередь владение английским языком [32]. Правительству необходимо было решить вопрос с распределением и профессиональной переподготовкой учителей, которые оказались невостребованными на рынке труда по причине возросшего спроса на получение образования на английском языке. За счет государственной поддержки учителя могли пройти подобную переподготовку, что дало в перспективе положительный результат. Данная мера позволила решить возникшую проблему безработицы. Можно утверждать, что одним из плюсов сингапурской системы образования начиная со времен Ли Куан Ю остается государственное регулирование. Гибкое программирование

и финансирование позволяют в случае изменения конъюнктуры быстро перепрофилировать людей, которых обучают новым профессиям. Это хорошо укладывается в тенденцию глобализации [33].

С 1961 по 1965 г. в Сингапуре реализовывалась пятилетняя программа развития образования. Опыт совершенствования системы образования в этот период определил в дальнейшем стратегическую линию правительства независимого Сингапура: делать ставку не столько на привлечение инвестиций и развитие индустриальной базы, сколько на формирование качественного образованного трудового потенциала. Премьер-министр в своей книге *“The Singapore Story: Memories of Lee Kuan Yew”* заявлял, что единственный ресурс, которым обладает Сингапур, – это его люди. Образование он считал важнейшим рычагом формирования единой национальной идентичности среди населения (L.K.Y.). Вопреки расхожему мнению о том, что колониальный период имел исключительно негативные последствия для развития бывших колоний, на примере британских колоний можно утверждать, что колониализм обернулся для многих частей Британской империи не только потерями, но и приобретениями. Британские колониальные власти создали все условия для того, чтобы подготовить бывшие колонии, в том числе Сингапур, к обретению независимости, и создали систему подготовки политических кадров. Благодаря этой системе в странах-колониях появились собственные политические лидеры, в том числе Ли Куан Ю, успех которого в сфере модернизации образовательной системы обусловлен тем, что правительство Сингапура не стало уничтожать элементы британского наследия. Государственная программа развития образования позволила избежать значительного числа возможных конфликтов: с одной стороны, была удовлетворена потребность населения в переходе на английский язык для ведения хозяйственной деятельности, при этом не были ущемлены права этносов и сохранялись возможности развития национальных культур [34, p. 333].

Процессы глобализации повлияли на выбор путей реформирования образования. Руководство Сингапура пересмотрело свое отношение к понятию «конкурентоспособность» и стало уделять больше внимания развитию у населения навыков, необходимых в XXI в., а именно: способности к межкультурной коммуникации, креативности, нестандартного мышления. Это было закреплено в докладе Комитета экономического планирования в 1991 г. (М.Т.И.). Школы и университеты были призваны сыграть главную роль в осуществлении намеченных планов [35, p. 36]. Будучи небольшим городом-государством с открытой экономикой, Сингапур никогда не изолировал себя от изменений, вызванных потребностями глобализации. Правящая Партия Народного Действия последовательно информировала все общество о потенциальных вызовах и угрозах как в региональном, так и в глобальном контексте. Другими словами, система образования и образовательная политика отличались высокой степенью открытости и всегда были связаны с реальным положением дел в экономической, политической и социальной сферах. Дальнейшее реформирование системы образования учитывало как английский опыт, так и опыт Японии, которая к этому времени достигла больших успехов в развитии экономики. В значительной степени интерес к японскому опыту был обусловлен актуальностью для сингапурского общества

той же модели поведения, которая характеризует даосско-конфуцианскую цивилизацию, когда на первое место ставятся интересы коллектива, а не отдельной личности.

Получение независимости поставило перед правительством задачи формирования общности, обретения идентичности. В условиях Сингапура сделать это через религию было невозможно, соответственно, наиболее приемлемым вариантом было оформление идеи новой нации, что достигалось в первую очередь через образование. В то же время страна продолжала развиваться как международный логистический центр. В подобных условиях сохранить идентичность было чрезвычайно сложно, так как Сингапур – космополитичный город. Противоречие между стремлением к созданию своей национальной идентичности и тем фактом, что Сингапур является космополитичным логистическим центром, проявляется в дальнейшем во всех областях развития, и, конечно, в образовании. Исходя из рекомендаций, данных международными организациями и консультантами, в начале XXI в. правительство страны приступило к реорганизации системы образования в условиях изменения требований к подготовке специалистов высшего звена. Информационная эпоха требует не столько увеличения объема знаний, сколько возможности быстрого переобучения с одной специальности на другую, так как в современных условиях и в дальнейшем будет происходить быстрая смена потребностей, а вектор деятельности будет все больше смещаться в сторону управления, организации или обслуживания. На первое место будет выходить не объем знаний, а получение навыков и компетенций, которые позволят человеку быстро переключаться с одного на другое, что особенно важно в условиях, когда большинство проблем решается за счет создания непостоянных экспертных групп из представителей разных специальностей. Другими словами, цифровой экономике требуются работники, объединяемые по сетевому признаку [9].

Таким образом, опыт эволюции образования в Сингапуре показывает наличие двух тенденций развития. Первая заключается в соединении процесса образования с производством, что имеет ряд преимуществ, в том числе и то, что студенты начинают понимать, зачем им получать знания и как их применять. Вторая тенденция связана с усилением адаптивности системы образования, целью которой является не простое освоение какого-то объема знаний, а приобретение навыков самообучения и самостоятельного решения проблем. Это именно то, что может быть востребовано в условиях шестой волны НТР со всеми преимуществами и недостатками этого процесса. В случае с Сингапуром подобный подход оправдывает себя, потому что это международный логистический центр и доля фундаментальных исследований там небольшая. Для стран с высокими объемами производства, претендующих на лидерство, такой подход не является оптимальным, поскольку узкая специализированная подготовка не способствует осуществлению фундаментальных научных исследований. В данном случае мы разделяем идеи испанского социолога-постмарксиста М. Кастельса, которые он изложил в своей работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [3]. Кроме того, опыт совершенствования системы образования в изучаемый период в дальнейшем определил стратегическую линию правительства

независимого Сингапура: делать ставку не столько на привлечение инвестиций и развитие индустриальной базы, сколько на формирование качественного образованного трудового потенциала. Можно сказать, что опыт развития системы образования Сингапура содержит множество позитивных моментов. Во-первых, сингапурские власти смогли в условиях постоянного изменения требований к системе образования в современных условиях выработать единую программу, что повышает академическую мобильность студентов и сотрудников учебных учреждений. Во-вторых, удалось создать атмосферу, препятствующую возникновению этнических конфликтов за счет получения образования на английском языке. Кроме того, расширение сотрудничества позволило Сингапуру взять на себя роль центра подготовки специалистов, способных действовать в условиях глобального рынка.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- S.P.M. – *Polman P.* Speech by Prime Minister Lee Hsien Loong at the opening of Unilever's Four Acres Singapore Campus // Prime Minister's Office Singapore URL: <https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/speech-prime-minister-lee-hsien-loong-opening-unilevers-four-acres-singapore-campus>, свободный.
- SMU – SMU Corporate Communications team. SMU joins IE Singapore-led Singapore Talent Development Alliance to capture growing opportunities in China // Singapore Management University. URL: <https://news.smu.edu.sg/news/2013/01/31/smu-joins-ie-singapore-led-singapore-talent-development-alliance-capture-growing>, свободный.
- L.K.Y. – *Lee K. Y.* The Singapore story: Memoirs of Lee Kuan Yew. Singapore: Marshall Cavendish International, 2020. 692 p.
- M.T.I. – Ministry of Trade and Industry. The Strategic Economic Plan: Towards a Developed Nation. Singapore: Ministry of Trade and Industry, Singapore, 1991. 148 p.

Литература

1. *Huat C.B.* Singapore as model: Planning innovations, knowledge experts // *Worlding Cities: Asian Experiments and the Art of Being Global* / Roy A., Ong A. (Eds.). Malden, MA, Oxford, Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. P. 27–54. <https://doi.org/10.1002/9781444346800.ch1>.
2. *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1962. xix, 416 p.
3. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The rise of the network society. Cambridge, MA: Blackwell Publ., 1996. xvii, 556 p.
4. *Meyer J.W., Ramirez F.O., Robinson R., Boli-Bennett J.* The world educational revolution, 1950–1970 // *Sociol. Educ.* 1977. V. 50, No 4. P. 242–258. <https://doi.org/10.2307/2112498>.
5. *Drucker P.* The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. New York, NY: Harper and Row, 1969. 394 p. <https://doi.org/10.1016/C2013-0-04383-6>.
6. *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity / Ritter M. (Trans.). Ser.: Theory, Culture and Society. London, Newbury Park, CA, New Delhi: Sage Publ., 1992. 260 p.

7. *Sassen S.* Globalization and Its Discontents. New York, NY: New Press, 1998. xxxvi, 254 p.
8. *Friedman T.L.* The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux, 2005. viii, 488 p.
9. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2003. 557 с.
10. *Gopinathan S.* Education and development in Singapore // *Education in Singapore: A Book of Readings* / Tan J., Gopinathan S., Ho W. K. (Eds.). Singapore: Prentice Hall, 1997, pp. 33–54.
11. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1997. x, 453 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv10vm2ns>.
12. *Жигунин В.Д.* Древность и современность. Человечество на пути к синтезу. Казань: Новое знание, 2000. 233 с.
13. *Wai-Chung Yeung H.* Transnational Corporations and Business Networks: Hong Kong Firms in the ASEAN Region. Ser.: Routledge Advances in Asia-Pacific Business. New York, NY: Routledge, 1998. xxi, 297 p.
14. *Perry M., Kong L., Yeoh B.* Singapore: A Developmental City State. Chichester: John Wiley & Sons, 1997. xviii, 339 p.
15. *Tan C.* Teacher-directed and learner-engaged: Exploring a Confucian conception of education // *Ethics Educ.* 2015. V. 10, No 3. P. 302–312. <https://doi.org/10.1080/17449642.2015.1101229>.
16. *Soon T.W.* Singapore's New Education System: Education Reform for National Development. Singapore: Inst. Southeast Asian Stud., 1998. x, 42 p.
17. *Gopinathan S., Wong B., Tang N.* The evolution of school leadership policy and practice in Singapore: Responses to changing socio-economic and political contexts (*insurgents, implementers, innovators*) // *J. Educ. Adm. Hist.* 2008. V. 40, No 3. P. 235–249. <https://doi.org/10.1080/00220620802507250>.
18. *Turnbull C.M.* A History of Singapore, 1819–1988. Singapore, Oxford, New York, NY: Oxford Univ. Press, 1989. xiv, 388 p.
19. *Wang G.* Lee Kuan Yew: History, heritage and the idea of Singapore // *Lee Kuan Yew through the Eyes of Chinese Scholars* / Yang C.-N., Yu Y.-S., Wang G. World Sci. Publ., 2017. P. 139–143. https://doi.org/10.1142/9789813202320_0011.
20. *Barr M.D., Skrbis Z.* Constructing Singapore: Elitism, Ethnicity and the Nation-Building Project. Ser.: Democracy in Asia. Vol. 11. Copenhagen: NIAS Press, 2008. 320 p.
21. *Matsuoka M.* Media and cultural policy and Japanese language education in Japanese-occupied Singapore, 1942–1945 // *Japanese Language and Soft Power in Asia* / Hashimoto K. (Ed.). Singapore: Palgrave Macmillan, 2018. P. 83–102. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5086-2_5.
22. *Guo J.* Popularizing Japanese language during the Japanese occupation of Singapore, 1942–1945: An analysis of the Nippon-Go Lesson columns in the Syonan times // *Japan and Southeast Asia: Continuity and Change in Modern Times* / Teow S.H., Lydia N.Y.J., Ricardo T.J., Yoshimura M. (Eds.). Manila: Ateneo de Manila Univ. Press, 2013. P. 93–113.
23. *A History of Singapore* / Chew E., Lee E. (Eds.). Singapore: Oxford Univ. Press, 1991. xx, 442 p.
24. *Harper T.N.* The End of Empire and the Making of Malaya. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. xviii, 417 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511585517>.

25. *Collins A.* Security and Southeast Asia: Domestic, Regional, and Global Issues. Singapore: Inst. Southeast Asian Stud.; Boulder, CO: Lynne Rienner Publ., 2003. ix, 245 p. <https://doi.org/10.1515/9781685857639>.
26. *Chai H.C.* Education and Nation Building in Plural Societies: The West Malaysian Experience. Ser.: Development Studies Centre Monograph. No 6 / Fisk E.K. (Ed.). Canberra: Aust. Natl. Univ., 1977. ix, 116 p.
27. *Choy W., Tan C.* Education Reform in Singapore: Critical Perspectives. Pearson Educ., 2011. 274 p.
28. *Wilson H.E.* Social Engineering in Singapore: Educational Policies and Social Change, 1819–1972. Singapore: Singapore Univ. Press, 1978. xv, 300 p.
29. *Lundvall B.-Å.* National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning. Ser.: Anthem Other Canon Economics. London, New York, NY, Delhi: Anthem Press, 2010. 404 p.
30. *Chakrabarty D.* Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Ser.: Princeton Studies in Culture/Power/History / Ortner S.B., Dirks N.B., Eley G. (Eds.). Princeton, NJ, Oxford: Princeton Univ. Press, 2000. xxvi, 301 p.
31. *Goh C.B., Gopinathan S.* Education in Singapore: Development since 1965 // An African Exploration of the East Asian Education Experience / Fredriksen B., Tan J.P. (Eds.). Ser.: Development Practice in Education. Washington, DC: The World Bank, 2008. P. 80–108.
32. *Gopinathan S.* Globalization, the state and education policy in Singapore // Education and Political Transition: Themes and Experiences in East Asia / Bray M., Lee W.O. (Eds.). Ser.: CERC Studies in Comparative Education. V. 1. Comp. Educ. Res. Cent., Univ. of Hong Kong, 2001. P. 21–36. URL: <https://hdl.handle.net/10497/12105>.
33. *Gopinathan S.* Towards a national system of education in Singapore, 1945–1973. Ser.: Oxford in Asia Current Affairs. Singapore: Oxford Univ. Press, 1974. 78 p.
34. *Tan C., Ng P.T.* Functional differentiation: A critique of the bilingual policy in Singapore // J. Asian Public Policy. 2011. V. 4, No 3. P. 331–341. <https://doi.org/10.1080/17516234.2011.630227>.
35. *Lee H.L.* Our future depends on creative minds // Speeches. 1996. V. 20, No 3. P. 34–41.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 15.09.2024

Калимонов Ильдар Кимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Kazan-Kalimonov@mail.ru

Кулаева Екатерина Константиновна, бакалавр направления «Зарубежное регионоведение»

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: kulaevakatya02@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)**2024, vol. 166, no. 4, pp. 178–191**

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.178-191

Singapore's Education System Through the Lens of Historical Development*I.K. Kalimonov*, E.K. Kulaeva****Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

E-mail: *Kazan-Kalimonov@mail.ru, **kulaevakaty02@mail.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 15, 2024

Abstract

The establishment of the education system in Singapore is explored. This city-state, unlike many former colonies, has successfully integrated into the global economy, becoming a role model for traditional societies pursuing modernization in today's environment. Through a comparative systemic analysis, the main characteristics of Singapore's education system are examined, and their evolution is traced. It is highlighted that they serve as the major factor in the emergence of Singapore as a leader in the Southeast Asian education sector. Tensions between developing supranational and national identities are found with the help of the systemic, typological, comparative, and retrospective methods. It is demonstrated how the two tendencies combine in the educational policy of Singapore. Based on the results obtained, the achievements and shortcomings of Singapore's educational landscape are discussed, and its future development is predicted. The methods of philosophical hermeneutics and everyday history research are applied in line with advancing approaches to the study of historical processes. The conclusions are drawn with an account of the principles of sociocultural history elaborated by English historians during the 20th century.

Keywords: Singapore, globalization, education system, education trends, history of education, knowledge economy, information age, post-industrial society, human capital

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Huat C.B. Singapore as model: Planning innovations, knowledge experts. In: Roy A., Ong A. (Eds.) *Worlding Cities: Asian Experiments and the Art of Being Global*. Malden, MA, Oxford, Chichester, Wiley-Blackwell, 2011, pp. 27–54. <https://doi.org/10.1002/9781444346800.ch1>.
2. Machlup F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, 1962. xix, 416 p.
3. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 1: The rise of the network society. Cambridge, MA, Blackwell Publ., 1996. xvii, 556 p.
4. Meyer J.W., Ramirez F.O., Robinson R., Boli-Bennett J. The world educational revolution, 1950–1970. *Sociology of Education*, 1977, vol. 50, no. 4, pp. 242–258. <https://doi.org/10.2307/2112498>.
5. Drucker P. *The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society*. New York, NY, Harper and Row, 1969. 394 p. <https://doi.org/10.1016/C2013-0-04383-6>.
6. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. Ritter M. (Trans.). Ser.: Theory, Culture and Society. London, Newbury Park, CA, New Delhi, Sage Publ., 1992. 260 p.
7. Sassen S. *Globalization and Its Discontents*. New York, NY, New Press, 1998. xxxvi, 254 p.
8. Friedman T.L. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. New York, NY, Farrar, Straus and Giroux, 2005. viii, 488 p.

9. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow, AST, 2003. 557 p. (In Russian)
10. Gopinathan S. Education and development in Singapore. In: Tan J., Gopinathan S., Ho W. K. (Eds.) *Education in Singapore: A Book of Readings*. Singapore, Prentice Hall, 1997, pp. 33–54.
11. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, 1997. x, 453 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv10vm2ns>.
12. Zhigunin V.D. *Drevnost' i sovremennost'. Chelovechestvo na puti k sintezu* [Antiquity and Modernity. Humanity on the Path to Synthesis]. Kazan, Nov. Znanie, 2000. 233 p. (In Russian)
13. Wai-Chung Yeung H. *Transnational Corporations and Business Networks: Hong Kong Firms in the ASEAN Region*. Ser.: Routledge Advances in Asia-Pacific Business. New York, NY, Routledge, 1998. xxi, 297 p.
14. Perry M., Kong L., Yeoh B. *Singapore: A Developmental City State*. Chichester, John Wiley & Sons, 1997. xviii, 339 p.
15. Tan C. Teacher-directed and learner-engaged: Exploring a Confucian conception of education. *Ethics and Education*, 2015, vol. 10, no. 3, pp. 302–312. <https://doi.org/10.1080/17449642.2015.1101229>.
16. Soon T.W. *Singapore's New Education System: Education Reform for National Development*. Singapore, Inst. Southeast Asian Stud., 1988. x, 42 p.
17. Gopinathan S., Wong B., Tang N. The evolution of school leadership policy and practice in Singapore: Responses to changing socio-economic and political contexts (*insurgents, implementers, innovators*). *Journal of Educational Administration and History*, 2008, vol. 40, no. 3, pp. 235–249. <https://doi.org/10.1080/00220620802507250>.
18. Turnbull C.M. *A History of Singapore: 1819–1988*. Singapore, Oxford, New York, NY, Oxford Univ. Press, 1989. xiv, 388 p.
19. Wang G. Lee Kuan Yew: History, heritage and the idea of Singapore. In: Yang C.-N., Yu Y.-S., Wang G. *Lee Kuan Yew through the Eyes of Chinese Scholars*. World Sci. Publ., 2017, pp. 139–143. https://doi.org/10.1142/9789813202320_0011.
20. Barr M.D., Skrbis Z. *Constructing Singapore: Elitism, Ethnicity and the Nation-Building Project*. Ser.: Democracy in Asia. Vol. 11. Copenhagen: NIAS Press, 2008. 320 p.
21. Matsuoka M. Media and cultural policy and Japanese language education in Japanese-occupied Singapore, 1942–1945. In: Hashimoto K. (Ed.) *Japanese Language and Soft Power in Asia*. Singapore, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 83–102. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5086-2_5.
22. Guo J. Popularizing Japanese language during the Japanese occupation of Singapore, 1942–1945: An analysis of the Nippon-Go Lesson columns in the Syonan times. In: Teow S.H., Lydia N.Y.J., Ricardo T.J., Yoshimura M. (Eds.) *Japan and Southeast Asia: Continuity and Change in Modern Times*. Manila, Ateneo de Manila Univ. Press, 2013. 93–113 p.
23. Chew E., Lee E. (Eds.) *A History of Singapore*. Singapore, Oxford Univ. Press, 1991. xx, 442 p.
24. Harper T.N. *The End of Empire and the Making of Malaya*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999. xviii, 417 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511585517>.
25. Collins A. *Security and Southeast Asia: Domestic, Regional, and Global Issues*. Singapore, Inst. Southeast Asian Stud.; Boulder, CO, Lynne Rienner Publ., 2003. ix, 245 p. <https://doi.org/10.1515/9781685857639>.
26. Chai H.C. *Education and Nation Building in Plural Societies: The West Malaysian Experience*. Ser.: Development Studies Centre Monograph. No. 6. Fisk E.K. (Ed.). Canberra, Aust. Natl. Univ., 1977. ix, 116 p.
27. Choy W., Tan C. *Education Reform in Singapore: Critical Perspectives*. Pearson Educ., 2011. 274 p.
28. Wilson H.E. *Social Engineering in Singapore: Educational Policies and Social Change, 1819–1972*. Singapore, Singapore Univ. Press, 1978. xv, 300 p.
29. Lundvall B.-Å. (Ed.) *National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning*. Ser.: Anthem Other Canon Economics. London, New York, NY, Delhi, Anthem Press, 2010. 404 p.

30. Chakrabarty D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Ser.: Princeton Studies in Culture/Power/History. Ortner S.B., Dirks N.B., Eley G. (Eds.). Princeton, NJ, Oxford, Princeton Univ. Press, 2000. xxvi, 301 p.
31. Goh C.B., Gopinathan S. Education in Singapore: Development since 1965. In: Fredriksen B., Tan J.P. (Eds.) *An African Exploration of the East Asian Education Experience*. Ser.: Development Practice in Education. Washington, DC, The World Bank, 2008, pp. 80–108.
32. Gopinathan S. Globalization, the state and education policy in Singapore. In: Bray M., Lee W.O. (Eds.) *Education and Political Transition: Themes and Experiences in East Asia*. Ser.: CERC Studies in Comparative Education. Vol. 1. Comp. Educ. Res. Cent., Univ. of Hong Kong, 2001, pp. 21–36. URL: <https://hdl.handle.net/10497/12105>.
33. Gopinathan S. *Towards a National System of Education in Singapore, 1945–1973*. Ser.: Oxford in Asia Current Affairs. Singapore, Oxford Univ. Press, 1974. 78 p.
34. Tan C., Ng P.T. Functional differentiation: A critique of the bilingual policy in Singapore. *Journal of Asian Public Policy*, 2011, vol. 4, no. 3, pp. 331–341. <https://doi.org/10.1080/17516234.2011.630227>.
35. Lee H.L. Our future depends on creative minds. *Speeches*, 1996, vol. 20, no. 3, pp. 34–41.

⟨ **Для цитирования:** Калимонов И.К., Кулаева Е.К. Сингапурская система образования в контексте исторического развития // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 178–191. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.178-191>. ⟩

⟨ **For citation:** Kalimonov I.K., Kulaeva E.K. Singapore's education system through the lens of historical development. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 178–191. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.178-191>. (In Russian) ⟩

ЭТНОГРАФИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 391(=512.141)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.192-203

ОДЕЖДА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ КАЛЫМА БАШКИР

А.Р. Махмудов

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, 450077, Россия
Мемориальный дом-музей М. Гафури – филиал Национального литературного музея
Республики Башкортостан, г. Уфа, 450078, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию института калыма как выкупа невесты у башкир в XVIII–XIX вв. На основе изучения материалов Национального архива Республики Башкортостан (фонд И-295 «Оренбургское магометанское духовное собрание») и опубликованных источников впервые выявлены различия в составе калыма в зависимости от локальных особенностей, хозяйственно-культурных типов и социально-экономического положения башкир. В большей степени указанные различия отразились на содержании «малого калыма», включающего летнюю и зимнюю одежду со всеми украшениями, головные уборы и монетно-коралловые нагрудники. Анализ архивных источников и литературы позволил расширить информационную базу в части определения специфики одежды и украшений, входящих в состав калыма.

Ключевые слова: калым, башкиры, семья, брак, одежда, украшения

Среди башкир, как и среди других тюркских народов, в XVIII–XIX вв. было распространено заключение брака через уплату калыма – выкупа за невесту. Поскольку обычаи института калыма господствовали в традиционном обществе и поддерживались исламской религией, то их трудно было искоренить. Калым включал домашний скот, деньги, предметы быта, постельные принадлежности, элементы одежды, головные уборы и украшения. Размеры, состав и сроки выплаты калыма зависели от местных традиций, а также социального положения молодых людей, вступающих в брачные отношения, в первую очередь от благосостояния семьи жениха и запросов родителей невесты. Для беднейших слоев населения калым сводился к минимуму обязательных подарков, часто он имел лишь символическую форму. Значение калыма заключалось в том, что его выплата (хотя бы половины его размера) являлась важным моментом начала семейно-брачных отношений. Кроме того, часть калыма обычно возвращалась обратно в качестве приданого невесты, тем самым формируя материально-имущественную основу нарождавшейся семьи.

Актуальность работы обусловлена большим интересом широкой общественности к этнической истории и культуре, возрождению многих этнокультурных традиций, особенно связанных со свадебной обрядностью. Значимость исследования состоит в том, что на основе анализа архивных материалов и опубликованной историко-этнографической литературы проведено специальное изучение института калыма, который включал в себя две части: денежную и материальную (вещи, скот, земля). Выявлены документальные материалы, содержащие ценные сведения о составе и размерах калыма в части одежды и украшений у разных групп башкир. Непосредственно у полукочевых башкир калым состоял в основном из продуктов скотоводства. Для состава калыма земледельческих районов проживания башкир характерно сравнительно большое количество покупных тканей, которые шли на изготовление одежды.

Традиционные брачные обычаи башкир, условия калыма, его состав и сроки выплаты описаны в трудах исследователей XVIII–XIX вв. В работе И.И. Лепехина подробно охарактеризованы свадебные обряды башкир, в которых строго соблюдались традиционные обычаи и основы исламских канонов. Так, родители договаривались о составе калыма, до полной уплаты которого невеста оставалась в доме родителей. Названы размеры калыма в 200 руб., «на который невестин отец закупает своей дочери все нужное платье» [1, с. 168]. Информацию о размере калыма дает и другой исследователь башкир – И.Г. Георги. По его сведениям, в конце XVIII в. калым составлял от 15 до 200 голов скота, «причем лошади, рогатый скот и овцы почти по равному даются числу» [2, с. 106]. В источнике XIX в. говорится, что выкуп за невесту состоял из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота (от 5 до 20 голов), ситцевого занавеса, трех рубашек, пары сапог, *кашмау*, платка и халата. Н.С. Попов для башкир Осинского и Пермского уездов Пермской губернии в начале XIX в. указывает размер калыма от 100 до 400 руб. и более [3, с. 23].

В своем очерке «К этнографии башкир» башкирский ученый и краевед Б.М. Юлуев описывает размер и состав калыма в Бурзянской волости Орского уезда Оренбургской губернии. По его материалам, калым составлялся из следующего имущества: лошадей, рогатого и мелкого скота (от 5 до 20 голов), трех рубашек, ситцевого занавеса, пары сапог, платка, *кажбау* (женского головного убора, шитого кораллами, с серебряными монетами, с опускающимся сзади длинным «хвостом»), халата *зиян* из черной китайки, обшитого по краям подола, фалдов и рукавов красным сукном и галуном. Все это шло в пользу невесты, кроме лошадей, из которых одна доставалась отцу девушки, а одна закалывалась на свадьбе. Кроме того, матери невесты отец жениха должен был подарить лисью шубу (*ина тун*) [4, с. 216–217].

Шиле в работе «Башкиры. Этнографический очерк» писал, что «ценность выкупа определяется обыкновенно состоянием жениха и заключается у самых бедных в возе дров или сена, а у самых богатых ценность калыма достигает иногда до 3 000 руб.» [5, с. 15]. По всей видимости, в первом случае имеется в виду отработка калыма в течение нескольких лет бедным женихом, который не имел материальных средств для выкупа, в хозяйстве отца невесты.

Детальное описание величины и разновидностей калыма находим в работе известного российского этнографа С.И. Руденко, который классифицирует ло-

кальные различия в составе калыма по географическим областям проживания башкир. У зауральских башкир калым состоял из лошадей, крупного рогатого и мелкого скота, двух–трех рубях, занавеси (*шаршау*), пары сапог, платка (у богатых – женского кораллового головного убора *кашмау*), халата (*елән*) из черной китайки, обшитого красным сукном и галуном, или просто суконного, или кармазинного. Ученый также отмечает, что одну лошадь получал отец девушки, а другая закалывалась на свадьбе, а матери невесты жених дарил лисью шубу (*инә туны*) [6, с. 217].

У северо-восточных башкир средней зажиточности калым состоял из 50–150 руб. денег, одной лошади, кобылы с жеребенком, двух коров с телятком, двух–трех овец и разных материй рублей на 15–20. При сильно колеблющейся величине калыма размер его был не меньше известной нормы, обусловленной обязательными со стороны жениха подарками: лошадь (*баи аты*) тестю, лисьей шубой (*инә туны*) теще, 10–15 руб. на расходы (*тартыу аксаһы*), лошадь, реже корову или барана, на зарез в день свадьбы (*туйлык*), материал на платье невесте и деньги на ее обеспечение (*мәһәр*). Теще не всегда дарилась лисья шуба, иногда это могли быть овечья шуба или даже простой халат. Местами этот подарок носил особое название *һөт хаҡы*, то есть «плата за молоко». За исключением обязательных подарков, весь калым отдавался отцу невесты, который взамен давал в приданое скот, деньги и прочее, нередко в большем размере, чем составлял калым. Кроме указанного приданого, собственницей которого считалась молодая, она получала от жениха так называемый «малый калым» – шаль, платок, халат, рубаху, сапоги и сундук [6, с. 217–218].

По данным известного исследователя и педагога Ш.Х. Сюнчелея, обе семьи обсуждали состав калыма, а именно: количество и виды калымного и свадебного скота (*калын малы и туй малы*), одежду для невесты (сколько и какой стоимости; *ягалы кием*), денежную часть калыма (*мәһәр*) (НА УФИЦ РАН, л. 49–51). Особенностью брака у башкир в период позднего средневековья стало то, что в качестве приданого и калыма иногда фигурировала и земля [7, с. 84].

Наиболее ценным и важным источником по изучению состава калыма исследуемого периода можно считать выявленные в Национальном архиве Республики Башкортостан дела Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Они содержат сведения по семейно-бытовым вопросам, имущественным спорам, в том числе связанным с неуплатой калыма. В указанных материалах приведена информация о брачующихся и родственниках с каждой стороны, а также о месте их проживания. Особо отмечаются калымные деньги, которые записывались муллой в метрические книги. Согласно этим документам, в XIX в. калым в денежном выражении исчислялся суммой от нескольких сотен до 1 500–1 700 руб. в зависимости от социального и материального положения семьи. По данным архивным источникам можно проследить не только денежную величину калыма, но и материальную составляющую, которая играла немаловажную роль в имуществе будущей жены.

Приведем примеры. Так, 8 января 1825 г. Васлора Хамитова, выйдя замуж за Мухаметрахима Кулмаметова, который заплатил в качестве калыма 500 руб., также получила от мужа семь целковых, вышитый с позументом платок

на 25 руб., сундук на 5 руб., перину с подушками на 30 руб., а из домашнего скота красную корову на 25 руб., одну лошадь (мерина бурого) на 25 руб. – всего на сумму 140 руб. (НА РБ1, д. 171, л. 22 об.). Другой пример величины калыма можно найти в материалах дела башкира Имангулова из д. Карлышановой Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии от 23 февраля 1826 г. Он выкупил свою жену за калым в 400 руб., который был выплачен сполна. В состав калыма входили кобыла сивая с жеребенком на 70 руб., вторая кобыла на 80 руб., жеребец бурой окраски на 90 руб., две коровы – одна красная, другая бурая с пятнами – на 70 руб., три овцы белые на 15 руб.; из одежды – белый суконный чекмень на 10 руб., одна пара сапог на 4 руб., 22 аршина белого сукна на 11 руб., два пуда меда на 40 руб., одна чашка и кувшин деревянный на 1 руб. 50 коп., деньгами серебром 1 целковый в 3 руб. 60 коп. (НА РБ1, д. 193, л. 1–1 об.).

Уклонение от уплаты калыма после вступления в брак было распространенным явлением. Так, башкир Чирувов Габдуннасыр из д. Якуповой Оренбургского уезда той же губернии жаловался ОМДС на неуплату калыма зятем. В прошении указывалось: «...в прошлом 1830 г. родную свою дочь Бибизигифу выдал я в замужество Динмузамета Карагузина с платой калыма 700 руб. и 5 голов лошадей. Однако зять отдал в счет калыма лишь зеленого сукна кафтан и один ковер, им цена 100 руб., а остальные не заплатил» (НА РБ1, д. 1365, л. 1–1 об.).

Аналогичную жалобу на неуплату калыма мужем подала 23 октября 1839 г. башкирка Аитова Хусниземал из д. Чиганчиной Бугурасланского уезда Оренбургской губернии. В материалах дела имелся список вещей и скота, которые не хотел отдавать просительнице Х. Аитовой в уплату калыма ее муж. Данный список включал: одну лошадь (мерина) – на 30 руб., пять овец – на 20 руб., десять коз – на 40 руб., постельное одеяло – на 4 руб., белую кошму – на 6 руб., большую перьевую подушку – на 5 руб., перину – на 10 руб., три перьевые подушки – на 4 руб., а также 14 разношерстных овец – на 48 руб.; всего – на сумму 167 руб. (НА РБ1, д. 1560, л. 2–2 об.).

В материалах за 1830 г. по делу тептяря А. Муртазина из д. Лаклиной Уфимского уезда Оренбургской губернии приводится стоимость калыма дочери Гульсултан Абдулнасыровой, который не заплатил жених Ильгигул Абдулкаримов. Размер калыма составлял 800 руб., но жених отдал лишь 400 руб. «Вдобавок к этому разными вещами всего 250 руб., а именно зилень зеленой китайчитой в 80 руб., перину и подушку в 15 руб., рубаху кумачевой в 5 руб., серебрянный перстень в 3 руб., деньгами два целковых, одну ситцевую рубаху в 5 руб., по одной паре ичигов и башмаков в 5 руб., конец китайки в 3 руб., пару шитых платков в 8 руб., одну пару шалевых платков в 8 руб., одну пару бумажных платков в 3 руб., один сундук в 3 руб., еще денег 10 руб., полфунта красной бумаги в 2 руб., один конец кумачу» (НА РБ1, д. 686, л. 11–11 об.).

Нередки были случаи, когда отец невесты отказывался отдавать замуж свою дочь до полной уплаты калымных денег. Заметим, что по традиции отец был важной персоной в создании будущих брачных отношений своих детей. Именно он подбирал невесту для сына и жениха для дочери, определял размеры калыма и приданого, а в дальнейшем непосредственно вмешивался в семейную жизнь сына и невестки. Например, башкир Иркибай Кутгильдин из д. Ахмерово Стер-

литамицкого уезда Оренбургской губернии жаловался на неуплату за его дочь калыма зятем. По условиям от 20 октября 1855 г. калым должен был составлять 800 руб. ассигнациями. Зять же заплатил деньгами 20 руб. серебром, отдал лошадей на сумму 100 руб. ассигнациями, а также кафтан красного сукна, два тулупа овчинных, покрытых черной китайкой, на 100 руб., 7½ пуда меда на 75 руб., мелкого серебра 10 руб. Так и не получив калым сполна, И. Кутгильдин решил не отдавать за него свою дочь (НА РБ1, д. 3878, л. 5–6 об.).

По установлениям шариата в некоторых случаях был возможен развод. У башкир практиковались главным образом *талак* (развод по воле мужа) и *хлюг* (уход жены). Муж мог развестись с женой в любое время по своему усмотрению, ему было достаточно в присутствии свидетелей и муллы трижды произнести слово «талак», и мулла записывал акт о разводе в метрическую книгу. Однако при расторжении брака по инициативе мужа он терял право требовать возвращения калыма обратно. При разводе по инициативе жены она возвращала часть калыма мужу. Причиной для развода со стороны жены могли быть невыплата калыма мужем, необеспечение продуктами питания, одеждой, жестокое обращение с ней. По документам инициаторами разводов часто становились женщины. К примеру, в 1866 г. в Уфимской губернии было зарегистрировано 1313 случаев развода по хлюгу и всего 268 случаев по талаку [8, с. 36].

Подобное явление объяснялось тем, что при талаке мужчины не всегда могли вернуть себе калым. И, поняв всю материальную невыгодность, мужья чаще вынуждали подавать на развод своих жен, в результате чего они получали вознаграждение. Так, башкирка Махбубзямал Нугуманова из д. Яппарово Белебеевского уезда Оренбургской губернии развелась с мужем Балгазием Аблаевым. За это она уступила недоплаченный калым, а также отдала мужу кафтан на 80 руб., кармазина на 50 руб., перины с подушкой на 30 руб., половину книги Корана на 6 руб., покрывала, рубахи, холсты в 10 аршин на 10 руб., двух овец на 10 руб., жеребца на 20 руб., козу на 3 с половиной руб. – всего на 209 руб. [9, с. 71].

Основанием для развода могли послужить также имущественные разногласия. Например, в 1844 г. жительница д. Бардаклуч Осинского уезда Пермской губернии Гульбиназа Азимбаева развелась со своим мужем Салихом Аминевым. Согласно обычаям шариата, по хлюгу она отдала за развод мужу кумачовую рубаху, шелковый камзол, камзол китайчатый, бумажный платок, белую рубашку с портами и полотенце (НА РБ2, д. 1476, л. 11–12).

Следующее дело такого плана – жених, передумав, вскоре женится на другой и все подаренные первой жене вещи отдает новой жене. Заметим, что основанием для спора со стороны первой жены стал довольно роскошный калым за невесту Мадину Аджиеву, дочь юртового татарина Аджи Магомеда Токузбаева из г. Астрахани. В июле 1834 г. в счет калыма женихом Рахматуллой Ибадуллаевым были подарены «разных вещей и денег 250 руб., красный шелковый платок в 30 руб., два перстня – один бриллиантовый в 350 руб., другой простой вызолоченный в 2 руб., бобровая шапка в 12 руб., канаватная рубаха в 12 руб., еще деньгами 114 руб., шесть пудов пшенного зерна за 4 руб. 50 коп. за пуд, шесть баранов по 6 руб. Отданы были: жемчужная шапка, стоящая 630 руб., большой палас в 450 руб., шесть подушек, в коих пуху два пуда, на 200 руб., пять жен-

ских платьев, коих хотя и обещался дать, отдал только одни верхи, всей должно быть на 26 руб., тоже обещался один пуд меда, но отдал только 10 фунтов. А 30 фунтов чая каждый по 80 коп. на 24 руб. не отдал, медное блюдо 2 руб., еще обещался денег на закуску старикам на 50 руб., но иных тоже не отдал» (НА РБ1, д. 1302, л. 1–1об.).

Судя по архивным материалам, в состав калыма включали продукты питания, которыми угощали гостей. Так, Мухаметьяр Кабылов в феврале 1832 г. израсходовал «при венчании на чай, сахар, вино, мед, мясо и прочее 36 руб. 60 коп.». Денежный калым за невесту составлял 800 руб., из которых жених заплатил 524 руб. 40 коп.: «...государственными ассигнациями на 100 руб., серебряных старинных целковых 5 руб., полагая каждой в 5 руб., мелким серебром на 4 руб.». А дальше следует перечисление стоимости верхней одежды и украшений: «...марьяну один фунт в 70 руб., полушелковый полосатой халат в 20 руб., лошадку мерина в 50 руб., кобылу в 70 руб., два окованных сундука 15 руб., китайки 4 конца 20 руб., занавес в 10 руб., круглой полог в 10 руб., китайчатой халат в 15 рублей, ситцу 7 аршин по 80 коп. каждой, на 5 руб. 60 коп., один конец выбойки в 6 руб., разноцветная тканая скатерть в 8 руб., тонкой пряжи на 13 руб., тонкого холста 4 аршина 1 руб. 20 коп., большая перьяная подушка в 5 руб., стяжное бумажное одеяло в 20 руб., женские ситцевые рубашки в 10 руб. и три платка бумажных в 10 руб.». Такие большие затраты по уплате калыма, по свидетельству самого жениха, довели его «до крайнего разорения» (НА РБ1, д. 1059, л. 2–2 об.).

Для того чтобы не выплачивать вторую часть калыма, жених мог похитить будущую невесту. Например, тептярь Гадылша Амиров из д. Еманзелги Красноуфимского уезда Пермской губернии в своем прошении указывал, что 10 апреля 1822 г. выдал свою дочь Амирову Латифу с условием получения калыма в 1 200 руб. деньгами. Также зять Ардашир Баширов должен был помимо данной суммы отдать в счет вещи: «...одну шубу, крытую китайкою, три конца кумачу, пять пудов меду, один фунт чаю и одну лошадь, да еще в число калымных денег для невесты таковую крытую шубу и один зилень позументами, 33 руб., пуху один пуд, четыре конца китайки, три пары платков, ситцу и 3 женских рубах, серебром 2 целковых, один сундук без замка, одну бухарскую занавеску, деньгами двести рублей». Однако последний, не уплатив сполна калым, самовольно увел Амирову Латифу к себе домой, причем забрал еще и сундук, в котором хранились «китайки ситцу пять аршин, две женские рубашки, две пары шелковых платков, одна мужская рубаха с портами, перчатки, один денежной мешок, перину с подушкой, занавеску и один башмак». После разбирательств Г. Амирову удалось забрать свою дочь обратно (НА РБ1, д. 156, л. 48–48 об.).

Другой пример кражи невесты женихом описан в деле башкирки Бердыгуловой Мурғизары из д. Тавакачево Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии. В 1822 г. она была просватана за башкира Яньюрдашева Мифтахитдина с условием калыма в 550 руб. Однако жених, приняв данное условие, больше в дом к невесте не возвращался. И по прошествии двух лет, когда она гостила у своего дяди в деревне Сарт, он, как пишет в своем прошении М. Бердыгулова, ее «тихим образом... из дому дяди... увез к себе в дом». Там он отдал в счет калы-

ма «две перины и подушку перовые, один зилень китайчитой, шелковой кушак, бумажной платок, половину черной кожи, белую кошму и башкирский с марье-ном и мелким серебром нагрудник, стоящие всего 142 руб. 50 коп.». Не прожив с ней и 15 дней, после болезни невесты жених отвозит ее обратно в дом родителей, оставив у себя выданный ей калым. По свидетельству М. Бердыгуловой, на момент написания прошения он уже больше пяти лет к ней не ездит, так как высватал себе другую (НА РБ1, д. 389, л. 1–1 об., 8).

Схожее прошение от 5 ноября 1833 г. было направлено башкиром Якшембетом Каранаевым из д. Узунларовой Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии гражданскому губернатору Н.В. Жуковскому. В документе говорилось, что в феврале 1833 г. его дочь Джавиля Якшимбетова была просватана за урядника Шемсутдина Джумбаева из д. Ячи Верхнеуральского уезда. Общий калым за невесту составил 800 руб., из которых было выдано деньгами 200 руб. Однако в октябре того же года его дочь во время поиска скотины была похищена сыном указного муллы Ягулдина Загидуллы Абдулнасыровым. Подробно описывается одежда дочери, которая включала «халат черной китайки с обшивкой золотым позументом в 50 руб., другой такой же с обшивкой в 15 руб. Также нагрудник, убранный моржаном, мелкими серебряными деньгами и прочим в 120 руб., также навеска, тоже убранная серебром и моржаном (моретен) в 30 руб., пояс шелковый в 12 руб.; рубаха и порты кумашные в 12 руб., а всего на сумму в 239 руб.». Тем самым Якшембет Каранаев жаловался, что потерял условленный калым от урядника Джумбаева и свои вещи – хорошую одежду, которая была при дочери [10, с. 213].

Обычно брачным возрастом для девушек считались 14–15 лет, для юношей – 16–17 лет. Но нередко были случаи женитьбы на малолетних. Так, по рапорту ахуна Габдулкавья Яушева из д. Кундрякбашевой Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии от 30 июля 1855 г. было рассмотрено одно из таких дел. Дочь имама Галям Хузина жаловалась, что ее отец, имам Девлет Хузин, без ее согласия выдал ее замуж за малолетнего башкира Шарафутдина Мухаметвалиева, которому было от роду только 15 лет. По свидетельству жены Галям Хузиной, с которой они прожили четыре года, муж полностью «отобрал ее имущество, производил над ней ругательства, называя блудницей, и причинил ей жестокие побои, до беспамятства, с отобранием от нее кашбова и прочей одежды ночью бросил ее на пашню деревни». В итоге брак был расторгнут по причине малолетства супруга (НА РБ1, д. 3882, л. 20–22 об.).

По мнению Оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, «костюмы башкир не везде одинаковы, но во многом разнятся по различным местам от жительства» [10, с. 470]. То же можно сказать про состав и размер калыма в части народной одежды. В юго-западной и отчасти юго-восточной частях Башкирии в состав калыма включали женские головные уборы *кашмау* и *каляпуш*. Они определяли статус замужней женщины, состояли из шлемообразной шапочки из кораллов с длинной лопастью сзади, покрывающей волосы. Еще в конце XVIII в. И.И. Лепехин так описывает головной убор замужней женщины: «...она на голове сверх своей кашпау привязывает согнутой лисий или другой малахай» [1, с. 172]. Однако уже в конце XIX – начале XX в. подобные уборы

встречались довольно редко, так как произошло обнищание большей части башкир (вследствие русской колонизации, политики закрепления башкир за землями, резкого сокращения количества скота) и такие дорогие вещи были доступны далеко не всем женщинам.

Наиболее массовым головным убором в составе калыма были платки (*кушъяулык*) хлопчатобумажные, шелковые, а также шалевые. В локальной зоне юго-восточных и юго-западных башкир был широко распространен в составе калыма халат (*зилен*), обычно богато украшенный позументом, вышивкой, монетами и подвесками, который был обязательной частью костюма невесты. Достаточно часто в составе калыма встречаются украшения: перстни, браслеты (*блязык*), серьги, косники с подвесками, а также нагрудники, отличающиеся в разных районах (у зауральских башкир – *яга*, у юго-западных башкир – *сакал*, у юго-восточных – *сельтяр*, у северо-восточных – *муйынса*, у северо-западных – *хэситэ*). Из традиционной обуви в состав калыма входили башмаки, ичиги, кожаные галоши (*ката*), сапоги; практически всегда имелись постельные принадлежности (перина) и подушки. У северо-западных башкир и в смежных районах наряд невесты особо не отличался от праздничного одевания взрослых девушек и молодых женщин, разве что был ярче и добротнее [11, с. 64].

С калымным браком непосредственно связаны *левират* и *сорорат*. Обычаи левирата (брак с вдовой умершего брата) и сорората (брак с сестрой умершей жены) были обусловлены главным образом экономическими причинами. В случае ухода из семьи вдова уносила с собой приданое. Чтобы этого не допустить, один из братьев умершего женился на ней. Кроме того, левират был не лишен гуманного смысла: это давало вдове возможность воспитывать своих детей в полноценной семье. По данным А.З. Асфандиярова, левират практиковался довольно часто и был более распространенным явлением, чем сорорат [9, с. 88]. Во втором случае вдовец обычно брал в жены младшую сестру умершей (*балдыз*). По мнению Н.В. Бикбулатова, левират у башкир имел свою особенность: на вдове мог жениться не только брат умершего мужа, но и племянник, что находится в полном соответствии с системой родства башкир [11, с. 140–141].

Д.К. Зеленин отмечал, что если вдова предпочитала выходить замуж за чужого, то родственники первого мужа имели право взыскать с нового мужа вдовы «полный калым», то есть тот, который был уплачен за нее ее покойным мужем. Дело в том, что вдова, не наследуя вообще имущества своего мужа, наследовала, однако, все то, что она принесла в его дом в качестве приданого от отца (свою одежду, а также скот, особенно кобыл). Именно это имущество вдовы, если его было немало, и являлось обычно главной притягательной силой для кандидатов-женихов, что отмечали сами башкиры [12, с. 81–82]. Женитьба на вдове умершего брата избавляла также от необходимости выплачивать калым за другую женщину.

Как показано выше, отдельные вещи, в том числе одежда и украшения, из части калыма становились частью приданого, при этом в описаниях определялась стоимость каждого предмета. Также у башкир практиковался обмен подарков на деньги. В свадебной обрядности юго-восточных башкир специфичным является обычай «продажи» подарков. Как пишет Б.М. Юлуев, «мать невесты привозит

небольшой сундучок, наполненный предметами рукоделия ее дочери». Это могли быть налобные повязки *хараус*, вышитые кисеты *янсык*, матерчатые нагрудные повязки, лоскутки тканей, нитки и т. д. Деньги, вырученные от продажи подарков, полностью доставались невесте [4, с. 219]. Кроме того, после выплаты назначенного калыма совершалось прощание невесты с деревней и ее проводы в дом жениха, что было описано Д.К. Зелениным и другими авторами. Заходя в каждый дом, невеста дарила по порядку каждому домохозяину полотенце или скатерть; хозяин же дарил ей за это серебряную монету – рубль или полтинник. Собранные таким образом деньги составляли собственность невесты, крепились большею частью на нагрудник и использовались ею по мере необходимости, в том числе на приобретение новых вещей [12, с. 86].

Таким образом, специфической особенностью семейно-брачных отношений у башкир, как и у ряда других народов, был калым, который имел форму выкупа за невесту. Брак здесь носил характер торговой сделки и заключался по воле родителей. Причем калым определял не только материальное благополучие невесты, но и главным образом был источником экономического достатка для отца девушки, так как часть калыма отдавалась отцу невесты, другая половина возвращалась обычно в качестве приданого новобрачной. В состав калыма в основном входили скот, денежные средства, разные вещи, одежда и украшения, хозяйственные предметы, а также продукты.

Одежда в составе калыма в разные времена и у разных локальных территориальных групп башкир занимала важное место. Народная одежда, характеризующая «малый калым», представляла собой традиционные праздничные и свадебные наряды и аксессуары невесты. Одежда и украшения различались по ареалам территориального расселения башкир, а также могли быть схожими с элементами костюмных комплектов соседних народов, в том числе татар. Калым включал головные уборы и покрывала, нагрудные украшения из кораллов и монет, камзолы, тканевые халаты, шубы и тулупы, различные шерстяные, шелковые платки, а также кожаную обувь. Со временем одежда в составе калыма постепенно начинала включать импортные, покупные изделия, среднеазиатские и китайские ткани. Дорогие ювелирные украшения служили маркером состоятельности и социального положения брачующихся сторон. В процессе проведения семейных обрядов происходил обмен подарками, предметы калыма становились приданым невесты. Заимствование элементов одежды брачующихся сторон, в том числе представителей разных родов и племен, способствовало формированию общего пласта культуры.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 122041900118-5.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

НА РБ1 – Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-295: Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 171. 24 л.; Д. 193. 11 л.; Д. 1365. 16 л.; Д. 1560. 8 л.; Д. 686. 14 л.; Д. 3878. 11 л.; Д. 1302. 7 л.; Д. 1059. 8 л.; Д. 156. 87 л.; Д. 389. 12 л.; Д. 3882. 24 л.

НА РБ2 – Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-295: Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 4. Д. 1476. 15 л.

НА УФИЦ РАН – *Сюнчелей Ш.Х.* Этнографические материалы о башкирах. 1947 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 2. Д. 174. 105 с.

Литература

1. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Имп. Академиею наук, по предложению ее президента: в 7 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1822. Т. 4: Продолжение записок путешествия Академика Лепехина. Ч. 3. Путешествие от Табынска до Екатеринбурга. 436 с.
2. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. Ч. 2. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. 178 с.
3. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического Общества: в 3 ч. СПб.: Имп. тип., 1813. Ч. 3. 355 с.
4. *Юлуев Б.М.* К этнографии башкир: свадебные обряды в Орском уезде Оренбургской губернии // Этнографическое обозрение. 1892. № 2-3. С. 216–223.
5. *Шиле.* Башкиры. Этнографический очерк // Природа и люди. 1879. Март. С. 1–16.
6. *Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
7. *Исянгулов Ш.Н.* Семья и брак у башкир в период средневековья. Уфа: Мир печати, 2018. 162 с.
8. *Галиева Ф.Г.* Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. Уфа: Китап, 2020. 296 с.
9. *Асфандияров А.З.* Башкирская семья в прошлом: XVIII – первая половина XIX в. Уфа: Китап, 1997. 99 с.
10. Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / Редкол.: А.З. Асфандияров, Р.Н. Рахимов, Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа: ИИЯЛ, 2012. 544 с.
11. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир, XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
12. *Зеленин Д.К.* О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Этнограф. обозрение. 1908. № 3. С. 79–87.

Поступила в редакцию 15.03.2024

Принята к публикации 15.05.2024

Махмудов Альберт Рафилевич, аспирант отдела этнографии¹; научный сотрудник²

¹ Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
ул. К. Маркса, д. 6, г. Уфа, 450077, Россия

² Мемориальный Дом-музей М. Гафури – филиал Национального литературного музея Республики Башкортостан

ул. Гоголя, д. 28/1, г. Уфа, 450077, Россия

E-mail: alic3842@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.192-203

Clothing as an Integral Part of the Bashkir Kalym*A.R. Makhmudov**R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center,
Russian Academy of Sciences, Ufa, 450077 Russia**M. Gafuri Memorial House – Branch of the National Literary Museum
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, 450078 Russia*E-mail: *alic3842@yandex.ru*

Received March 15, 2024; Accepted May 15, 2024

Abstract

This article examines the Bashkir institution of kalym (bride price) in the 18th–19th centuries. Using the materials from the National Archive of the Republic of Bashkortostan (fund I-295 “Orenburg Mohammedan spiritual assembly”) and published sources, differences in the composition of kalym are identified depending on the local distinctions among the Bashkirs, as well as their economic and cultural types and socio-economic status. These differences were most apparent in the so-called “smaller” kalym, which consisted of summer and winter clothing with jewelry, headwear, and coin-coral pectoral ornaments. The results of the literature and archival analysis yield a deeper understanding of the specifics of clothing and jewelry included in kalym. A pivotal role of the institution of kalym and dowry in the life of the Bashkirs is shown. The garments in the Bashkir kalym had both practical and symbolic functions — they regulated property rights and indicated the material well-being of a young family. Varying from one to another Bashkir settlement, they also shared similarities with the costumes of neighboring peoples, such as the Tatars. The exchange of clothing garments between the marrying parties, including members of different Bashkir clans and tribes, ended up in the formation of a unique cultural layer.

Keywords: kalym, Bashkirs, family, marriage, clothes, jewelry

Acknowledgments. This study was performed as part of state assignment no. 122041900118-5 to the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. *Polnoe sobranie uchenykh putesthestvii po Rossii, izdavaemoe Imp. Akademiei Nauk, po predlozheniyu ee prezidenta* [The Complete Collection of Scientific Travels in Russia Published by the Imperial Academy of Sciences, at the Request of Its President]. Vol. 4: A continuation of Academician Lepekhin's travel notes. Pt. 3: A journey from Tabynsk to Yekaterinburg. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk, 1822. 436 p. (In Russian)
2. Georgi I.G. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovennii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei* [Description of All Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Occupations, Pastimes, Faiths, and Other Features]. Pt. 2: About the peoples of the Tatar tribe and others of undecided origin in the Northern Siberia. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk, 1799. 178 p. (In Russian)

3. Popov N.S. *Khozyaistvennoe opisanie Permskoi gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu ee sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, mnogochislennym rudnym zavodam, promyshlennosti i domovodstvu, sochinennoe po nachertaniyu Imperatorskago Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva* [An Economic Description of the Perm Governorate According to Its Civil and Natural State in Relation to Agriculture, Numerous Ore Plants, Industry, and Household Management as Composed by the Free Economic Society for the Encouragement of Agriculture and Husbandry]. Pt. 3. St. Petersburg, Imp. Tip., 1813. 355 p. (In Russian)
4. Yuluev B.M. On the Bashkir ethnography: Wedding traditions in the Orsk district of the Orenburg governorate. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 1892, nos. 2–3, pp. 216–223 (In Russian)
5. Shile. Bashkirs. An ethnographic essay. *Priroda i Lyudi*, 1879, Mar., pp. 1–16 (In Russian)
6. Rudenko S.I. *Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays]. Ufa, Kitap, 2006. 376 p. (In Russian)
7. Isyngulov Sh.N. *Sem'ya i brak u bashkir v period srednevekov'ya*. [Family and Marriage among Bashkirs in the Middle Ages]. Ufa, Mir Pechati, 2018. 162 p. (In Russian)
8. Galieva F.G. *Semeinye obryady i obychai bashkir v polikul'turnom prostranstve* [Family Rituals and Customs of the Bashkirs in a Multicultural Space]. Ufa, Kitap, 2020. 296 p. (In Russian)
9. Asfandiyarov A.Z. *Bashkirskaya sem'ya v proshlom: XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Bashkir Family in the Past: From the 18th to the First Half of the 19th Centuries]. Ufa, Kitap, 1997. 99 p. (In Russian)
10. Asfandiyarov A.Z., Rakhimov R.N., Khisamitdinova F.G. (Eds.) *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda: (1790–1912)* [Documents and Materials on the History of the Bashkir People (1790–1912)]. Ufa, IYYaL, 2012. 544 p. (In Russian)
11. Bikbulatov N.V., Fatykhova F.F. *Semeinyi byt bashkir, XIX–XX vv.* [Bashkir Family Life. 19th–20th Centuries]. Moscow, Nauka, 1991. 189 p. (In Russian)
12. Zelenin D.K. About levirate and some other customs of the Bashkirs in the Yekaterinburg district. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 1908, no. 3, pp. 79–87. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Махмудов А.Р. Одежда как составляющая часть калыма башкир // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 192–203. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.192-203>. ⟩

⟨ **For citation:** Makhmudov A.R. Clothing as an integral part of the Bashkir kalyam. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 192–203. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.192-203>. (In Russian) ⟩

